

Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 3 (17)

2022

Құрылтайшы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғыл. докт. **Б.Ә. Байтанаев**,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы,
Қазақстан)

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиков, ТР ҒА корр.-мүшесі, тарих ғыл. докт.,
А.Х. Халиков ат. Археология институты (Қазань,
Ресей) (төраға);
А. Оутрам, археология докт., проф., Эксетер
университеті (Эксетер, Ұлыбритания);
А.А. Тишкин, тарих ғыл. докт., проф., Алтай
мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей);
В.Б. Панковский, тарих ғыл. канд., Археология
институты (Киев, Украина);
Ж.Қ. Таймағамбетов, тарих ғыл. докт., проф., ҚР ҰҒА
академигі, ҚР Ұлттық музейі (Астана, Қазақстан);
З. Самашев, тарих ғыл. докт., проф., Ә.Х. Мар-
ғұлан ат. Археология институты (Астана,
Қазақстан);
И.Л. Қызласов, тарих ғыл. докт., Археология
институты (Москва, Ресей);
М. Фрачетти, археология докторы, Вашингтон
университеті (Сент-Луис, АҚШ);
М.Е. Елеуов, тарих ғыл. докт., проф., әл Фараби ат.
Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан);
Н. Бороффка, археология докт., проф., Неміс архео-
логия институты (Берлин, Германия);
Н.Ю. Смирнов, тарих ғыл. канд., Материалдық
мәдениет тарихы институты (Санкт-Петербург,
Ресей);
П.М. Кольцов, тарих ғыл. докт., проф., Б.Б. Горо-
виков ат. Қалмақ мемлекеттік университеті (Элиста,
Ресей);
Р. Йовита, PhD докторы, Нью-Йорк университеті
(Нью-Йорк, АҚШ);
Р.Х. Сулейманов, тарих ғыл. докт., профессор,
Мирзо Ұлықбек атындағы Өзбекстан ұлттық
университеті (Ташкент, Өзбекстан);
С.Е. Әжіғали, тарих ғыл. докт., профессор,
Ш.Ш. Уалиханов атындағы Тарих және этнология
институты (Алматы, Қазақстан);
Т. Уильямс, археология докт., проф., Археология ин-
ституты (Лондон, Ұлыбритания)

Редакциялық алқасы:

А.А. Бисембаев, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат.
Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ә.М. Манапова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат.
Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Д.А. Воякин, тарих ғыл. канд., Орталық Азия
халықаралық зерттеулер институты (Самарқан,
Өзбекстан);
Е. Ақымбек, PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ж. Құрманқұлов, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан
ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ж.Р. Утубаев, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат.
Археология институты (Алматы, Қазақстан);
М.Қ. Хабдулина, тарих ғыл. канд., Л.Н. Гумилев ат.
Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан);
Т.Б. Мамиров, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат.
Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат.
Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат.
Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Техникалық редакторы

З.М. Толенова, тарих ғыл. канд., доцент,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы,
Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Телефон: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Журналдың арнайы сайты: arheokz.com

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады.
ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің
Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді
баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық
агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы
14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау

Басылым Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің
2021–2022 жылдарға арналған ЖТН № OR11465466 бағдарламалық-нысаналы
қаржыландырылатын жоба шеңберінде жүзеге асырылады.

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 3 (17)

2022

Учредитель: Институт археологии им. А.Х. Маргулана

Главный редактор

Академик НАН РК, докт. ист. наук **Б. А. Байтанаев**,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
(Алматы, Казахстан)

Редакционный совет:

А.Г. Ситдиқов, чл.-корр. НАН РТ, докт. ист. наук,
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
(Казань, Россия) (председатель);

А. Оутрам, доктор археологии, проф., Университет
Эксетер (Эксетер, Великобритания);

А.А. Тишкин, докт. ист. наук, проф., Алтайский
государственный университет (Барнаул, Россия);

В.Б. Панковский, канд. ист. наук, Институт
археологии НАН Украины (Киев, Украина);

Ж.К. Таймагамбетов, докт. ист. наук, проф., академик
НАН РК, Национальный музей Республики
Казахстан (Астана, Казахстан);

З. Самашев, докт. ист. наук, проф., Институт
археологии им. А.Х. Маргулана (Астана,
Казахстан);

И.Л. Кызласов, докт. ист. наук, Институт археологии
РАН (Москва, Россия);

М. Фрачетти, докт. археологии, Университет
Вашингтон (Сент-Луис, США);

М.Е. Елеуов, докт. ист. наук, проф., Казахский на-
циональный университет им. аль-Фараби (Алматы,
Казахстан);

Н. Бороффка, докт. археологии, проф., Немецкий
археологический Институт (Берлин, Германия);

Н.Ю. Смирнов, канд. ист. наук, Институт истории
материальной культуры РАН (Санкт-Петербург,
Россия);

П.М. Кольцов, докт. ист. наук, проф., Калмыцкий
государственный университет им. Б.Б. Городовикова
(Элиста, Россия);

Р. Йовита, PhD, Университет Нью-Йорк (Нью-Йорк,
США);

Р.Х. Сулейманов, докт. ист. наук, проф.,
Национальный университет Узбекистана имени
Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан);

С.Е. Ажигали, докт. ист. наук, проф., Институт
истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы,
Казахстан);

Т. Уильямс, докт. археологии, проф., Институт
археологии (Лондон, Великобритания)

Редакционная коллегия:

А.А. Бисембаев, канд. ист. наук, Институт археоло-
гии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);

А.М. Манапова, канд. ист. наук, Институт археоло-
гии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);

Д.А. Воякин, канд. ист. наук, Международный ин-
ститут центральноазиатских исследований (Самар-
канд, Узбекистан);

Е. Акымбек, PhD, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);

Ж. Курманкулов, канд. ист. наук, Институт археоло-
гии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);

Ж.Р. Утубаев, канд. ист. наук, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);

М.К. Хабдулина, канд. ист. наук, Евразийский наци-
ональный университет им. Л.Н. Гумилёва (Астана,
Казахстан);

Т.Б. Мамиров, канд. ист. наук, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова, канд. ист. наук, Институт археоло-
гии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);

Г.А. Базарбаева, канд. ист. наук, Институт археоло-
гии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Технический редактор

З.М. Толенова, канд. ист. наук, доцент, Институт
археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы,
Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Официальный сайт журнала: archeokz.com

Журнал основан 26 апреля 2018 г.

Свидетельство о постановке на учет периодического
печатного издания и (или) информационного
агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано
Комитетом информации и архивов Министерства
связи и информации РК

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова

Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2021–2022 гг.,
ИРН проекта № OR11465466

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
Margulan Institute of Archaeology

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

ҚАЗАҚСТАН АРНЕОЛОГИАСЫ

№ 3 (17)

2022

Founder: Margulan Institute of Archaeology

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Dr. of Hist. Sciences
Bauyrzhan A. Baitanayev, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editors:

Airat G. Sitdikov, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Dr. of Hist. Sciences, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology (Kazan, Russia) (chairman);
Alan Outram, Dr. of Archaeology, Prof., Exeter University (Exeter, UK);
Alexey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Altai State University (Barnaul, Russia);
Igor L. Kyzlasov, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology (Moscow, Russia);
Madiyar Ye. Yeleuov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan);
Michael D. Frachetti, Dr. of Archaeology, Washington University (St. Louis, USA);
Nikolaus N.O. Boroffka, Dr. of Archaeology, Prof., German Archaeological Institute/DAI (Berlin, Germany);
Nikolay Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sciences, Institute for the History of material culture (Saint Petersburg, Russia);
Petr M. Koltsov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., B.B. Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
Rady P. Ioviță, PhD, New York University (New York, USA);
Rustam Kh. Suleymanov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
Serik E. Ajigali, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan);
Tim Williams, Dr. of Archaeology, Prof., Institute of Archaeology Gordon Square (London, UK);
Valentin B. Pankowski, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology (Kyiv, Ukraine);
Zainolla Samashev, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Margulan Institute of Archaeology (Astana, Kazakhstan);
Zhaken K. Taimagambetov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National museum of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Editorial Board:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Arman A. Bissembaev, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Dmitriy A. Voyakin, Cand. of Hist. sciences, International Institute for Central Asian studies (Samarkand, Uzbekistan);
Maral K. Khabdulina, Cand. of Hist. Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);
Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Yeraly Sh. Akymbek, PhD, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Zhanbolat R. Utubayev, Cand. of Hist. sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Zholdasbek Kurmankulov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Galiya A. Bazarbayeva, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editor:

Zirabuby M. Tolenova, Cand. of Hist. Sciences, Ass. Prof., Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Phone: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Official website of the journal: archeokz.com

The journal was founded on April 26, 2018.
Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2021–2022, project IRN OR11465466

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Самашев З. (Астана, Қазақстан) Об одном погребально-поминальном обряде у ранних саков	9
Самашев С.К. (с. Жамбыл, Қазақстан), Сиражева Б.А. (Алматы, Қазақстан) Роговые предметы с тамгообразными знаками: по материалам сянбийских погребений некрополя Берел	32
Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. (Алматы, Қазақстан) «Солнечные курганы» Ашугасты: историческая память в Степи (по результатам радиоуглеродного анализа)	43

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Bissembaev A., Khavansky A., Zhanuzak R., Akhatov G. (Almaty, Kazakhstan), Maitekov D. (NJ, USA) The study of monuments of the Ulus Jochi era on the territory of Aktobe region	74
Тәжескеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.К. (Қызылорда, Қазақстан) 2019 және 2022 жж. ортағасырлық Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы	91

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Coco E. (NY, USA), Mamirov T. (Almaty, Kazakhstan) Examining recycling behaviors at Semizbugu P1 (2022), Kazakhstan	103
Дарменов Р.Т. (Астана, Қазақстан), Тәжескеев Ә.Ә., Құрманиязов И.С., Сұлтанжанов Ж.Қ. (Қызылорда, Қазақстан) 2021 жылы Ботай қонысында жүргізілген ғылыми-реставрациялық жұмыстарының нәтижелері	115
Антонов М.А., Горячев А.А. (Алматы, Қазақстан), Хисматуллин Р.К. (Талдықорған, Қазақстан) Тополандшафтные исследования курганов раннего железного века западной части Жетысу Алағуу	126
Бугарчев А.И., Емельянов В.П. (Казань, Россия) О редких фракциях дирхамов булгарской чеканки второй половины XIII в.	151

ХРОНИКА

Мамиров Т.Б. (Алматы, Қазақстан) Маргулановские чтения–2022	158
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	162
Авторларға арналған ереже – Правила для авторов	163

CONTENT

ARCHAEOLOGY ISSUES

- Z. Samashev** (*Astana, Kazakhstan*)
About one funeral and memorial rite among the early Sakas (in Russian) 9
- S. Samashev** (*Zhambyl vil., Kazakhstan*), **B. Sirazheva** (*Almaty, Kazakhstan*)
Horn objects with tamga signs:
based on the materials of the Xianbi burials of the Berel necropolis (in Russian) 32
- G. Jumabekova, G. Bazarbayeva** (*Almaty, Kazakhstan*)
«Solar» mounds of Ashutasty: historical memory in the Steppe
(based on the results of radiocarbon analysis) (in Russian) 43

FIELD STUDIES

- A. Bissembaev, A. Khavansky, R. Zhanuzak, G. Akhatov** (*Almaty, Kazakhstan*),
D. Maitekov (*NJ, USA*)
The study of monuments of the Ulus Jochi era on the territory of Aktobe region (in English) 74
- A. Tazhekeyev, Zh. Sultanzhanov** (*Kyzylorda, Kazakhstan*)
On archaeological exploration work carried out in the vicinity
of the medieval settlement Zhankent in 2019 and 2022 (in Kazakh) 91

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

- E. Coco** (*NY, USA*), **T. Mamirov** (*Almaty, Kazakhstan*)
Examining recycling behaviors at Semizbugu P1 (2022), Kazakhstan (in English) 103
- R. Darmenov** (*Astana, Kazakhstan*), **A. Tazhekeyev, Y. Kurmaniyazov,**
Zh. Sultanzhanov (*Kyzylorda, Kazakhstan*)
Results of scientific-restoration works for the Botai settlement in 2021 (in Kazakh) 115
- M. Antonov, A. Goryachev** (*Almaty, Kazakhstan*),
R. Khismatullin (*Taldykorgan, Kazakhstan*)
Topolandscape researches of the early Iron Age
mounds of the western part of Zhetysu Alatau (in Russian) 126
- A. Bugarchev, V. Emelyanov** (*Kazan, Russia*)
About the rare fractions of the Dirhams of the Bulgarian minting
of the second half of the 13th century (in Russian) 151

CHRONICLE

- T. Mamirov** (*Almaty, Kazakhstan*)
Margulan readings–2022 (in Russian) 158
- List of Abbreviations** 162
- Submissions** 163

УДК 902/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.9.31>

Об одном погребально-поминальном обряде у ранних саков

© 2022 г. Самашев З.

Keywords: archaeology, East Kazakhstan, Altai, «sheep» burials, rite

Түйін сөздер: археология, Шығыс Қазақстан, Алтай, қой жерлеу, рәсім

Ключевые слова: археология, Восточный Казахстан, Алтай, «бараны» захоронения, обряд

Zainolla Samashev¹

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. E-mail: archaeology_kz@mail.ru

About one funeral and memorial rite among the early Sakas

Abstract. The article analyzes a group of funerary monuments of the Early Iron Age in East Kazakhstan and in a number of adjacent territories (Kuruk-II, Kondratievka-XXI, Solonechnye belki/Топкайың, Майемер, Gilevo-10, Mashenka-1, Chekanovsky log-10, etc.), which included mounds containing accompanying burials of horses, sheep (small cattle), and in one case additionally dogs. Some variation in the practice of implementing this rite of passage – animals in the same chamber with a person, sometimes in a separate pit, the presence of an underside chamber or a stone box is an indicator of local ethnographic diversity. Two areas of this phenomenon are distinguished: Kuruksky (Kuruksko-Kondratievsko-Gilevsky) and Verkhnebukhtarminsky. It is interesting that the elements of the funeral rites of the population of the region of the Early Saka period to some extent coincide with certain Vedic traditions associated with sacrifices in honor of the highest deities of the religious pantheon of various animals in a hierarchical sequence – horse – ram (goat) – dog. In the context of the analysis of the material, the author draws attention to the sacrificial pose of horses in accompanying burials, the contour of which repeats the curve of the grave pit, evoking associations with a coiled feline predator. In general, the elements of the funeral rite are interpreted by the author as a narrowly local cultural and chronological phenomenon.

Acknowledgement: The work was carried out within the framework of program-targeted funding of the Committee of Culture of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan for the 2021–2023, IRN of the Project BR10164221.

For citation: Samashev, Z. 2022. About one funeral and memorial rite among the early Sakas. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 9–31 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.9.31](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.9.31)

Зайнолла Самашев¹

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Астана, Қазақстан

**Ежелгі сақтардың бірегей жерлеу
рәсімі жөнінде**

Аннотация. Мақалада Шығыс Қазақстандағы және оған іргелес бірқатар аймақтардағы (Құрық-

Зайнолла Самашев¹

¹доктор исторических наук, профессор,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Астана, Казахстан

**Об одном погребально-поминальном обряде
у ранних саков**

Аннотация. В статье анализируется группа погребальных памятников раннего железного века в

II, Кондратьевка-XXI, Солонечные белки/Топқайын, Майемер, Гилево-10, Машенка-1, Чекановский лог-10 және т. б.) ерте темір дәуіріндегі жерлеу ескерткіштерінің құрамына жылқы, қой және бір жағдайда ит бірге қойылған тобы қарастырылды. Бұл жерлеу рәсімін жүзеге асырудың кейбір түрлері, яғни, аталмыш жануарлар адаммен бір молада немесе бөлек қабірде, сондай ақ, жерлеу камерасының текше тас плиталардан жасалған болуы этнографиялық әртүрліліктің көрсеткіші ретінде қарастыру керек. Қазір бұл құбылыстың екі ареалы анықталды: құрық (құрық-кондратьевка-гилев) және жоғарғы Бұқтырма. Ерте сақ дәуіріндегі аймақ тұрғындарының жерлеу рәсімінің элементтері белгілі бір дәрежеде иерархиялық ретпен әртүрлі жануарлардың діни пантеонының құдайларының құрметіне құрбандық шалуымен байланысты кейбір ведалық дәстүрлермен үндеседі – жылқы – қой (ешкі) – ит. Материалды талдау аясында автор ілеспе жерленген жылқылардың құрбандыққа шалынған жағдайына назар аударып, олардың қабір шұңқырының формасына сәйкес иілуін қайталайды, яғни жиырылған мысық тектес жыртқыштардың көркем өнер туындыларындағы позаларына ұқсайтынын байқалтады. Жалпы талданған жерлеу рәсімінің элементтерін автор ерекше бір жергілікті мәдени-хронологиялық құбылыс ретінде түсіндіреді.

Алғыс. Жұмыс Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігі Мәдениет комитетінің 2021–2023 жылдарға арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы аясында орындалды, жобаның ЖТН-і № BR10164221.

Сілтеме жасау үшін: Самашев З. Ежелгі сақтардың бірегей жерлеу рәсімі жөнінде. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 9–31-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.9.31](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.9.31)

Восточном Казахстане и в ряде прилегающих к нему территорий (Курук-II, Кондратьевка-XXI, Солонечные белки/Топқайын, Майемер, Гилево-10, Машенка-1, Чекановский лог-10 и др.), в которые входили курганы, содержавшие сопроводительные захоронения лошади, барана (МРС), а в одном случае дополнительно и собаки. Некоторая вариация в практике реализации данного обряда перехода – животные в одной камере с человеком, иногда в отдельной яме, наличие подбойной камеры или каменного ящика – показатель локального этнографического разнообразия. Выделены два ареала этого явления: курукский (курукско-кондратьевско-гилевский) и верхнебухтарминский. Интересно, что элементы погребальной обрядности населения региона раннесакского времени в некоторой степени перекликаются с отдельными ведическими традициями, связанными с жертвоприношениями в честь высших божеств религиозного пантеона различных животных в иерархической последовательности – лошадь – баран (козел) – собака. В контексте анализа материала автор обращает внимание на жертвенную позу лошадей в сопроводительных захоронениях, контур которых повторяет изгиб могильной ямы, вызывая ассоциации со свернувшимся в кольцо кошачьим хищником. В целом, элементы погребального обряда интерпретируются автором как узлокальное культурно-хронологическое явление.

Благодарности. Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета культуры Министерства культуры и спорта Республики Казахстан на 2021–2023 гг., ИРН проекта № BR10164221.

Для цитирования: Самашев З. Об одном погребально-поминальном обряде у ранних саков. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 9–31. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.9.31](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.9.31)

1 Введение

Среди погребально-поминальных памятников раннесакского времени Восточного Казахстана и некоторых прилегающих территорий выделяется группа объектов, которая содержит сопроводительные захоронения «барана» (МРС) в одной камере или рядом, в отдельной могиле. За этим устойчивым обрядом погребения просматриваются некоторые культурно-исторические явления, имевшие место в I-й пол. I тыс. до н.э. В ряде случаев захоронения МРС совершаются, как видно из анализа материалов, совместно с погребениями лошади (или ее частями), следовательно, при различных вариациях они включались в сложную систему «обрядов перехода», связанного с архаическими представлениями о жертвоприношениях (в их иерархической последовательности) в честь каких-то божеств религиозного пантеона населения очерченной выше территории.

С учетом материалов из прилегающих территорий Алтая можно предложить примерную зону распространения данной погребально-поминальной обрядности, приверженцами которых являлись, видимо, конкретные этносоциальные группы населения, жившего здесь в изучаемый исторический период. В этом плане особый интерес представляют, для сравнительного анализа, материалы могильников Гилево-10, Машенка-1 (Алтайский край, РФ), происхождение которых П.И. Шульга связывает с совместным проживанием «разнородных групп населения, проникавших во 2-й пол. VII в. до н.э. из казахстанских степей» [Шульга 2016: 226].

Интерес представляют, кроме содержания и специфики погребальной обрядности, и вопросы хронологии и этнокультурной атрибуции.

2 Материалы и методы

2.1 Методы исследования

В процессе работы использовались как классические методы археологии – разведочные и стационарные исследования, так и лабораторно-аналитические. В целом, в статье аккумулирован опыт, полученный на протяжении длительного изучения региона, в т. ч. в составе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции (ВКАЭ) Института археологии им. А.Х. Маргулана, которой автор руководил на протяжении ряда лет.

Так, в исследованиях на Куруке кроме автора также принимали участие А.С. Ермолаева, А.С. Васютин (подробнее см.: [Самашев и др. 1988]). Изучаемые памятники относятся к категории тафологических, связанных с религиозно-мировоззренческой системой человека в целом и конкретно практикой обряда перехода [Самашев 2017: 511–548], что предполагает, кроме типологического или сравнительно-исторического подхода к источнику, более обширный анализ погребальной ритуальности с использованием письменных, палеоэтнографических и иных источников.

2.2 Характеристика материала

Базовым источником для наших дальнейших рассуждений является несколько погребальных памятников (рис. 1А) из Восточного Казахстана и соседних регионов (русская часть Рудного Алтая, Северо-Восточная Сарыарка), упомянутых выше и исследованных в разные периоды XX в., которые содержали, кроме лошади, сопроводительные захоронения барана (МРС), собаки. Они известны по многим публикациям, однако, только в недавней работе П.И. Шульги на эту особенность погребального обряда было акцентировано внимание [Шульга 2016: 226–233]. Рассмотрим основные объекты, которые содержали сопроводительные захоронения барана и коня в одной яме или отдельно.

Курук-II. Памятник находится у с. Ново-Азово (Уланский р-н, ВКО, РК), на высокой надпойменной террасе левого берега р. Иртыш и с двух сторон ограничен оврагами, выходящими в пойму. Границы могильника с северной стороны определяет пойма, с восточной и западной – овраги, с юга подступает распаханное поле (рис. 1В). Памятник исследован в 1988 г. вторым отрядом ВКАЭ под руководством А.С. Ермолаевой [Самашев и др. 1988: 18–21, 138–141, рис. 8–13].

Объект № 6. Несмотря на почти полное отсутствие конструкции наземного сооружения из-за сильного разрушения, объект представляет большой интерес в культурно-хронологическом плане. На дневной поверхности были видны отдельные плиты перекрытия ящика и верх камня, провалившегося в яму. Восточнее этой плиты под дерновым слоем выявлено скопление камней, под которым оказалось впускное погребение грудного ребенка, ориентированного головой на север [Самашев и др. 2017: 120–123].

Рис. 1. Локализация памятников Курук-II, Кондратьевка-XXI, Убафорпост, Солонечные белки, Маймер, Гилево-10, Машенка-1. Составитель: А.С. Жунисханов

1-сур. Құрық-II, Кондратьевка-XXI, Убафорпост, Солонечные белки, Маймер, Гилево-10, Машенка-1 ескерткіштерінің орналасуы. Құрастырған: А.С. Жүнісханов

Fig. 1. Localization of the monuments Kuruk-II, Kondratievka-XXI, Ubaforpost, Solonechnye belki, Mayemer, Gilevo-10, Mashenka-1. Compiled by: A. Zhuniskhanov

На глубине 1,30 м от дневной поверхности, в яме, ориентированной по линии ЮЮЗ–ССВ и размерами 3,20×1,60 м, зафиксирован каменный ящик с перекрытием из больших гранитных плит. В южной половине ямы, на глубине 1,80–1,30 м, вдоль ее юго-восточной стены за ящиком лежал скелет лошади (рис. 2–5). Лошадь, изогнутая по контуру ямы, была положена на правый бок, голова отсутствовала, но, судя по направлению шейных позвонков, она была повернута на северо-запад. Возле шейных позвонков лошади, где должна была находиться голова животного, лежала подвеска (или пронизь) в виде объемной скульптурки головы верблюда из бронзы и, судя по большой ширине продолговатого отверстия (почти 1,5 см), являлась украшением нагрудного ремня (рис. 6).

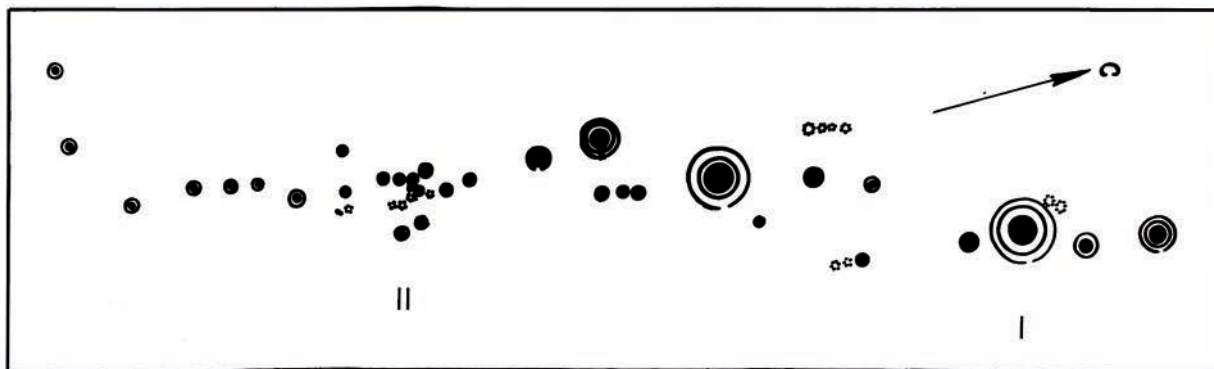

Рис. 1В. План могильников Курук I и II (по: [Самашев и др. 1988])
1В-сур. Құрық I және II қорымдарының жоспары ([Самашев и др. 1988]: бойынша)
Fig. 1В. Plan burial ground of Kuruk I and II – after Samashev et al. 1988

Бронзовая голова верблюда (рис. 7) довольно массивная, несмотря на лаконичность форм, древнему мастеру удалось точно передать характерные особенности этого сильного и свирепого животного посредством особого подчеркивания верхних и нижних пар клыков в профиле полуоткрытой пасти и слегка вздутых ноздрей. Трактовка глаз подчеркивает особую зоркость зверя. Самым заметным элементом скульптурной головки верблюда является заостренно-приподнятый хохолок на макушке. Контуры ушей оформлены в виде овально-вытянутых рельефных валиков со сквозным отверстием внутри. Этой техникой оформлены и выразительные губы верблюда.

В яме объекта № 6 мог. Курук-II найдены фрагменты кожного изделия с тисненым узором в виде «вихревой розетки» и отверстиями по краям от прошивки, плетеного ремня от нагайки (?) или узды с окислами меди и узелок кожного ремешка (рис. 8).

Под передней частью лошади находился скелет овцы, череп которой зафиксирован в заполнении, выше лошади на 15–20 см. Овца лежала на животе с подогнутыми под себя ногами. Ящик, углубленный в придонную часть ямы на 40 см, состоял из составных плит на длинных сторонах и по одной плите на северной и южной торцевых стенках.

Кости скелета погребенного человека сдвинуты в кучу в северной половине ящика, череп отсутствует. В ящике, среди разрозненных костей человека, найден костяной трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 9). Такие наконечники стрел обычно датируются VIII–VII вв. до н.э.

Кондратьевка-XXI. Сильно разрушенный объект, зафиксированный во время работ по паспортизации памятников историко-культурного наследия в окрестностях одноименного села (Новошувльбинский р-н, ВКО, РК). Раскопан в 1993 г. Ю.П. Алехиным [Алехин, Шульга 2003: 62–70; Шульга 2008; Алехин 2011: 84, 85].

Авторы публикаций материалов Кондратьевки-XXI сообщают, что «насыпь» полностью распахана, но в то же время упоминают о следах довольно внушительной каменной кольцеобразной выкладки диаметром 12 м, шириной около 2 м, внутри которой зафиксированы четыре могильные ямы, причем одна из них, расположенная в середине кольца, относится к кимакскому времени, а две боковые (№ 1, 2) – к раннесакскому. Далее оговоримся, что первооткрыватель памятника Ю.П. Алехин в ранних публикациях использовал термин «раннесакский» [Алехин 1999: 42], поэтому при характеристике материалов из Кондратьевки-XXI нет необходимости переходить к терминологии «скифский», используемой, в основном, российскими исследователями.

Рис. 2. Курук-II. Погребение с конем и бараном (по: [Самашев и др. 1988])
2-сур. Құрық-II. Жылқы және қоймен жерлеу ([Самашев и др. 1988]: бойынша)
Fig. 2. Kuruk-II. Burial with horse and sheep – after Samashev et al. 1988

Однозначно связывать появление упомянутой кольцеобразной выкладки в сакское время сейчас трудно, поскольку планиграфически могильная яма со средневековым захоронением располагается в ее геометрическом центре, а собственно раннескифские, о которых идет речь, – по ее сторонам, если не допустить, конечно, что древняя погребальная камера была вычищена и вторично использована для погребения кимака. Если исходить из логики освоения внутриоградного пространства в сакское время, то в ее «пустующем» северном секторе должна была появиться по меньшей мере еще одна могильная яма. Кроме того, не вполне ясна функция кольцевой выкладки (ширина до 2,0 м) – это внешнее кольцо-ограждение всего погребально-поминального комплекса или крепида надмогильного сооружения. Каменная стела у северного края каменной кольцевой выкладки, как полагают исследователи, действительно может быть связана своим происхождением с раннесакским погребально-поминальным ритуалом.

Неясна ситуация с остатками деревянного столбика, установленного в 3 м к СВ от угла могилы № 1 [Алехин, Шульга 2003: 62]. Если столб древний, то было бы заманчиво сравнивать его с жертвенным столбом, к которому при совершении обряда жертвоприношения (например, при ашвамедхе) привязывали жертвенного коня [Иванов 1997а: 183–191]. Однако более вероятным представ-

Рис. 3. Курук-II. Погребение с конем и бараном
(по: [Самашев и др. 1988])

3-сур. Құрық-II. Жылқы және қоймен жерлеу
([Самашев и др. 1988]: бойынша)

Fig. 3. Kuruk-II. Burial with horse and sheep –
after Samashev et al. 1988

ляется, что столб связан с обрядом вывешивания
возле поминальной ограды в честь покойного
шкуры лошади с конечностями, широко практи-
ковавшимся у древних тюрков и позже.

Для изучения особенностей погребально-
го обряда важно выяснить расположение элементов внутримогильной конструкции, в частности, в
могиле № 1 продольные бревна перекрывали всю погребальную камеру или колода была обложена
плитами и находилась в составном каменном ящике или внутри сруба с крышей, действительно
ли у колоды один торец изготовлен отдельно, затем вмонтирован и т. д. Сильная разрушенность
памятника и отчасти отсутствие в публикациях детальной документации не позволяют выяснить
некоторые элементы обряда погребения.

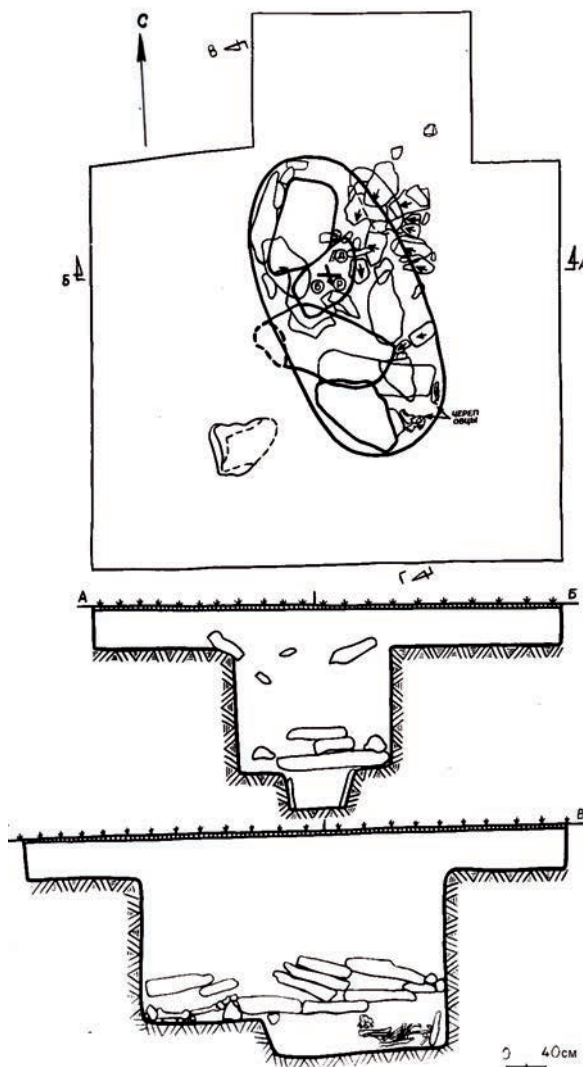

Рис. 4. Курук-II. План и разрез объекта № 6
(по: [Самашев и др. 1988])

4-сур. Құрық-II. № 6 нысанның жоспары мен қимасы
([Самашев и др. 1988]: бойынша)

Fig. 4. Kuruk-II. Plan and section of object no. 6 –
after Samashev et al. 1988

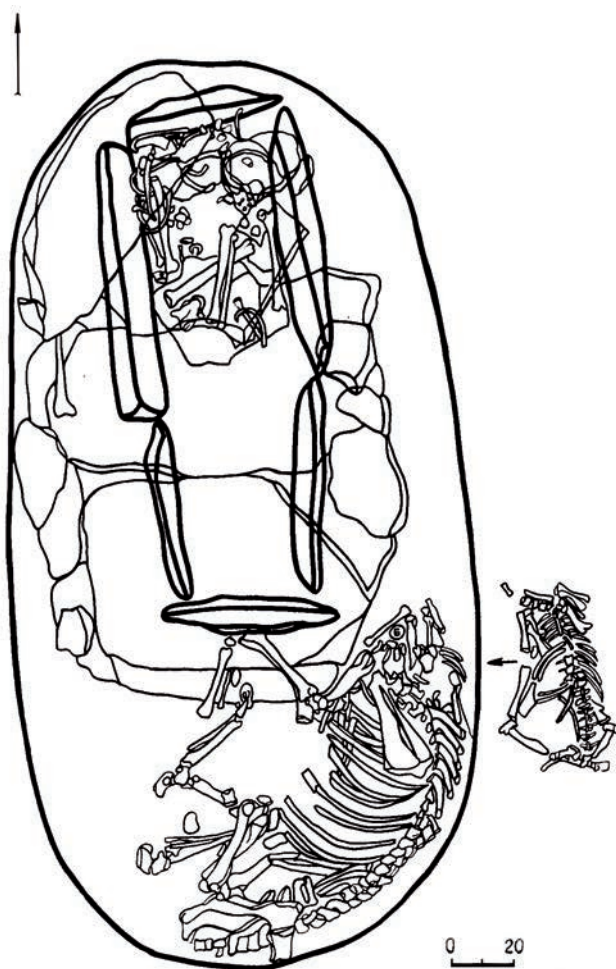

Рис. 5. Курук-II. План погребения с конем и бараном (по: [Самашев и др. 1988])

5-сур. Құрық-II. Жылқы және қоймен жерлеудің жоспары ([Самашев и др. 1988]: бойынша)

Fig. 5. Kuruk-II. Plan of burial with horse and sheep – after Samashev et al. 1988

и др. 2017]. Объект представлял собой округлой в плане формы выкладку из речных камней, которая содержала яму с подбоем-углублением, слегка смещенным к северной стене и ориентированную по линии ССЮ–ЗЗС, размерами 3,55×2,45 м. На дне входного колодца ямы находилось погребение взнузданного коня (стремечковидные удила с псалиями, пронизи и др. предметы от конского снаряжения), на правом боку, головой на запад. Возле головы коня, ближе к южной стенке входного колодца ямы, лежали кости мелкого рогатого скота и, что самое интересное в контексте анализируемого погребального обряда, кости собаки (рис. 11–14). Погребение самого умершего находилось в колоде, остатки которой прослеживаются в подбое.

В ритуале жертвоприношения коня

В колоде были найдены ворворка и бронзовый наконечник стрелы, ромбический в сечении, со скрытой втулкой, который и определяет ориентировочную дату памятника – VIII–VII вв. до н.э. В плане погребальной ритуальности интерес представляют ступенчатые захоронения трех лошадей (верховых или жертвенных) и барана (или овцы) отдельно от человека в одной могильной яме № 2 (рис. 10). Сам человек, согласно ритуалу, возможно, был погребен в другой могильной яме, рядом.

Рассмотрим еще три памятника в Восточном Казахстане, которые содержали захоронения барана, человека, коня и собаки в разных обрядовых сочетаниях, но, в целом, вписываются в хронологические рамки раннесакского времени.

На могильнике у с. **Убафорпост**, расположенного в 20 км от места впадения р. Уба в р. Иртыш, недалеко от упомянутого выше с. Кондратьевка, Ф.Х. Арслановой в 1965 г. исследован курган № 3, диаметром 6,0 м, с вертикально установленной стелой и двумя могильными ямами. В могиле № 2 (2,25×1,5 м, глубиной 1,3 м) с остатками плит от ящика зафиксированы, судя по описанию, сильно потревоженные захоронения лошади, барана и человека [Арсланова 1965: 3–6; 1966: 43, 45].

Маймерский курган № 2, раскопанный нами в 2009 г. (Катонкарагайский р-н, ВКО), в Маймерской степи, известной своими оригинальными находками и курганами эпохи ранних саков [Самашев

Рис. 6. Курук-II. Скульптурная голова верблюда. Без масштаба (по: [Самашев и др. 1988])
6-сур. Түйенің басының мүсіні. Масштабсыз ([Самашев и др. 1988]: бойынша)
Fig. 6. Kuruk-II. Sculptural head of a camel. Without scale – after Samashev et al. 1988

Рис. 7. Могильник Кокпекты-II, кург. № 2. Фигурное изображение головы верблюда. Без масштаба.
ВКОИКМ, КПо94-39221

7-сур. Көкпекті-II қорымы, № 2 оба. Түйенің басының суреті. Масштабсыз. ВКОИКМ, КПо94-39221

Fig. 7. Burial ground of Kokpekty-II, mound no. 2. An image of a camel's head. Without scale.
ВКОИКМ, КПо94-39221

(у мирового дерева) особое место занимала собака как предварительная жертва высшему божеству. В изучаемый период он, вероятно, практиковался и при совершении обряде перехода по поводу отправки в инобытие знатного члена социума. Такие идеи были зафиксированы и в памятниках изобразительного искусства [Самашев 1992: 197–201].

Рис. 8. Курук-II. Находки: 1–3 – остатки кожаных изделий с тиснением и плетением. Без масштаба (по: [Самашев и др. 1988])

8-сур. Құрық-II. Табылмалар: 1–3 – зерделген былғары мен өрілген қайыстан жасалған бұйымдардың қалдықтары. Масштабсыз ([Самашев и др. 1988]: бойынша)

Fig. 8. Kuruk-II. Finds: 1-3 – remnants of embossed and woven leather goods. Without scale – after Samashev et al. 1998

Рис. 9. Курук-II, объект № 6. Костяной наконечник стрелы. Без масштаба (по: [Самашев и др. 1988])

9-сур. Құрық-II, № 6 нысан. Сүйектен жасалған жебе ұшы. Масштабсыз ([Самашев и др. 1988]: бойынша)

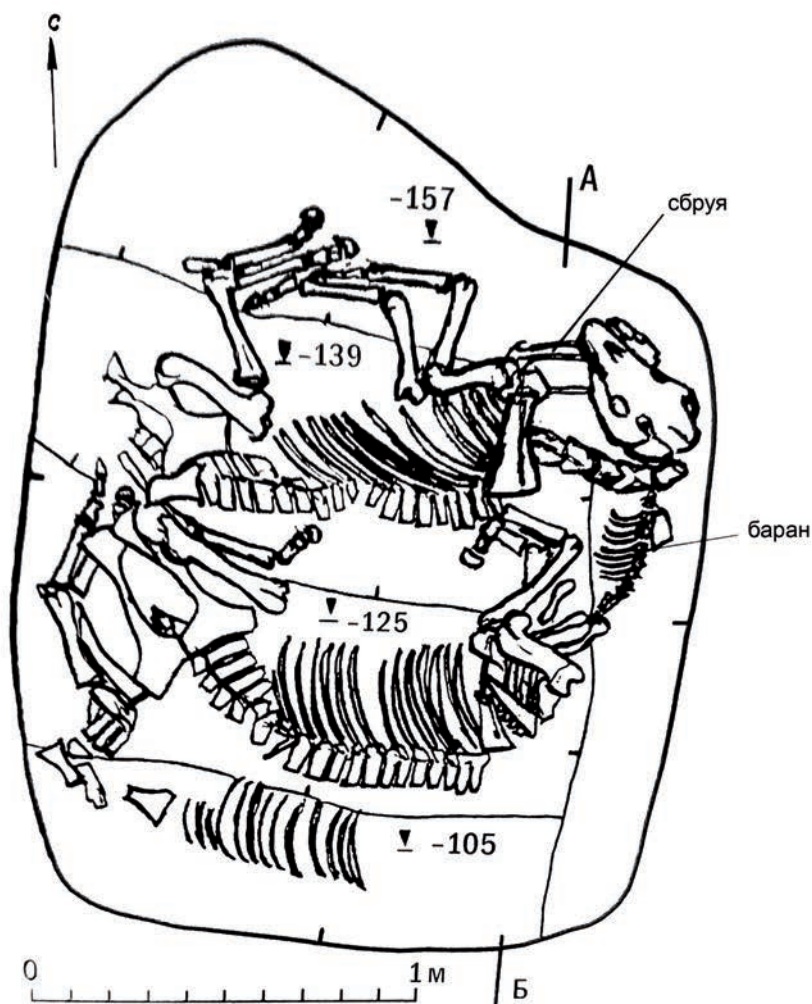
Fig. 9. Kuruk-II, object no. 6. Bone arrowhead. Without scale – after Samashev et al. 1988

Могильник **Солонечные белки**, курган № 2. Раскопан А.В. Адриановым 1911 г., в 7 верстах от станции Алтайской (ныне пос. Катонкарагай, ВКО, РК). Здесь, в яме кургана № 2, ориентированной В–З, размерами 3,32×1,77 м, на глубине 2,84 м найден нетронутый скелет лошади, головой на ЗЮЗ [Адрианов 1916: 25]. Примечательно, что голова коня лежала выше, видимо, на приступке. А.В. Адрианов писал, что «непосредственно за головой лошади, к З., лежали кости барана – тазовая, 6 костей ногъ, до десятка позвонковъ, 4–5 реберь, блокъ, в ю.-з. углу лежали лопатка и череп барана. Ребра и позвонки барана лежали также вместе с позвонками, лопаткой и костями ногъ лошади» [Адрианов 1916: 26].

3 Результаты

Аналогии изображению верблюда из Курука. Наиболее близкая аналогия курукской скульптуре есть среди находок из кургана № 47 мог. Уйгарак, которую О.А. Вишневецкая считает наносным украшением [Вишневецкая 1973: 117] (см. также: [Яблонский 2015: 104, 105; и др.]). Близкая по трактовке голова верблюда, украшавшая крюк (от колчана?), происходит из кургана у с. Кокпекты II в Восточном Казахстане (рис. 7). Декорирование протомой этого животного снаряжения коня, кроме эстетического, несомненно, имеет и религиозно-магическое значение.

Верблюд – самое крупное животное в степном пространстве среди млекопитающих, благодаря экзотическому внешнему виду и по многим другим физическим качествам занимал особое место

могила 2

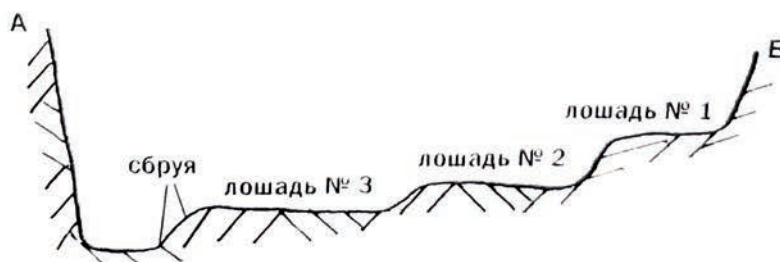

Рис. 10. Кондратьевка-XXI. План основного погребения (по: [Алехин, Шульга 2003])
10-сур. Кондратьевка-XXI. Негізгі жерлеу орнының жобасы ([Алехин, Шульга 2003]: бойынша)
Fig. 10. Kondratievka-XXI. Plan of the main burial – after Alekhin, Shulga 2003

Рис. 11. Майемер, кург. № 2. Погребение коня в подбойной могиле. Возле головы коня находилось сопроводительное захоронение МРС и собаки

11-сур. Майемер, №2 оба. Ақымда жерленген жылқы. Жылқының бас жағына жерленген ұсақ мал мен ит
Fig. 11. Mayemer, mound no. 2. Burial of a horse in an underside grave. Near the horse's head there was an accompanying burial of the small cattle and the dog

не только в хозяйственной жизни народов Евразии, но и в системе мировоззрения, в религиозно-культовой практике и в художественной культуре.

Скульптурное изображение головы верблюда, используемое в декорировании различных поверхностей, составляющих, во многих случаях, системы изобразительных рядов, выступает как самостоятельный зооморфный мотив, наделенный, согласно парциальной магии, всеми положительными свойствами самого животного. Вероятно, уже на ранней стадии развития сакского зооморфного стиля вырабатывается изобразительный канон образа двугорбого верблюда, который распространяется в определенной среде благодаря единству или схожести мировоззренческих ориентиров и образа жизни, причем, как полагают, во многом совпадает с биологическим ареалом этого животного [Королькова 2006: 92].

Иногда изображение горбоносой морды и естественной формы длинных губ воспринимается как намек на придание скульптурной головке верблюда облика грифона. Это не так. Верблюд часто упоминается в Авесте как один из самых почитаемых животных и наделяется эпитетами сильный, мощный, свирепый, выступает в качестве одной из инкарнаций бога грозы и покровителя героев

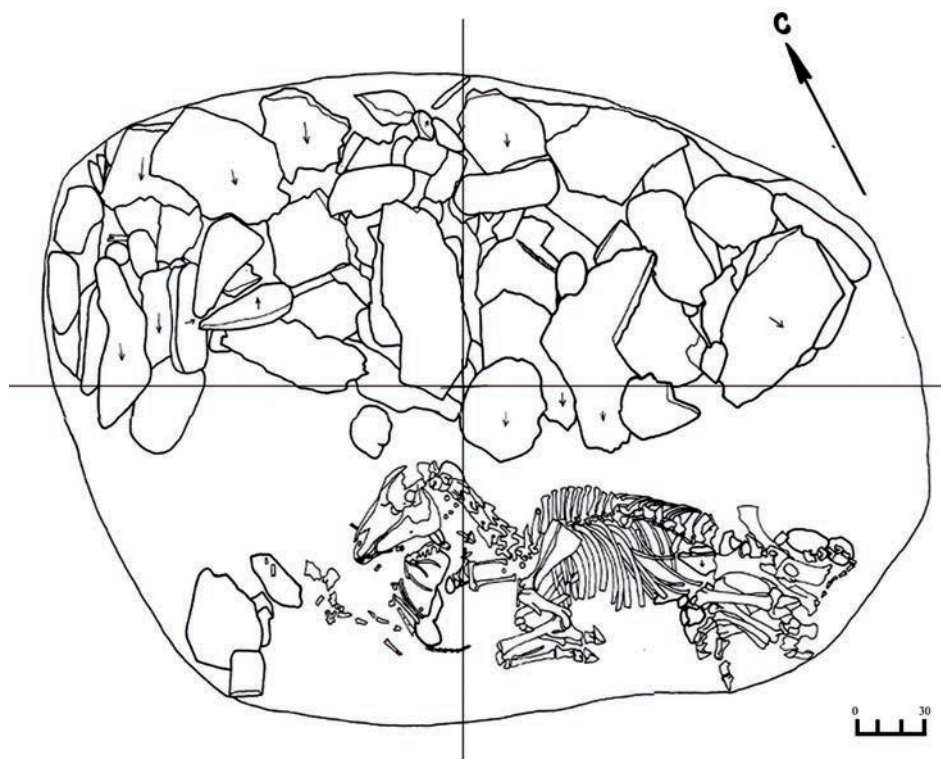

Рис. 12. Майемер, кург. № 2. Погребение коня в подбойной могиле. Возле головы коня находилось сопроводительное захоронение МРС и собаки. План

12-сур. Майемер, № 2 оба. Ақымда жерленген жылқы. Жылқының бас жағына жерленген ұсақ мал мен ит. Жоспар

Fig. 12. Mayemer, mound no. 2. Near the head of the horse was an accompanying burial of small cattle and a dog. Plan

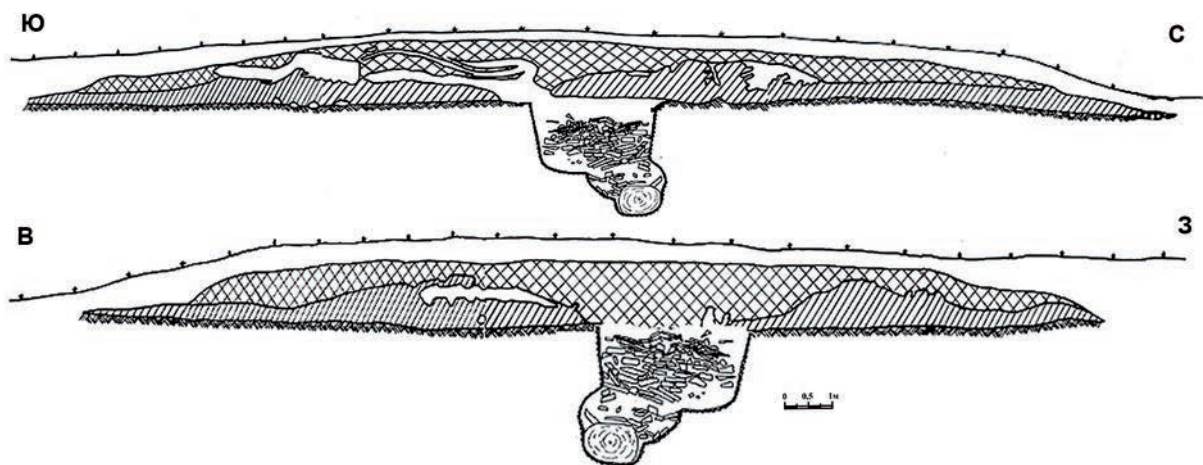

Рис. 13. Майемер, кург. № 2. Разрезы (С–Ю, З–В)

13-сур. Майемер, №2 оба. Қима (С–О, Ш–Б)

Fig. 13. Mayemer, mound no. 2. Sections (N–S, W–E)

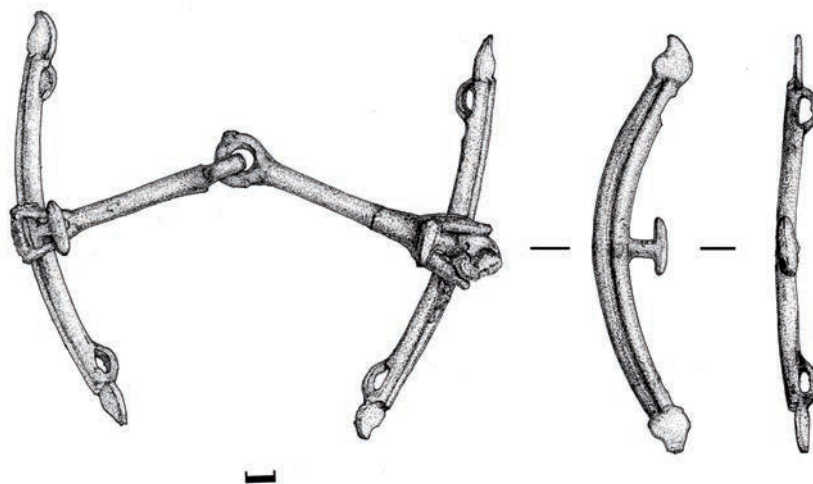

Рис. 14. Майемер, кург. № 2. Бронзовые удила с псалями
14-сур. Майемер, № 2 оба. Қола ауыздық пен сұлық
Fig. 14. Mayemer, mound no. 2. Bronze bit with cheekpieces

Веретрагны [Кузьмина 1963: 43; Акишев 1984: 72; Королькова 2006: 85, 86]. Огромный пласт типологических соответствий к характеристике мифопоэтического образа верблюда можно найти в этнографии и фольклоре народов степной Евразии.

Таким образом, присутствие в изобразительном ряду системы украшений нагрудного ремня лошади из мог. Курук-II скульптурной головки верблюда должно было усиливать сакральное значение жертвенного коня, дополнив его всеми положительными свойствами и функциями, присущими мифологическому образу верблюда. Возможны и другие варианты объяснения включения в ряд «изобразительного текста» конского снаряжения образа этого животного. В любом случае, в архаический период истории сакских народов степной Евразии зооморфные или синкретические образы, используемые в соответствующих контекстах, отражают сложную систему мировосприятия и наделяются магическими и фантастическими свойствами, обеспечивающими им покровительство и поддержку, в пространственно-временных континуумах космоструктуры разных миров. Речь здесь может идти также о семиотическом статусе конкретной вещи – как знака [Антонова, Раевский 1991: 210]. Впрочем, есть мнение, согласно которому подобные изображения носят всего лишь прикладной характер [Вишневская 1973: 118].

Анализ материала из Кондратьевки-XXI. П.И. Шульга пишет, что здесь, как и в могиле 15 из Гилево-10 (в могиле № 26 также отсутствует погребение человека), «баран укладывался вдоль восточной стенки в положении на животе с завалом на правый бок, головой на север под головы лошадей таким образом, чтобы голова средней лошади перекрывала его крестец, а голова северной лошади – его голову» [Шульга 2008: 162]. Баран положен в могилу раньше, чем лошади. Для реконструкции обряда погребения такая последовательность в сопроводительном захоронении животных может иметь определенное значение. В южной части могилы фиксировались кости второго барана [Шульга 2016: 227], по-видимому, положенного на завершающей стадии обряда.

Если захоронения лошадей в раннекочевнических, погребениях воспринимается как явление обыденное, стереотипное, то сопроводительное захоронение мелкого рогатого скота – явление редкое. Во многих случаях погребение мелкого рогатого скота рассматривается как жертвенная доля какого-то божества, даже часть туши, например, крестец как проявление принципа *pars pro toto* – как целое животное, принесенное в жертву или заупокойная пища.

Однако смысловое содержание связки «конь–баран» в контексте «обряда перехода» (в Геннеповском понимании [Геннеп 2002] гораздо сложное и требует тщательного анализа. В конкретном случае просматривается, по-видимому, не столько жертвенная функция барана, а сколько его коммуникативная роль в обряде перехода, что подчеркивается помещением в глазницы животного предметов конского снаряжения, возможно, неслучайно – конических ворворок со сквозными отверстиями (через которые он бы мог видеть все по пути, чтобы доставить покойника в инобытие).

Следующий важный момент. Вещественные находки во второй могильной яме, обнаруженные под черепом и передними ногами лошади [Алехин, Шульга 2003: 66–69, рис. 1–4], могут быть квалифицированы, в плане определения их семиотического статуса, как приклад, преднамеренно сокрытый в самой погребальной камере.

Приклад состоит исключительно из предметов конской сбруи и его связь с ролью коня, сопровождающего умершего в иной мир, очевидна. Эта явная прагматика, направленная для защиты от грабителей или принципиально новый элемент погребально-поминальной обрядности у ранних саков, порожденный, в условиях перехода к новому мобильному образу жизни, новыми религиозно-философскими догмами.

Также примечательно, что в Кондратьевке-XXI, благодаря консервирующим свойствам окисла бронзовых изделий, хорошо сохранились отдельные фрагменты уздечных и седельных ремней (даже с прошивками сухожильными нитями), которые находились рядом с ними [Шульга 2008: 219, рис. 28], т. е. была получена полезная информация о размерах и технологии изготовления сбруи и способах их крепления, которая будет учитываться при различных реконструкциях.

Описание и анализ состава набора вещественных находок из Кондратьевки-XXI осуществлено на высокопрофессиональном уровне П.И. Шульгой [Шульга 2008: 161–164, рис. 26–30], поэтому нет необходимости нам повторять данную археологическую процедуру. Им же выполнен вариант реконструкции конской узды [Шульга 2008: 220, рис. 29].

4 Обсуждение

Попробуем сравнить наиболее значимые элементы погребально-поминальной обрядности, зафиксированные в объекте № 6 мог. Курук-II и в могиле № 2 мог. Кондратьевка-XXI с синхронными памятниками раннесакского времени из близлежащих территорий, где были зафиксированы аналогичные сопроводительные захоронения лошади и барана (овцы, реже – козы).

Это, прежде всего, могильник **Гилево-10** на р. Алей у с. Гилево (Локтевский р-н, Алтайский край, РФ), который находится в 55 км к СВ от вышеописанной Кондратьевки-XXI в Казахстане [Алехин, Шульга 2003: 65] и, примерно, в 100 км от могильника Курук-II на левобережье Иртыша.

Грунтовый могильник Гилево-10, где в 2000–2006 гг. велись раскопки широкими площадями, содержал более 30 могил, из которых, согласно публикации П.И. Шульги, восемь содержали сопроводительное захоронение барана (в одном случае, рогатого козла) вместе с конем [Шульга 2016: 233].

Укажем еще на могильник Чекановский лог-10, расположенный на берегу того же Гилевского вдхр., где зафиксированы сопроводительные захоронения коня и барана и найдены предметы конского снаряжения из бронзы, положенные отдельно [Демин, Ситников 1999: 59–66].

Другой микрорайон, где зафиксирован аналогичный обряд погребения, расположен на р. Чарыш в северо-западном предгорье Алтая. Это могильник Машенка-1, где во входной яме кургана № 1 с подбоем зафиксированы лошадь и баран, сопровождавшие в инобытие женщину 20–25 лет [Шульга 2008: 139, 225, рис. 34; Шульга, Демин 2021: 72, 73, 174, рис. 61].

Прежде заметим, что сопогребение коня и барана – исключительно важная новация в мифоритуальном комплексе социума, первоначально локализовавшегося, видимо, на небольшой территории Обь-Иртышского бассейна радиусом до 100–150 км, затем, возможно, распространившаяся в сопредельные регионы. Время существования указанных и некоторых других археологических комплексов с близкими элементами погребально-поминальной обрядности (включая Измайловку и Кондратьевку-XXI), по мнению П.И. Шульги, определяется VII – началом VI в. до н.э. [Шульга 2008: 24].

Не вдаваясь в процедуру обоснования указанной хронологической шкалы, полагаю, что памятник Курук-II, который сохранил более архаичные элементы в конструкции внутримогильного сооружения (составной ящик из нескольких гранитных блоков с перекрытием из массивных гранитных плит), наличие костяного трехгранного черешкового наконечника стрелы позволяет датировать его временем не позже VIII – начала VII в. до н.э. Естественно, такому обряду предшествовало сопроводительное захоронение самих лошадей (изредка – отдельных частей), как об этом свидетельствуют материалы каменного кургана Елеке сазы на Тарбагатае [Samashev 2021: 24–28] и Курту-II в Казахском Алтае, которые датируются временем от середины IX – до начала VIII в. до н.э. [Сорокин 1966: 47].

В этот период прежний культ коня, тесно связанный с т. н. колесничим комплексом 2-й пол. – конца II тыс. до н.э., получившим яркое отражение в яштах Авесты и гимнах Ригvedы, постепенно вытесняется культом более мобильного и динамичного конного всадника («кентавра»), который развивался в степном пространстве на фоне складывающегося всаднического комплекса.

На следующем витке развития общества (экономика которого основана уже на кочевом скотоводстве, а идеология находится в состоянии разлома и поиска нового) появляется инновационный элемент погребально-поминальной практики – помещение в могилу умершего человека (или в отдельную могилу) вместе с конем – захоронения барана (или козла). Естественно, встает вопрос – чем же порожден ритуал сопогребения барана и коня в одной могиле? Это, может быть, усиление ритуального статуса коня или приравнение к нему барана или нечто другое.

В некоторых мифопоэтических текстах, восходящих к ведической традиции (RV.162, 19), конь, особенно в ритуалах жертвоприношений, выступает в роли мирового животного – «коня Тваштра» [Иванов 1997а: 203], а овца занимает в архаической иерархии жертвенных объектов последнее четвертое место (человек-лошадь-корова-овца); на первом месте находился человек, который позже был заменен конем [Иванов 1997б: 340; Кузьмина 1977: 38, 39]. В этой же строфе гимна Ригvedы (RV.162, 19) сообщается, что в качестве предварительной жертвы перед конем убивают козла – букв. перевод по Вяч.Вс. Иванову «так как при этом жертвенная доля Пушана, козел, который возвещает богов о жертвоприношении». Отмечается, что Пушан здесь выступает «в качестве бога обмена, бога-посредника между небом и землей» [Иванов 1997а: 203].

Для реконструкции религиозно-идеологической составляющей населения, оставившего вышеописанные погребальные памятники, эти совпадения чрезвычайно важны, по крайней мере в

качестве типологической параллели словесного мифопоэтического характера [Самашев, Шер 1989: 107–111]. В анализируемых погребениях «жертвенные» бараны, помещенные в большинстве случаев на специальные приступки на дне могильной ямы, перекрыты конечностями лошадей, что свидетельствует об их первичном захоронении, т. е. достаточно корректно вписываются в вышеприведенную процедуру последовательности жертвоприношения, зафиксированной в ведийских письменных источниках.

Если допустить, что указанные мифологические тексты о последовательности жертвоприношений козла (барана) и лошади действительно находят материализованные параллели в анализируемых погребально-поминальных памятниках Курук-II и Кондратьевка-XXI, а также в могилах Гилево-10, то это дает некоторое основание говорить (или косвенно указывать) о существовании на протяжении VIII–VII вв. до н.э. у компактной группы населения, занимавшей небольшую территорию в бассейне верхней Оби, прилегающей к Среднему Иртышу, устойчивого типа погребально-поминальной обрядности.

Что из себя представляет этот «устойчивый тип погребально-поминальной обрядности»?

Устойчивым признаком является сопогребение лошади и барана в синхронных (по вещевому комплексу) погребально-поминальных памятниках. Обряд погребения с конем и бараном в изученных памятниках делится на два варианта – совместно с человеком и в отдельной могильной яме без человека, которые, в свою очередь, имеют некоторые этнографические оттенки.

Рассмотрим эти варианты.

Первый, основной, вариант представлен материалами из объекта № 6 могильника Курук-II.

Курук-II: в южной части могильной ямы, вдоль стены, в изогнутом положении (это тоже – один из устойчивых признаков) на правом боку лежал конь, а под его передней частью – овца с подогнутыми ногами, с поднятой выше на приступке, головой.

Гилево-1, могила № 16 размерами 3,2×1,25 м, глубиной 2,58 м, содержала погребение женщины и младенца, а в южной, расширенной части могилы, на приступке высотой 70–80 см, находились конь и козел [Шульга 2008: 144, 197, рис. 6].

Гилево-10, могила № 31, в южной части могилы на высокой приступке лежала лошадь на правом боку, дугой вдоль стены, под ней – овца на животе, вдоль стены, головой на северо-запад [Шульга 2008: 148, 206, рис. 15].

Гилево-10, могила № 32, в южной расширенной части могильной ямы на высокой приступке лежала лошадь головой на север, а под ее головой – баран [Шульга 2008: 152, 208, рис. 17].

Гилево-10, могила № 9, фиксируется сам факт погребения коня и барана, предположительно, на жердяном перекрытии над умершим. Яма сильно потревожена [Шульга 2008: 154, 155, 195, рис. 4].

Машенка-1, могила № 1 с подбоем, где лежали останки женщины, во входном колодце содержала захоронения коня и барана, положенных рядом, головами на север [Шульга 2008: 139, 225, рис. 34.1-2].

Как видно из сравнения, могильные ямы всех вышеотмеченных памятников строго ориентированы с юга на север, только могила № 31 мог. Гилево-10 имеет незначительное отклонение на ССЗ. Кони укладывались (в большинстве случаев) вдоль расширенной южной стены могильной ямы, у ног человека, в полузакрученном состоянии, что отдаленно напоминает позу свернувшихся в кольцо хищников в произведениях раннесакского звериного стиля. Такое сравнение, если отвлечься от художественно-стилевых аспектов декоративно-прикладных изделий, может указать на изначальную жертвенную сущность происхождения этого стиля в искусстве.

Нет случая, когда лошадь была уложена в сбруе, в «рабочем состоянии». Во всех случаях снятые с лошади предметы снаряжения помещались перед ней, иногда на костях барана. Это тоже важный элемент погребального обряда.

В первом варианте вместе с умершими хоронили, преимущественно, по одной особи животных, а во втором – до трех лошадей, не считая барана. В плане погребальной ритуальности совместное погребение человека и двух видов животных в одной могиле является как бы базовым, где очевидна связь человека и положенных в его могилу жертвенных животных.

Согласно нормам архаических представлений, животные наделяются не только жертвенными, но и иными, в т. ч. знаково-коммуникативными функциями, но даже в этом случае символическая связь с различными божествами пантеона как бы осуществляется через могилу умершего индивида непосредственно.

Второй вариант совместного погребения коня и барана, но без человека, представлен материалами могильника Кондратьевка-XXI и ближайшими аналогиями из Гилево-10.

Кондратьевка-XXI: без человека, захоронения трех лошадей и барана. Набор бронзовых изделий от конской сбруи сокрыт под черепом коня. Здесь еще сохраняется принцип укладывания лошади на боку дугой.

Гилево-1, могила № 21, без человека, размеры 2,2×1,65 м, глубина – 2,41 м; ориентация З–В, с небольшим отклонением, лошадь, уложенная вдоль северной стенки на брюхо с подогнутыми ногами головой на ВЮВ, и сохранившееся после разрушения сочленение кости ног барана. На барана помещалась сбруя лошади. Предположительно, погребение женщины находилось рядом, восточнее [Шульга 2008: 155, 156, 205, рис. 14, 1].

Гилево-10, могила № 15, без человека, форма округлая, диаметр 2,05 м, глубина -1,9 м; зафиксировано сопроводительное захоронение двух лошадей и барана. Погребение человека находилось рядом, в другой могиле. Комплект вещей от конской сбруи лежал у морды северной лошади [Шульга 2008: 155, 196, рис. 5].

Гилево-10, могила № 30, без погребения человека, размеры по дну 2,3×0,5 м, глубина -2,15 м; погребения двух лошадей перекрывали заднюю и переднюю части туши барана. Вещи от сбруи были помещены, как предполагает П.И. Шульга, на теле барана под черепом одной лошади и на дне могильной ямы, между лошадьми [Шульга 2008: 157, 196, рис. 5].

Гилево-10, могила № 26, без человека, размеры по дну 2,4×0,9–1,1 м, глубина -1,84 м; лошадь была уложена на брюхо головой на ВСВ. На небольшом уступе в северо-восточной части могилы находился баран, положенный на левый бок, головой на ССЗ. Поверх барана располагался череп лошади. Автор полагает, что сбруя находилась рядом с бараном на краю уступа и опускалась ниже, как в Кондратьевке-XXI [Шульга 2008: 156, 205, рис. 10].

Погребения человека, с которыми ритуально связаны приведенные выше захоронения животных, судя по планировке, находились рядом. Однако неизвестно, чем вызвано появление в анализируемых памятниках этого варианта погребально-поминальной обрядности. В ведических традициях, зафиксированных в гимнах Ригvedы, особое значение придают месту, где осуществляется жертва различным божествам [Огибенин 1968: 58, 59]. Возможно, что для связи с божествами пантеона в конкретных случаях жертвоприношение нужно было осуществлять согласно мифологическим представлениям и религиозным нормам социума, в специально отведенных для этого сакрализованных точках локуса, где проходит *axis mundi* и в сакральное время [Топоров 1974: 13]. Возникновение отдельных погребений для животных в пределах единого могильного поля, может быть, связано с подобными представлениями.

Таким образом, формирование и существования обоих рассмотренных вариантов с погребениями лошадей и барана связаны с жизнедеятельностью в VIII–VII вв. до н.э. какого-то конкретного населения на обозначенной выше территории, в веровании (и в идеологии, в целом) которого особое место принадлежало культу Верховного небесного божества (и другим младшим божествам и, наверное, персонифицированными богами явлениям природы [Кузьмина 1976: 53]), в честь которого приносили в жертву коня, а в качестве предварительной жертвы, согласно иерархии, – барана далее собаки. Данный тип погребально-поминальных памятников может быть назван по месту первичной фиксации **курукским**.

Если погребение из Убафорпоста территориально полностью вписывается в «курукско-кондратьевско-гилевский микрорайон», включая и Машенку-1, то захоронения коня и барана из Маймера и Солонечного белка (совр. назв. местности – Топкайын) маркирует «верхнебухтарминский» очаг распространения данного типа погребально-поминального обряда у ранних саков.

Еще одна зона распространения обсуждаемого типа погребально-поминального обрядности может оказаться среди раннековечнических древностей Северо-Восточной Сарыарки, исследованных в конце 1950-х – начале 1960-х гг. М.К. Кадырбаевым, которые содержали остатки захоронений человека, лошадей и баранов [Кадырбаев 1966: 311–336]. М.К. Кадырбаев обратил внимание на своеобразии обряда погребения в некоторых курганах могильников Тасмола I, V, VI, которые относились к VII–VI вв. до н.э., имея в виду, что некоторая часть площади могильной ямы оставалась свободной после захоронения человека [Кадырбаев 1966: 311].

Эти свободные пространства, по-видимому, были предназначены для сопроводительного захоронения лошадей и, отчасти, баранов, которые в сильно деформированном состоянии зафиксированы, например, в кургане с каменными грядами № 19, 24 Тасмола-I; пяти курганах Тасмола-V (№ 1–4, 6), а также в яме кургана № 2 Тасмола-VI. Такие пространства для помещения трупов лошадей и баранов фиксировались и в ряде могил вышеупомянутых памятников.

Объединяющим признаком между «курукско-кондратьевско-гилевскими», включая и Машенку-1, «верхнебухтарминскими», а также «Тасмолинскими» (или «Шидертинскими») в Сарыарке является наличие бараньих захоронений, хотя в последних они присутствуют фрагментарно то ли из-за ограбления, то ли по изначальному замыслу, согласно *pars pro toto*.

Своеобразен погребальный ритуал в тасмолинских курганах. Так, в кургане № 19 Тасмола-I, где будто бы нет следов ограбления, череп полностью взнузданной лошади (бронзовые удила со стремевидными окончаниями, трехдырчатые псалями, множеством пронизей от суголовных и наносного ремней, от повода или чумбура, бронзовой фигуркой оленя для наносного ремня) вместе с лопаткой был положен вдоль левой ноги погребенной здесь женщины. В то же время в разных частях погребальной камеры вразброс находилось большое количество предметов от конского снаряжения [Кадырбаев 1966: 313–317, рис. 4–8]. Или же курган № 24 Тасмола-I, где скелет погребенного мужчины полуразбросан, но череп взнузданного коня сохранился с остатками ремней и бронзовыми украшениями, а в южной части могильной ямы лежали черепа барана и козленка [Кадырбаев 1966: 315, рис. 7, 9]. Наличие каменных гряд – «усов» у отмеченного выше кургана № 19 Тасмола-I – если этот элемент наземной конструкции в действительности синхронен (что представляется маловероятным) с предметами конского снаряжения, происходящими из его могильной ямы, показывает, возможно, усложнение культово-религиозного комплекса ранних тасмолинцев под воздействием новых идеологических установок в условиях нового культуuroобразования. Однако это другой и дискуссионный вопрос [Самашев 2021: 70–79]. Очевидно, что наряду с элемен-

тами сходства присутствуют существенные этнографические различия в погребальной обрядности между Шидертгинскими и куртуско-верхнебухтарминскими типами памятников.

Что касается классификации и типологии вещевого комплекса из тасмолинских курганов, составляющих конскую упряжь, то они неоднократно привлекали внимание ученых и использовались в различных научных реконструкциях [Горбунова 2001: 179–200; и др.].

5 Заключение

Информационная возможность вышеуказанных памятников неполная из-за разрушенности наземных и внутримогильных конструкций. Между тем, выработка объективных вариантов интерпретации данного узколокального явления на фоне определенного историко-культурного контекста предполагает их обоснование с использованием комплекса полноценных археологических, письменных и этнографических источников.

Тем не менее, очевидно, что рассмотренные погребения с конем и бараном (МРС), а также с собакой связаны со сложным мифо-ритуальным комплексом у ранних саков, которые находят некоторые параллели в известных ведических текстах, связанных с иерархией жертвоприношения Верховным божествам пантеона.

Остатки конской сбруи из бронзы, железа и кожи, украшения в зверином стиле и предметы вооружения, найденные в вышеуказанных могилах, дают некоторые представления о хозяйственно-культурном типе населения.

Наиболее ранние погребения с конем зафиксированы на Тарбагатае (X–IX вв. до н.э.) и этот обряд охватывает более чем тысячелетний промежуток времени вплоть до кимако-кыпчакского периода нашей истории. Существует огромное количество научных работ на разных языках, посвященных анализу данного феномена в ранней и средневековой истории. Однако в данной работе мы осуществили сравнительное изучение погребальных памятников, содержащих сопроводительное захоронение барана и коня, и пришли к выводу, что они отражают этносоциокультурные явления на ранней стадии развития сакского культурного комплекса на очерченной выше территории.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) / Известия ИАК. 1916. Вып. 62. 94 с.
- 2 Акишев А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири: сб. статей / Отв. ред. И.Н. Гемуев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1984. С. 69-76.
- 3 Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и в средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 17-65.
- 4 Алехин Ю.П. Восточный Казахстан и Рудный Алтай в раннескифское время // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан (г. Караганды, 23–25 ноября 2011 г.) / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Караганды: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. С. 83-87.
- 5 Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка-XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. № 10. С. 62-70.
- 6 Антонова Е.В., Раевский Д.С. О знаковой сущности вещественных памятников и способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. Сб. статей / Отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1991. С. 207-233.
- 7 Арсланова Ф.Х. Отчет о работе археологической экспедиции Усть-Каменогорского пединститута за 1965 год // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, д. 975, И-62.
- 8 Арсланова Ф.Х. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Убинский Форпост // Материалы VIII науч. конф. профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1966. С. 43-45.

- 9 Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. по материалам Уйгарака. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.
- 10 Геннеп Арнольд ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.
- 11 Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию действит. члена АН Таджикистана, академика РАЕН, д.и.н., проф. Б.А. Литвинского (г. Москва, 14–16 октября 1998 г.). М.: Вост. лит., 2001. С. 179-200.
- 12 Демин М.А., Ситников С.М. Могильник Чекановский лог-10 – новый памятник развитой бронзы и раннескифского времени Юго-западного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. № 4. С. 59-66.
- 13 Иванов Вяч.Вс. Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от ASVA – «конь» // Из работ московского семиотического круга: сб. статей / Сост. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Яз. рус. культуры, 1997а. С. 171-220.
- 14 Иванов Вяч.Вс. О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах // Из работ московского семиотического круга: сб. статей / Сост. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Яз. рус. культуры, 1997б. С. 339-343.
- 15 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1966. С. 303-433.
- 16 Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
- 17 Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. 1963. № 2. С. 38-46.
- 18 Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии: докл. конф. / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 52-65.
- 19 Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура): сб. статей / Отв. ред. Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1977. С. 28-52.
- 20 Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы». М.: Наука, 1968. 116 с.
- 21 Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.
- 22 Самашев З. Погребально-поминальная ритуалистика древних кочевников Казахского Алтая в контексте онтологической концепции жизни и смерти (по материалам берельских курганов) // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 510-548.
- 23 Самашев З. Еще раз об объектах с каменными грядами // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. историч. 2021. № 3 (102). С. 70-79.
- 24 Самашев З.С., Васютин А.С., Ермолаева А.С. и др. Отчет об археологических исследованиях на территории Восточно-Казахстанской области за 1988 год // Архив ИА КН МОН РК. Д. 2075.
- 25 Самашев З., Ермолаева А.С., Джумабекова Г.С. Казахский Алтай в I тысячелетии до н.э. // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 101-156.
- 26 Самашев З.С., Шер Я.А. Словесные мифопоэтические формулы и их изобразительные параллели в петроглифах Тянь-Шаня и Саяно-Алтая // Маргулановские чтения. Сб. м-лов конф. / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алма-Ата, 1989. С. 107-111.
- 27 Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в Верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. № 8. С. 39-60.
- 28 Топоров В.Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1974. С. 3-19.
- 29 Шульга П.И. снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

- 30 Шульга П.И. Некоторые особенности погребального обряда Гилево-10 // Кадырбаевские чтения-2016: м-лы V Междунар. конф. / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе, 2016. С. 226-233.
- 31 Шульга П.И., Демин В.А. Курганы Сентелека. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. 188 с.
- 32 Яблонский Л.Т. Звериный стиль ранних кочевников Приаралья в контексте их исторического развития // Stratum plus. 2015. № 3. С. 101-119.
- 33 Samashev Z. The illustrious culture of the early nomads in the Kazakh Altai // Gold of the Great Steppe. Cambridge, 2021. P. 11-65.

REFERENCES

- 1 Adrianov, A. V. 1916. In: *Izvestiya IAK (News of the Imperial Archaeological Commission)*, 62 (in Russian).
- 2 Akishev, A. K. 1984. In: Gemuev, I. N., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Etnografiya narodov Sibiri (Ethnography of the peoples of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 69-76 (in Russian).
- 3 Alekhin, Yu. P. 1999. In: *Serebryanyi venets Rossii (Ocherki istorii Zmeinogorska) (The Silver Crown of Russia (Essays on the History of Zmeinogorsk))*. Barnaul, 17-65 (in Russian).
- 4 Alekhin, Yu. P. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarki in the context of the study of ethnosociocultural processes of steppe Eurasia)*. Karagandy: "Begazy-Tasmola", 83-87 (in Russian).
- 5 Alekhin, Yu. P., Shulga, P. I. 2003. In: *Drevnosti Altaya (Antiquities of Altai)*, 10. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University, 62-70 (in Russian).
- 6 Antonova, E. V., Raevskiy, D. S. 1991. In: Litvinskiy, B. A. (ed.). *Problemy interpretatsii pamyatnikov kultury Vostoka (Problems of interpretation of monuments of culture of the East)*. Moscow: "Nauka" Publ., 207-233 (in Russian).
- 7 Arslanova, F. Kh. 1965. In: Archive of the Margulan Institute of Archaeology. F. 11, d. 975 (in Russian).
- 8 Arslanova, F. Kh. 1966. In: *Materialy VIII nauch. konf. professorsko-prepodavatel'skogo sostava (Materials of the VIII in the scientific conf. of the teaching staff)*. Ust-Kamenogorsk, 43-45 (in Russian).
- 9 Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura sakskikh plemen nizoviev Syrdarii v VII-V vv. Po materialam Ujgaraka (Culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya in the 7th-5th centuries. Based on the materials of Ujgarak)*. Moscow: "Nauka" (in Russian).
- 10 Gennep Arnold van. 2002. *Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov (Rites of passage: A systematic study of rites)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- 11 Gorbunova, N. G. 2001. In: *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriya i kultura (Ancient civilizations of Eurasia. History and culture)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ., 179-200 (in Russian).
- 12 Demin, M. A., Sitnikov, S. M. 1999. In: *Drevnosti Altaya (Antiquities of Altai)*, 4. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University, 59-66 (in Russian).
- 13 Ivanov, Vyach. Vs. 1997. In: Nikolaeva, T. M. (compl.). *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga (From the works of the Moscow semiotic club)*. Moscow: "Yazyki russkoy kultury" Publ., 171-220 (in Russian).
- 14 Ivanov, Vyach. Vs. 1997. In: Nikolaeva, T. M. (compl.). *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga (From the works of the Moscow semiotic club)*. Moscow: "Yazyki russkoy kultury" Publ., 339-343 (in Russian).
- 15 Kadyrbaev, M. K. 1966. In: Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbaev, M. K., Orazbaev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences Publ., 303-433 (in Russian).
- 16 Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyi stil Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuraliya v skifskuyu epohu (VII-IV vv. do n.e.) (Animal style of Eurasia. The art of the tribes of the Lower Volga region and the Southern Urals in the Scythian era (7th-4th centuries BC))*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- 17 Kuzmina, E. E. 1963. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 38-46 (in Russian).
- 18 Kuzmina, E. E. 1976. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskiy zverinyi stil v iskusstve narodov Evrazii (Scythian-Siberian animal style in the art of the peoples of Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 52-65 (in Russian).

- 19 Kuzmina, E. E. 1977. In: Gafurov, B. G., Litvinskiy, B. A. (eds.). *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekovie (Istoriya i kultura) (Central Asia in antiquity and the Middle Ages (History and Culture))*. Moscow: "Nauka" Publ., 28-52 (in Russian).
- 20 Ogibenin, B. L. 1968. *Struktura mifologicheskikh tekstov «Rigvedy» (The structure of mythological texts of the Rigveda)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 21 Samashev, Z. S. 1992. *Naskalnye izobrazheniya Verkhnego Priirtyshiya (Rock carvings of the Upper Irtysh river region)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).
- 22 Samashev, Z. 2017. In: *Mir Bolshogo Altaya (World of the Great Altai)*, 3 (4), 510-548 (in Russian).
- 23 Samashev, Z. 2021. In: *Vestnik KazNU im. al Farabi. Ser. istorich. (Bulletin of History)*, 3 (102), 70-79 (in Russian).
- 24 Samashev, Z. S., Vasyutin, A. S., Ermolaeva, A. S. et al. 1988. In: Archive of the Institute of Archaeology. D. 2075 (in Russian).
- 25 Samashev, Z., Ermolaeva, A. S., Jumabekova, G. S. 2017. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan v sakskeyu epohu (Kazakhstan in the Saka epoch)*. Almaty: IA KN MON RK, S. 101-156. (in Russian).
- 26 Samashev, Z. S., Sher, Ya. A. 1989. In: Baipakov, K. M. (ed.). *Margulan readings*. Alma-Ata: Margulan Institute of Archaeology, 107-111 (in Russian).
- 27 Sorokin, S. S. 1966. In: *Arheologicheskiy sbornik Gos. Ermatazha (Archaeological collection of the State Hermitage Museum)*, 8, 39-60 (in Russian).
- 28 Toporov, V. N. 1974. In: *Etimologiya 1972 (Ethnology 1972)*. Moscow, 3-19 (in Russian).
- 29 Shulga, P. I. 2008. *Snaryazhenie verhovoy loshadi i voinskie poyasa na Altae. Ch. I. Ranneskijskoe vremya (Equipment of a riding horse and military belts in Altai. Part I. Early Scythian time)*. Barnaul: "Azбука" Publ. (in Russian).
- 30 Shulga, P. I. 2016. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbaev readings–2016*. Aktobe, 226-233 (in Russian).
- 31 Shulga, P. I., Demin, V. A. 2021. *Kurgany Senteleka (The mounds of Sentelek)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- 32 Yablonskiy, L. T. 2015. In: *Stratum plus*, 3, 101-119 (in Russian).
- 33 Samashev, Z. 2021. In: *Gold of the Great Steppe*. Cambridge, 11-65 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.09.2022.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.91.41

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.32.42>

Роговые предметы с тамгообразными знаками: по материалам сянбийских погребений некрополя Берел

© 2022 г. Самашев С.К., Сиражева Б.А.

Keywords: archaeology, Kazakh
Altai, Berel, Xianbi, tamga signs,
horn objects

Түйін сөздер: археология, Қазақ
Алтайы, Берел, сянби, таңба
тәріздес белгілер, мүйізден
жасалған бұйымдар

Ключевые слова: археология,
Казахский Алтай, Берел, сянби,
тамгообразные знаки, роговые
предметы

Samat Samashev¹, Bulbul Sirazheva^{2*}

¹Researcher, State Historical and Cultural Museum-Reserve “Berel”, village Zhambyl, Katon-Karagay district, East Kazakhstan region, Kazakhstan. E-mail: ssamashev@gmail.com

^{2*}Corresponding author, researcher, al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: bsirazheva@gmail.com

Horn objects with tamga signs: based on the materials of the Xianbi burials of the Berel necropolis

Abstract. Currently, monuments of the “transitional period” are being actively developed in Kazakhstani archaeology, reproducing the heritage of previously unnoticed, but one of the unique historical and cultural communities of steppe Eurasia - the Hun–Xianbians. Starting from 2015 and up to the present time, about 70 monuments of this period have been identified and studied by domestic specialists on the territory of the Kazakh Altai. Among the finds are two horn onlays with tamga-like signs. Bone or horn onlays with tamgas or runic inscriptions are found in the Turkic monuments of the Mountainous and Mongolian Altai, some of them are comparable to the letters of famous runic inscriptions or ethnic tamgas of medieval peoples of Eurasia. Tamga-like signs of onlays from object No. 113 of the Berel necropolis differ in that they do not resemble any of the known letters or tamga. Nevertheless, traceological studies show that these are not just traces of their use or accidental scratches, but specially engraved symbols, the meaning of which is not yet completely clear to us. Perhaps they are spells for good luck or some magical symbols that were important for the owner of these products.

Acknowledgement: The work was carried out within the framework of program-targeted funding of the Committee of Culture of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan for the 2021–2023, IRN of the Project BR10164221. The authors are grateful to Z. Gasanov, O. Sapashev and A. Yerzhanova for their support to conduct this study.

For citation: Samashev, S., Sirazheva, B. 2022. Horn objects with tamga signs: based on the materials of the Xianbi burials of the Berel necropolis. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 32–42 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.32.42](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.32.42)

Самат Қайроллаұлы Самашев¹,
Бұлбұл Аронқызы Сиражева^{2*}

¹ғылыми қызметкер, «Берел» Мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі, Жамбыл ауылы, Катонқарағай ауданы, Шығыс Қазақстан облысы, Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
әл-Фараби ат. Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан

Самат Кайроллаевич Самашев¹,
Булбұл Ароновна Сиражева^{2*}

¹научный сотрудник, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Берел» МКС РК, с. Жамбыл, Катон-Карагайский р-н, Восточно-Казахстанская обл., Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, научный сотрудник, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

**Таңба-белгілері бар мүйіз бұйымдар:
Берел қорымының сяньюби жерлеу орындарынан
табылған материалдар негізінде**

Аннотация. Қазақстан археологиясында қазіргі уақытта бұрын-соңды байқалмаған, бірақ далалық Еуразияның бірегей тарихи-мәдени қауымдастықтарының бірі болған хұн-сяньюбиліктердің мұрасын әйгілейтін «өтпелі кезең» ескерткіштері қарқынды зерттелуде. Отандық мамандар Қазақ Алтайы аумағынан 2015 ж. бергі уақыт аралығында осы тарихи-хронологиялық кезеңге тән 70-ке жуық ескерткішті анықтап зерттеді. Табылған заттардың арасында таңба тәріздес белгілердің болуымен ерекшеленетін мүйізден жасалған екі жапсырма бар. Таңбасы немесе руна жазуы бар, сүйек пен мүйізден жасалған жапсырмалар Таулы Алтай мен Моңғол Алтайының түркі ескерткіштерінен кездесіп жатады, олардың кейбірін белгілі руна жазуларының әріптерімен немесе ортағасырлық Еуразия халықтарының этникалық таңбаларымен салыстыруға келеді. Берел қорымының № 113 нысанынан табылған жапсырмалардағы таңба-белгілердің ерекшелігі сол, олар осы уақытқа дейін белгілі әріптердің немесе таңбалардың біреуіне де сәйкес келмейді. Дегенмен трасологиялық зерттеулер олардың қолданудан болған тозу іздері немесе кездейсоқ тырналғаннан түскен сызаттар емес, бізге мағынасы әлі белгісіз, бірақ арнайы кертіліп салынған белгілер екендігін көрсетіп отыр. Шамасы осы бұйым иесінің көзі тірісінде ерекше маңызға ие болған әлдебір магиялық нышандар немесе сәттілік әкелетін дұға болса керек.

Алғыс. Жұмыс Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігі Мәдениет комитетінің 2021–2023 жылдарға арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы аясында орындалды, жобаның ЖТН-і № BR10164221. Авторлар осы зерттеулерді жүргізу барысында көмек көрсеткен З.Г. Гасанов, О.С. Сапашев және А.Е. Ержановаларға өз алғыстарын білдіреді.

Сілтеме жасау үшін: Самашев С.Қ., Сиражева Б.А. Таңба-белгілері бар мүйіз бұйымдар: Берел қорымының сяньюби жерлеу орындарынан табылған материалдар негізінде. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 32–42 -бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.32.42](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.32.42)

**Роговые предметы с тамгообразными знаками:
по материалам сяньюбийских погребений
некрополя Берел**

Аннотация. В настоящее время в казахстанской археологии активно разрабатываются памятники «переходного периода», воспроизводящие наследие ранее незамеченных, но одних из уникальных историко-культурных сообществ степной Евразии – хунно-сяньюбийцев. Начиная с 2015 г. и по настоящее время отечественными специалистами на территории Казахского Алтая выявлены и исследованы около 70-ти памятников данного периода. Среди находок – две роговые накладки с тамгообразными знаками. Костяные или роговые накладки с тамгами или руническими надписями встречаются в тюркских памятниках Горного и Монгольского Алтая, некоторые из них сопоставимы с буквами известных рунических надписей или же этническими тамгами средневековых народов Евразии. Тамгообразные знаки накладок из объекта № 113 некрополя Берел отличаются тем, что не похожи ни на одну из известных букв или же тамг. Тем не менее трасологические исследования показывают, что это не просто следы от их использования или же случайные царапины, а специально выгравированные символы, значение которых нам пока не вполне понятно. Возможно, являются заклинаниями на удачу или же какими-то магическими символами, имевшими важное значение для владельца этих изделий.

Благодарности. Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета культуры Министерства культуры и спорта Республики Казахстан на 2021–2023 гг., ИРН проекта № BR10164221. Авторы выражают благодарность З.Г. Гасанову, О.С. Сапашеву и А.Е. Ержановой за оказанную помощь при проведении данного исследования.

Для цитирования: Самашев С.К., Сиражева Б.А. Роговые предметы с тамгообразными знаками: по материалам сяньюбийских погребений некрополя Берел. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 32–42. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.32.42](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.32.42)

1 Введение (Самашев С.К.)

Одним из перспективных направлений казахстанской археологии становится изучение погребально-поминальных объектов хунно-сяньюбийского времени (II–III вв. н.э.). В настоящее время они входят в число часто выявляемых и активно исследуемых памятников Казахского Алтая.

С 2015 по 2021 гг. исследовано свыше 60 археологических сооружений сяньбийского периода [Самашев, Жунисланов 2021: 146]. В советской археологии данный тип памятников указан как «берельский» и описывается следующим образом: «Памятники берельского типа отражают культуру алтайских племен тйелэ до прихода на Алтай тюркок-тугю в конце V в.» [Гаврилова 1965: 105]. Отечественные исследователи, основываясь на своих целенаправленных и систематических исследованиях последних лет и практических изысканиях, выдвигают более точное определение выделения «промежуточного культурно-хронологического горизонта – “хунну-сяньбийского”, между эпохами хунну и древних тюрков» [Самашев и др. 2019: 392].

Хунно-сяньбийские погребения некрополя Берел (рис. 1) весьма значимы в плане освещения историко-культурных событий малоизвестного периода между ранними и средневековыми кочевниками Казахского Алтая. Рассматриваемые в данной статье роговые предметы были найдены при вскрытии каменной конструкции объекта № 113 среди предметов, сопровождавших погребенного человека, и представляют собой уникальные образцы косторезного дела кочевников «переходного»

Рис. 1. Берел на карте Казахстана. Составитель: М.А. Антонов

1-сур. Берел ескерткішінің Қазақстан картасында орналасуы. Құрастырған: М.А. Антонов

Fig. 1. Location of Berel on the map of Kazakhstan. Compiled by: M. Antonov

периода, а также имеют интересные тамгообразные знаки, не похожие на известные нам символы ранних и средневековых кочевников (рис. 2–4).

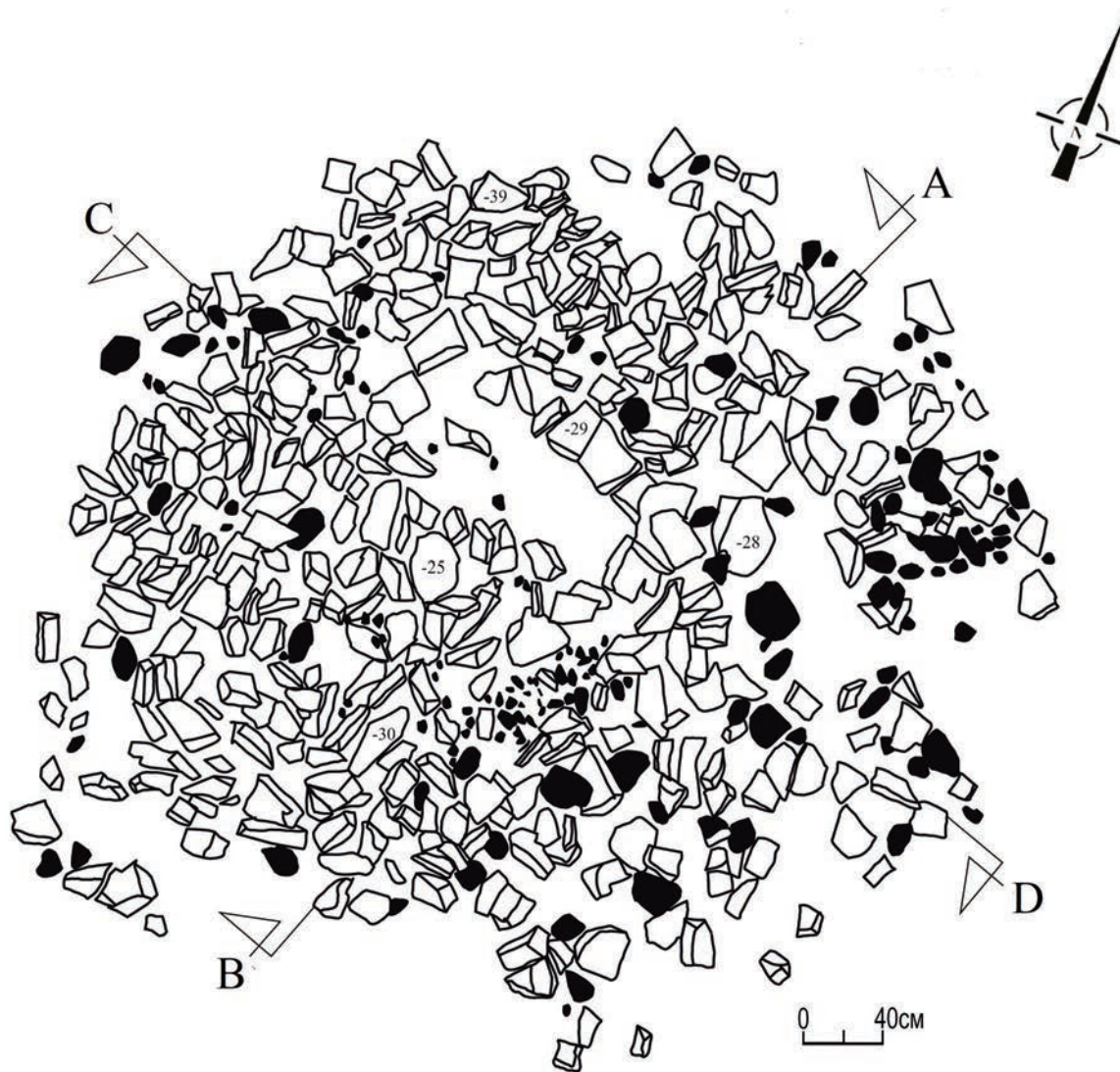

Рис. 2. Берел, объект № 113. План наземной конструкции (по: [Самашев и др. 2018: 95])
2-сур. Берел, № 113 нысан. Жер үсті құрылысының жоспары ([Самашев и др. 2018: 95]: бойынша)
Fig. 2. Berel, site № 113. Plan of ground structure – after Samashev Z. et al. 2018: 95

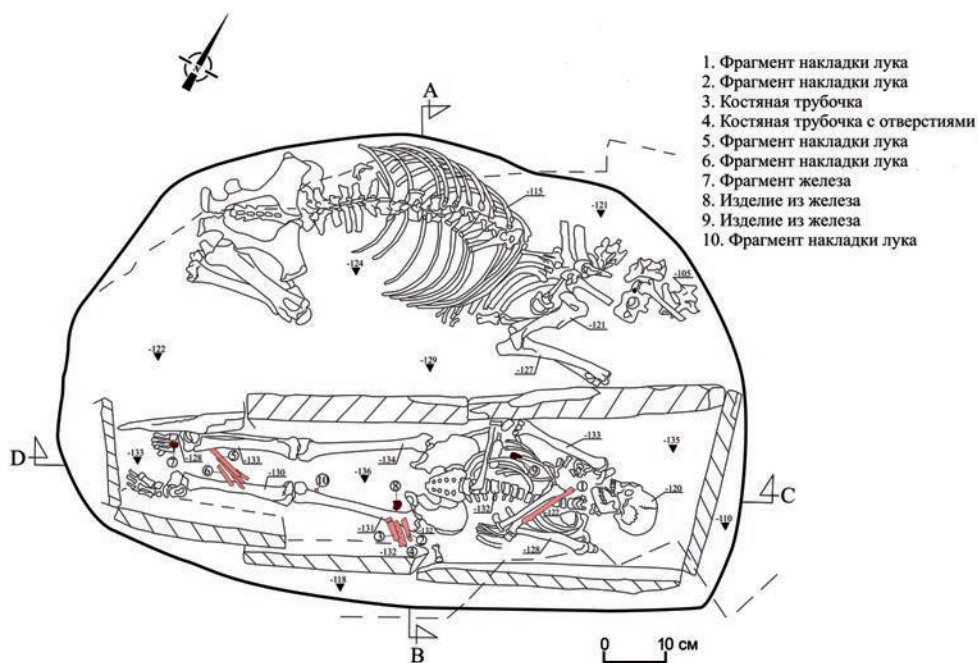

Рис. 3. Берел, объект № 113. План могильной ямы объекта (по: [Самашев и др. 2018: 102])
3-сур. Берел, № 113 нысан. Қабір шұңқырының жоспары ([Самашев и др. 2018: 102]; бойынша)
Fig. 3. Berel, site № 113. Plan of the burial pit – after Samashev et al. 2018: 102

Рис. 4. Берел, объект № 113. Обустройство погребальной камеры. Фото З. Самашева
4-сур. Берел, № 113 нысан. Қабір ішінің құрылысы. З. Самашев түсірген фото
Fig. 4. Berel, site № 113. Arrangement of the burial chamber. Photo by Z. Samashev

2 Материалы и методы

2.1 Методы исследования (Сиражева Б.А.)

Поскольку даже невооруженным глазом было заметно, что эти знаки не являются следами изношенности от постоянного использования предметов или случайными царапинами, авторы статьи обратились к методам трасологии, чтобы утвердиться в своем предположении о сознательном нанесении данных обозначений. Учитывая плохую сохранность предметов, выбрали непрямые методы изучения: использование электронного микроскопа с бесконтактным датчиком, цифровое макрофотографирование и облачная фотограмметрия. Эти методы в свое время были успешно апробированы французскими исследователями С. Кассеном и Х. Плиссоном в процессе изучения петроглифов [Casen et al. 2014: 47–59; Plisson 2015: 218–233]. Мы их несколько адаптировали под наш роговой материал.

В результате трасологических исследований мы удостоверились в том, что в рассматриваемых двух накладках отметки являются специально выгравированными символами – тамгообразными знаками. Попытка установления согласованности символов и их смыслового содержания осуществлена с помощью контент-анализа. Археологические и письменные источники, отражающие социальный мир сянбийцев, изучены методом дискурс-анализа. В итоге предположение о том, что у хунно-сянбийских народов существовала своя знаковая система, нашло свое подтверждение.

2.2 Характеристика материала (Самашев С.К.)

Объект № 113 входит в третью группу памятников некрополя Берел. Захоронение человека внутри каменного ящика и скелет коня без черепа были обнаружены под каменным сооружением в форме подпрямоугольной ограды, зауженной на одном конце и забутованной камнем и грунтом. Скелет коня находился к северу от ящика, частично уходил под северо-западную стенку наземной конструкции. Останки человека ориентированы на северо-восток, лошади – на восток с незначительным отклонением к северу. При погребенном найдены роговые накладки, две трубочки разных размеров, изготовленные из рога и кости, а также фрагменты железа [Самашев, Кариев 2020: 926].

Из вышеуказанного набора самыми интересными предметами являются две роговые накладки с тамгообразными знаками. Первый предмет – это фрагмент обработанного рога прямоугольной удлиненной формы, с тамгообразными насечками на лицевой стороне и овальным отверстием на целом конце (рис. 5). Размеры: длина 8,3 см, ширина 1,5 см, диаметр отверстия 0,6 см. Данное изделие авторами раскопок [Самашев, Кариев 2020: 926] идентифицировано в качестве накладки сложносоставного лука гуннского типа. Однако «нетрадиционная» форма и наличие отверстия заставляют нас сомневаться в этом.

Рис. 5. Берел, объект № 113. Фрагмент роговой накладки с тамгообразными знаками. Фото С. Самашева

5-сур. Берел, № 113 нысан. Таңба тәріздес белгілері бар мүйіз жапсырманың сынығы. С. Самашев түсірген фото

Fig. 5. Berel, site № 113. The fragment of a horn onlay with tamga marks. Photo by S. Samashev

Близкие аналогии данному предмету найдены в кургане Шестаки II, расположенном в Кузнецкой котловине (Кемеровская обл., РФ), датируются VII–VIII вв. н.э. и указаны как накладки на колчан [Кузнецов 2014: 72]. В данном случае мы не можем с уверенностью соотнести эту находку с колчаном, поскольку авторами раскопок в этом погребении не зафиксированы следы последнего. Однако данное изделие было найдено «в комплекте» с трубочками из кости и рога. Назначение костяных трубочек было и остается одной из дискуссионных тем [Самашев и др. 2018: 16]. У ранних кочевников такие трубочки находились внутри колчана. Предполагается, что они являются приспособлением для доения кобылиц [Федоров 2013: 57].

Также мы не исключаем того, что прямыми аналогами данного изделия могут быть накладки, найденные в соседних с № 113 оградках – № 67 и 67Б. Эти три близкие по форме и материалу накладки обнаружены в трех расположенных рядом оградках, на одном и том же месте – в области тазовой кости погребенного, что позволяет высказать предположение об их назначении в качестве детали мужского пояса.

Второй предмет, содержащий особые метки, это срединная накладка на лук, состоящая из двух фрагментов (рис. 6). Размеры: длина 6,5 см, ширина 1,5 см.

3 Результаты (Самашев С.К., Сиражеева Б.А.)

Нас заинтересовали тамгообразные знаки, выгравированные на лицевой стороне

первого предмета. Артефакт попал в наши руки после консервационных манипуляций и хранения в ненадлежащих условиях. В результате находка начала терять свой первоначальный вид. В связи с этим были выбраны бесконтактные методы трасологического исследования: компиляция макрорезультатов и облачная фотограмметрия. Данные исследования выявили, что вышеуказанные тамгообразные знаки не являются потертостью, царапинами или другими следами, появившимися в результате длительного использования вещи. Они были специально прорезаны с помощью остроконечного металлического инструмента. Знаки гравированы максимально аккуратно, в один ряд, и с верхней стороны одна горизонтальная линия перечеркивает их.

Само изделие эксплуатировалось некоторое время, о чем свидетельствует изношенность вокруг отверстия, с помощью чего данная накладка подвешивалась/привязывалась или была пришита. «Традиционные» штрихообразные насечки на обратной стороне указывают на то, что накладка была приклеена к чему-либо или же подготовлена к приклейке. Однако, при визуальном и микроскопическом осмотре не удалось обнаружить остатки клея. Возможно, они были утрачены во время консервационных мероприятий. В научной литературе со ссылкой на китайские источники изложены факты использования рыбьего клея [Кубарев 2005: 83; Liu Mau-Tsai 1958: 136].

Рис. 6. Берел, объект № 113. Фрагмент срединной накладки на лук с тамгообразными знаками. Фото С. Самашева
6-сур. Берел, № 113 нысан. Таңба тәріздес белгілері бар садақтың ортаңғы жапсырмасының сынығы. С. Самашев түсірген фото
Fig. 6. Berel, site № 113. The fragment of a middle onlay on the bow with tamga-shaped signs. Photo by S. Samashev

Что касается самих тамгообразных знаков, в начале исследования мы пытались соотнести их с древнетюркскими рунами и для этого обратились к специалистам-тюркологам. По мнению азербайджанского ученого З. Гасанова, для того чтобы признать эти знаки древнетюркским текстом линии должны идти в пяти или шести разных направлениях, здесь же заметны лишь два. Он не исключает того, что эти метки являлись магическими знаками либо родовыми тамгами.

По мнению отечественного тюрколога О. Сапашева, эти знаки могут быть буквами неведомого древнейшего проторунического алфавита (использовавшегося до древних тюрков), поскольку некоторые из них по отдельности имеют внешнее сходство с древнетюркскими буквами, но текст, составленный этими знаками вкуче с другими, не несет никакой смысловой нагрузки, т. е. не читаем. Также ученый полагает, что это может быть гадательной костью типа древнекитайских цзягувэнов.

На одной из боковых граней второго предмета также остроконечным металлическим инструментом в один ряд прорезаны пока непонятные нам символы, порознь напоминающие тамги средневековых кочевников Казахстана. Мы рискнули сопоставить их с древнетюркскими тамгами Каракабака в Мангыстау /, Y, III [Самашев и др. 2010: 102–105].

Лицевая сторона данного изделия покрыта мелкими вертикальными царапинами разного размера. Результаты трасологических исследований также указывают на то, что эти отметки ставились специально и не являются следами изношенности. Толкований этих линий может быть множество: они могут обозначать количество дней, прошедших в походах, могут быть числом убитых врагов, зверей и т. д. А вышеуказанные отметки на боковой грани накладки отличаются тщательностью выполнения и наличием определенного порядка при их вырезании.

В доказательство того, что эти знаки на накладках не являются следами изношенности, случайными царапинами или же отметками, поставленными в процессе эксплуатации (счет или количество чего-то, кого-то, напоминание и т. д.), можно указать на еще одну роговую срединную накладку на лук, найденную в этом же погребении (рис. 7).

На этой накладке тоже присутствуют специальные надрезы, выполненные остроконечным металлическим инструментом. По внешнему виду их нельзя назвать орнаментом или хотя бы намеком на декор, к тому же эти отметки перечеркнуты поперечными линиями, словно они были заметками, а затем вычеркивались, означая завершенность какой-либо задачи.

В целом, в среде древних тюрков Алтая известны случаи прорисовки знаков отличия в виде тамг, либо рунического письма на срединных накладках на лук и накладках на колчан. Возможно, эти тамгообразные знаки на двух накладках также являются знаками отличия их владельца, либо каким-то заклиниванием, либо магическими символами. В любом случае

Рис. 7. Берел, объект № 113. Фрагмент срединной накладки на лук с «заметками». Фото С. Самашева

7-сур. Берел, № 113 нысан. Садақтың «белгі» салынған ортаңғы жапсырмасының сынығы. С. Самашев түсірген фото

Fig. 7. Berel, site № 113. The fragment of a middle onlay on the bow with “note” signs. Photo by S. Samashev

они имеют определенный контекст, связанный с их мировоззренческими установками. Причем это не ограничивается их погребальной практикой. Судя по состоянию предметов, они были весьма важной частью при жизни их владельца.

4 Обсуждение (Самашев С.К.)

Тамги и надписи на роговых и/или костяных накладках на лук и на колчан встречаются лишь изредка, но зато на всей обширной территории Алтая, к примеру в памятниках Горного Алтая (Аймырлыг I VIII-52, Даг-Аразы II-1, Шестаки II), Монгольского Алтая (Хулхийн амны-14) и Казахского Алтая (объект № 113 некрополя Берел). Надпись на накладке из Аймырлыг I VIII-52 интерпретирована Б.Б. Овчинниковой [Овчинникова 1990: 70–71]. А тамга на срединной накладке лука из памятника Шестаки II Н.А. Кузнецовым идентифицируется с тюргешской [Кузнецов 2014: 80]. Самая близкая аналогия, на наш взгляд, находится среди материалов курганного могильника Красная Горка-19 (Республика Тыва), представленных Т.Р. Садыковым [Садыков 2017: 55]. Чрезвычайно любопытно то, что у Т.Р. Садыкова среди накладок на лук имеется точная аналогия изделий, найденных на отмеченных выше объектах № 67 и 67Б некрополя Берел. Также ученый озадачен формой и наличием отверстий и не исключает того, что данные накладки имеют отношение к поясу или колчану. Он отмечает, что знаки на накладках из памятника Красная Горка-19 не совпадают с буквами известных в науке рунических алфавитов, и считает их тамгами. Вместе с тем Т.Р. Садыков обращает внимание на количество тамгообразных знаков, не имея никаких предположений на этот счет [Садыков 2017: 56–57].

Во всех вышеуказанных случаях тамгообразные знаки на накладках более или менее сопоставимы с руническими буквами или с уже известными тамгами. Однако в нашем случае все намного сложнее. Видимо, потребуется больше времени, чтобы выявить тамговую систему хунно-сяньбийских народов или выделить ее из уже существующих условных буквенных обозначений.

Что касается знаков или письменности сяньбийцев, по мнению исследователей, их существование пока не является доказанным фактом [Дашковский, Мейкшан 2015: 106]. Тем не менее, монгольский академик Н. Ишжамц приводит в двух таблицах рунические знаки письма сюн-ну-сян-пи (хунну-сяньби), отмечая, что среди предметов в Ноин-Уле и в других гуннских могильниках Монголии и Забайкалья обнаружено более 20-ти резных знаков, и утверждает, что большинство этих знаков либо идентичны, либо очень похожи на буквы орхоно-енисейского письма тюрков раннего Средневековья, встречающегося в евразийских степях [Ishjamts 1994: 147–164].

5 Выводы (Самашев С.К.)

Наличие тамгообразных знаков на роговых накладках оружия дистанционного боя сяньбийцев, на наш взгляд, неслучайно. Несмотря на разные предположения, их семантика намного глубже. Учитывая их месторасположение, функциональное значение этих знаков не может быть столь примитивным и быть просто инициалами владельца или знаком его собственности. Возможно, это какое-то заклинание или магический символ, приносящий удачу на охоте или в бою. Скорее всего, эти отметки использовались при жизни и не являются частью погребального обряда, поэтому редко попадают в захоронения. Поскольку основные сведения о хунно-сяньбийских народах поступают благодаря археологическим исследованиям, имеющиеся в нашем распоряжении материалы о знаках и тамгах сяньбийцев крайне скудны. Однако это вовсе не означает, что сяньбийцы не имели

своей системы знаков или букв. В данной статье мы попытались доказать, что отметки на накладках являются не просто царапинами, а определенными тамгообразными знаками хунно-сяньбийских народов Казахского Алтая, но скрытый смысл данных отметок для нас пока неясен.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.
- 2 Дашковский П.К., Мейкиан И.А. Религиозный аспект политической культуры и влияние буддизма на процесс легитимации власти у кочевников Центральной Азии в хунно-сяньбийско-жужанский период // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. С. 99-107.
- 3 Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- 4 Кузнецов Н.А. Оружие дистанционного боя из курганного могильника Шестаки-II // Кузнецкая старина / Отв. ред. Ю.В. Ширин. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2014. Вып. 6. С. 59-73.
- 5 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1990. 223 с.
- 6 Садыков Т.Р. Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булуң в Центральной Туве // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 47-59.
- 7 Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: Abdi company, 2010. 168 с. (на рус., каз. и англ. яз.).
- 8 Самашев З., Жүнісханов А.С. Сяньби кезеңі бойынша соны радиокөміртектік зерттеулер // Қазақстан археологиясы. 2021. 3 (13). 146-153 бб. DOI: 10.52967/akz2021.3.13.146.153
- 9 Самашев З., Кариев Е., Александров С., Ахмадиев Ж., Киясбек Г., Толегенов Е., Самашев С., Ерболатов С. Выкладки-оградки периода сяньби на Береле – новый эталонный памятник эпохи великого переселения народов // «Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі» конф. м-ры (Өскемен қ., 7–8 қыркүйек 2018 жыл) / Бас ред. Д.К. Ахметов. Өскемен: Шығыс ақпарат, 2018. С. 15-20.
- 10 Самашев З., Кариев Е.М., Жириндинова К.Р., Толегенов Е.Т. и др. Отчет о НИР «Археологические исследования могильника Берел» (заключительный). 2018 г. // Архив КазНИИК. 142 с.
- 11 Самашев З., Кариев Е.М., Ерболатов С.Е. Хунно-сяньбийский культурно-хронологический горизонт Береля // Маргулановские чтения–2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19-20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 385-393.
- 12 Федоров В.К. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // РА. 2013. № 2. С. 44-61.
- 13 Cassen S., Grimaud V., Lescop L., Morel D., Querré G. Bienfaits et limites d'un enregistrement lasergrammétrique dans la tombe à couloir de Gavrinis (Morbihan, France) // L. Costa, F. Djindjian, F. Giligny (eds.). Actes des 3èmes Journées d'Informatique et Archéologie de Paris, IAP 2012, «Archeologia e Calcolatori», 5. 2014. P. 47-59.
- 14 Ishjants N. The Nomads in Eastern Central Asia // ed. J. Harmatta, B. N. Puri, and G. F. Etmedi. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.G. to A.D. 250. Paris: UNESCO Publ. 1994. Vol. 2 of History of Civilizations of Central Asia. P. 151-169,
- 15 Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). I Buch (Text). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 484 p.
- 16 Plisson H. Digital Photography and Traceology: From 2D to 3D // Traces in the history. Dedicated to 75 anniversary of Viacheslav Shchelinsky / dir par O.V. Lozovskaya, V.M. Lozovski et E.Yu. Girya. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the RAS, 2015. P. 218-233.

REFERENCES

- 1 Gavrilova, A. A. 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istoriy altayskih plemyon (Kudyrge burial ground as a source on the history of the Altay tribes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

- 2 Dashkovskiy, P. K., Meykshan, I. A. 2015. In: Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Elita v istorii drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii (Elite in History of Ancient and Medieval peoples of Eurasia)*. Barnaul: Altay University Publ., 99-107 (in Russian).
- 3 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov). Culture of the Ancient Turks of the Altay (based on the funeral monuments)*. Novosibirsk: Institute of archaeology and ethnography Publ. (in Russian).
- 4 Kuznetsov, N. A. 2014. In: Shirin, Yu. V. (ed.). *Kuznetskaya starina (Kuznetsk Antiquity)*. Vol. 6. Novokuznetsk: “Kuznetskaya krepost” Publ., 59-73 (in Russian).
- 5 Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekah (Turkic antiquities of Sayan-Altay in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Ural State University Publ. (in Russian).
- 6 Sadykov, T. R. 2017. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)*, 2, 47-59 (in Russian).
7. Samashev, Z., Bazylhan, N., Samashev, S. 2010. *Drevnetyurkskie tamgi (Ancient turkic tamga-signs)*. Almaty: Abdi company (in Russian, in Kazakh, in English).
- 8 Samashev, Z., Zhuniskhanov, A. 2021. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3, 146–153. DOI: 10.52967/akz2021.3.13.146.153 (in Kazakh).
- 9 Samashev, Z., Kariev E., Aleksandrov, S., Ahmadiev, Zh., Kiyasbek, G., Tolegenov, E., Samashev, S., Erbolatov, S. 2018. In: Akmetov, D. (ed.). *Altay – tyrki aleminin altyn besigi (Altai is the “cradle” of the Turkic world)*. Oskemen: “Shygys akparat” Publ., 15-20 (in Russian).
10. Samashev Z., Kariev E.M., Zhirindinova K.R., Tolegenov E.T. et al. 2018. In: Archive of the Kazakh research institute of culture (in Russian).
11. Samashev, Z., Kariev, E.M., Erbolatov, S.E. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). Margulan reading–2019. Nur-Sultan: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 385-393 (in Russian).
12. Fedorov, V.K. 2013. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 44-61 (in Russian).
13. Cassen, S., Grimaud, V., Lescop, L., Morel, D., Querré, G. 2014. In: *Archeologia e Calcolatori Supplemento 5*, 47-59 (In French).
14. Ishjamts, N. 1994. In: Harmatta, J., Puri, B. N., Etemadi, G. F. (eds.). *History of Civilizations of Central Asia*. Paris: UNESCO Publ., 151-169 (In English).
15. Liu Mau-Tsai. 1958. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz (In Deutsch).
16. Plisson, H. 2015. In: Lozovskaya, O. V., Lozovski, V. M., Giryа, E. Yu. (eds.). *Traces in the history*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the RAS, 218-233 (In English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2022.

«Солнечные» курганы Ашутасты: историческая память в Степи (по результатам радиоуглеродного анализа)

© 2022 г. Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.

Keywords: archaeology, Western Saryarka, Ashutasty, «solar» mounds, Steppe, chronology, stone ridges

Түйін сөздер: археология, Батыс Сарыарқа, Ашутасты, «күн сәулелі» обалар, Дала, хронология, тас тізбектер

Ключевые слова: археология, Западная Сарыарка, Ашутасты, «солнечные» курганы, Степь, хронология, каменные гряды

Gulnara Jumabekova¹, Galiya Bazarbayeva^{1*}

¹Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.
Email: gdzhuma@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. Email: galiya2002@gmail.com

“Solar” mounds of Ashutasty: historical memory in the Steppe (based on the results of radiocarbon analysis)

Abstract. The article publishes for the first time three dates obtained from the mound with «moustaches» complex in Western Saryarka, representing a wide range of time before the Kazakh period. Individual elements of the complex show the different timing of their construction or use in the process of ritual practice. In this regard, the question of the chronology of this type of archaeological monuments and the significance in the spiritual culture of the Steppe population is raised. Traditionally, the dominant mound dates back to the time of the Tasmola culture, satellite mounds and ridges – from the Hunnic period to the ethnographic modernity. It is necessary to note the role of mounds with «moustaches» in the formation of the sacred landscape for thousands of years. The term “solar” mounds was first used by Alkey Margulan (1904–1985), who was at the origin of the creation of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan and brought up a series of outstanding personalities who continued to study the culture of the ancient population of the country. Among them: A. Orazbayev (1922–1997), M. Kadyrbayev (1932–1982), F. Arslanova (1934–1995), S. Akhinzhanov (1939–1991), each of whom contributed to the study of a unique archaeological monument – mounds with stone ridges. The main area of this type of objects coincides with the boundaries of the historical and cultural landscape – Saryarka.

Acknowledgements: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2022–2023, project IRN BR11765630. The authors thank A.Z. Beisenov, A.M. Manapova, B.A. Sirazheva, M.K. Suindikova, S.V. Svyatko for valuable advice and consultations.

For citation: Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2022. “Solar” mounds of Ashutasty: Historical memory in the Steppe (based on the results of radiocarbon analysis). *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 43-73 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.43.73](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.43.73)

**Гүлнар Сайынқызы Жұмабекова¹,
Ғалия Аппазқызы Базарбаева^{1*}**

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан.

^{1*}корреспондент-авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер,

**Гульнара Саиновна Джумабекова¹,
Галия Аппазовна Базарбаева^{1*}**

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан.

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан.

**Ашутасты «күн сәулелі» обалар:
Даладағы тарихи жады
(радиокарбон талдау нәтижесі бойынша)**

Аннотация. Мақалада Батыс Сарыарқадағы «мұртты обалар» кешенінен алынған, кейінгі ортағасырға дейінгі кең уақыт диапазонын көрсететін үш мерзім алғаш рет жариялануда. Кешеннің желеген элементтері оның құрылысының әр түрлі уақытқа тиісті екенін немесе ғұрыптық тәжірибе үрдісінде қолданылғанын көрсетеді. Осыған байланысты археологиялық ескерткіштердің осы түрінің хронологиясы және Дала тұрғындарының рухани мәдениетіндегі маңызы мәселесі көтеріледі. Дәстүрлі оба-доминант тасмола мәдениеті уақытымен, оба-спутниктер мен тізбегі – ғұн кезеңінен этнографиялық қазіргі уақытқа дейін деп мерзімделеді. «Мұртты» обалардың мыңдаған жылдар бойы киелі ландшафтың қалыптасуындағы рөлін атап өту қажет. Қазақстан Ғылым академиясының Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының құрылуының бастауында тұрған және еліміздің ежелгі тұрғындарының мәдениетін зерттеуді жалғастырушы, атақты жеке ғалымдар плеядасын тәрбиелеген Әлкей Марғұлан (1904–1985) «күн сәулелі» обалары терминін алғаш қолданды. Олардың әрқайсысы Ә. Оразбаев (1922–1997), М. Қадырбаев (1932–1982), Ф. Арсланова (1934–1995), С. Ақынжанов (1939–1991) ерекше археологиялық ескерткіш – тас тізбектерімен обаларды зерттеуде өз үлестерін қосты. Аталған нысандар түрінің негізгі ареалы Сарыарқаның тарихи-мәдени ландшафты шекарасымен сәйкес келеді.

Алғыс: Мақала ҚР БҒМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде даярланды. ЖТН № BR11765630. Авторлар бағалы кеңестері мен консультациялары үшін А.З. Бейсенов, Ә.М. Манапова, Б.А. Сиражева, М.К. Сүйіндікова, С.В. Святкоға алғыс білдіреді.

Сілтеме жасау үшін: Жұмабекова Г.С., Базарбаева Ф.А. Ашутасты «күн сәулелі» обалар: Даладағы тарихи жады (радиокарбон талдау нәтижесі бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 43–73-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.43.73](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.43.73)

Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан.

**«Солнечные» курганы Ашутасты:
историческая память в Степи
(по результатам радиокарбонного анализа)**

Аннотация. В статье впервые публикуются три даты, полученные из комплекса «курган с усамы» в Западной Сарыарке, представляющие широкий диапазон времени до казахского периода. Отдельные элементы комплекса показывают одновременность их сооружения либо использование в процессе ритуальной практики. В связи с этим поднимается вопрос о хронологии этого вида археологических памятников и значении в духовной культуре населения Степи. Традиционно курган-доминант датируется временем тасмолинской культуры, курганы-спутники и гряды – от гуннского периода до этнографической современности. Необходимо отметить роль курганов с «усами» в формировании сакрального ландшафта на протяжении тысячелетий. Термин «солнечные» курганы был впервые применен Алькеем Марғұланом (1904–1985), стоявшим у истоков создания Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана и воспитавшего плеяду выдающихся личностей, продолживших изучение культуры древнего населения страны. Среди них: А. Оразбаев (1922–1997), М. Кадырбаев (1932–1982), Ф. Арсланова (1934–1995), С. Ахинжанов (1939–1991), каждый из которых внес вклад в изучение уникального археологического памятника – курганов с каменными грядами. Основной ареал данного типа объектов совпадает с границами историко-культурного ландшафта – Сарыарки.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630. Авторы благодарят А.З. Бейсенова, А.М. Манапову, Б.А. Сиражеву, М.К. Суиндикову, С.В. Святко за ценные советы и консультации.

Для цитирования: Джумабекова Г.С., Базарбаева Ф.А. «Солнечные» курганы Ашутасты: историческая память в Степи (по результатам радиокарбонного анализа). *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 43–73. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.43.73](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.43.73)

1 Введение (Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.)

В статье в научный оборот вводятся результаты радиоуглеродного анализа материалов, полученных при изучении кургана с каменными грядами на могильнике Ашутасты-2 (г. Аркалык¹, Костанайская обл.). Впервые относительно такого вида памятников термин «солнечные курганы»

¹ Под обозначением «г. Аркалык» подразумевается территория Аркалыкского городского маслихата.

применил А.Х. Маргулан² [Маргулан 1948; 1949]. Отметим, что именно ориентированные на восток каменные гряды маркируют «связь с солнцем». Стационарно памятник исследовался экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана на протяжении двух полевых сезонов в 2016–2017 гг. [Базарбаева и др. 2017].

Целенаправленные исследования «солнечных» курганов были начаты во 2-й пол. XX в. – с момента создания первой археологической экспедиции Академии наук КазССР – Центрально-Казахстанской (подробнее см.: [Бейсенов и др. 2017а]). Подробный историографический анализ по истории изучения курганов с каменными грядами имеется в ряде работ, опубликованных сравнительно недавно (см. напр.: [Бейсенов 2017; Самашев 2021; Грудочко 2020]).

В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о назначении комплекса «курган с каменными грядами» – «усами» и их датировке. Исследования в Костанайской области Казахстана, входящей в пределы Сарыарки (рис. 1А), вносят свою лепту в решение этой проблемы. Некоторые результаты раскопок кургана № 3 мог. Ашутасты-2 опубликованы ранее [Базарбаева, Джумабекова 2017; Джумабекова, Базарбаева 2017]. В соответствующем разделе статьи кратко напомним основные моменты.

Рис. 1А. Ашутасты-2 на карте Казахстана. Карту подготовил М.А. Антонов
1А-сур. Ашутасты-2 Қазақстан картасында орналасуы. Құрастырған: М.А. Антонов
Fig. 1A. Location of Ashutasty-2 on the map of Kazakhstan. Compiled by: M. Antonov

² Подробнее см. репортаж с места раскопок: [Солнечные курганы Ашутасты]. О личности А.Х. Маргулана см.: [Маргулан 2018; Манапова 2018].

2 Материалы и методы

2.1 Методы исследования (Базарбаева Г.А.)

Для изучения материалов применялись традиционные в археологической науке методы – полевые и лабораторно-аналитические исследования. Экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана в 2015 г. памятник обследовался в ходе разведочных работ. В полевых сезонах 2016–2017 гг. раскопками было изучено начало и окончание южной гряды, представленных каменными выкладками, а также курган-спутник, получивший обозначение 3А.

Каждый этап работы фиксировался при помощи составления подробного описания, выполнения фото- и графической документации* (*Ведение полевой документации выполнено Г.С. Джумабековой, Г.А. Базарбаевой; оцифровка чертежей – М.Г. Калыковым, допечатная обработка иллюстративного материала – О.В. Кузнецовой). Производился отбор проб. Новизной данной статьи является публикация результатов радиоуглеродного анализа.

При подготовке материалов к публикации успешно применен метод систематизации имеющихся данных. С этой целью сделано несколько выборок, отдельно по известным датам, полученным при раскопках курганов с «усами», также проанализирована частота встречаемости каменных изваяний, контекст которых связан с подобными комплексами.

Для анализа конструктивных особенностей сооружения применялась классификация, разработанная отечественным археологом А.З. Бейсеновым, чей опыт в области специального изучения «солнечных» курганов насчитывает порядка 30 лет.

2.2 Характеристика материала (Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.)

Памятник представляет собой могильник из четырех курганов, вытянутых цепочкой по линии С–Ю. Курган № 3 – с каменными грядами. Диаметр 26 м, высота 1,20 м. С восточной стороны к основному кургану примыкает курган-спутник, от которого в восточном направлении тянутся две гряды – «уса». По типологии, разработанной А.З. Бейсеновым, относится к типу 2а [Бейсенов 2017: 32]. Курган-спутник (ритуальная насыпь) диаметром 11 (С–Ю)×10 (З–В) м, высота 20-30 см - уплощенный, задернованный, на поверхности фиксируется обилие мелких камней. Полы кургана-спутника «наползают» на восточную полу основного кургана не менее чем на 3 м (рис. 1В).

Верхний слой кургана-спутника – это мелкие колотые камни. В основе его находится крепида по полам кургана, сооруженная из более крупных камней. Среди них находились уложенные горизонтально и поставленные на ребро камни. Зазор между крупными камнями заполнен мелкими. Ширина крепиды на разных участках составила 1,0-2,0 м. Под насыпью кургана-спутника в восточном секторе на глубине -0,31 м зафиксирован вкопанный сосуд из очень рыхлой, плохого обжига глины. На глубине -0,49 м в южной части кургана у внутреннего края кольца зафиксировано золистое пятно размерами 46×80 см.

С северной, северо-восточной, юго-восточной сторон к кургану-спутнику примыкают ритуальные (?) оградки. Внутри северо-восточной оградки (диаметр 1,3 м), в центре ее, зафиксирован камень, вероятно, стела. Оградка, расположенная в юго-восточном поле кургана, имеет подпрямоугольную в плане форму, ориентированную углами по сторонам света (рис. 2; 9). Размеры ограды составили 2,10 (З–В)×3,60 (С–Ю) м. Она углублена по отношению к уровню погребенной поверхности на 0,30 м. С восточной стороны, внутри конструкции, находилась упавшая стела, обращенная вершиной внутрь оградки, на запад. Первоначально, вероятно, лицевой частью была обращена на восток. Высота стелы 78 см. Под ней выявлены три слоя камней, она опиралась на плиту, располо-

Рис. 1В. Ашутасты-2, кург. 3А. Выявленные при исследовании конструкции 1В-сур. Ашутасты – 2, 3А-оба. Құрылымды зерттеу кезінде табылғандар
Fig. 1В. Ashutasty-2, 3A-mound. The structures identified during the study

женную на «дне» конструкции. В южной оконечности кургана, снаружи западной торцевой двойной стенки этой ограды, на глубине -20 см, найдена небольшая кость в рыхлом состоянии.

Расстояние между началом северного и южного «усов» – 24,6 м; расстояние между окончаниями гряд – 110 м. Южный «ус», длиной 111 м, шириной 1,60–3,70 м, находится на расстоянии 11 м от кургана-спутника. Начало гряды фиксировалось на поверхности как уплощенный курган диаметром 2,50 м, с упавшим изваянием, высота которого 84 см. Изваяние отличается схематичностью. В результате исследования начала южной гряды выяснилось, что оно представляет собой конструкцию, образованную из крупных камней, установленных в два ряда. Это подквадратная в плане ограда, ориентированная углами по сторонам света. Углы ограды усилены. Зазоры между крупными камнями заполнены более мелкими. Внутренний ряд камней конструкции – средние и небольшие плиты, установленные на ребре – ограничивают и удерживают ограду (рис. 3; 5).

В целом, камни установлены и уложены таким образом, что соединение горизонтально и вертикально установленных камней образует замок: они запирают друг друга (рис. 10–12). Заполнение конструкции выглядит как многослойное перекрытие, выполненное из горизонтально уложенных камней, которые как бы «цепляются» друг за друга. У основания изваяния выявлена горизонтально лежащая плита, возможно, маркирующая место установки изваяния в западной части ограды.

Рис. 2. Ашутасты-2, кург. 3А. Юго-восточная околокурганная конструкция со стелой
2-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Стеласы бар оңтүстік-шығыс оба маңы құрылымы
Fig. 2. Ashutasty-2, 3A-mound. South-eastern near-mound structure with a stela

С южной стороны находился крупный блок внешней стенки ограды, по бокам - крупные камни, которые фиксировали изваяние. Изваяние обнаружено лежащим головой на СВ, поперек гряды, лицевой частью вверх. Возможно, изначально оно стояло у ЮЗ угла оградки, в южной ее половине, лицом на ЮЗ (?). В предполагаемом месте установки изваяния обнаружена кость животного на глубине -12 см (рис. 4). Внутреннее пространство ограды углублено на 0,30 м относительно погребенной поверхности. Размеры ее после расчистки завала составили: 2,50×2,60 м.

Окончание южной гряды оформлено в виде кургана диаметром 3,30 м, высотой 0,15 м (рис. 6). В основе ее - подпрямоугольная в плане конструкция (3,30×3,50 м), ориентированная сторонами по странам света, сложенная из камней в три слоя. В заполнении конструкции положение камней хаотичное. Целостность ее нарушена пахотой. В восточной половине кургана в средней части под камнями наброски выявлена ямка. В ней – кости МРС на глубине -0,13 м, -0,22 м и -0,30 м. На дне углубления находилась конструкция из пяти камней, компактно расположенных, среди них - брусковидный, который стоял наклонно на торце, плиты – на узкой грани (0,35×0,90 м) (рис. 7; 13).

Длина северной гряды составляет 167,5 м. Начало северного «уса» диаметром 2,6 м отстоит от кургана-спутника на 6,6 м. Северный «ус» оканчивается хорошо задернованным курганом диаметром 9×7,4 м (С–Ю), высотой 0,2-0,4 м, сложенным из камней крупных и средних разме-

Рис. 3. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды
3-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы
Fig. 3. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge

ров. Ширина гряды – 2,40-3,30 м. Северная гряда, высотой около 0,10 м, фиксируется в виде сильно задернованной каменной дуги с отдельными выступающими камнями. Местами фиксируются участки большей высоты, состоящие из задернованных мелких камней, по краям которых отмечены крупные камни-ограничители; компактные выкладки из камней крупного и среднего размеров, в т. ч. в виде плотно уложенных средних по размеру камней в форме квадрата с заполнением из более мелких камней размерами 2,50×2,30 м. Восточное окончание северного «уса» распаханно.

На расстоянии 90 м от начала северной гряды среди камней была выявлена антропоморфная стела. Она лежала предполагаемой «головой» на СЗ. Вероятно, используя форму камня – естественный выступ, мастер схематично обозначил голову, лицо – углы бруска скруглены, шея выделена сбитыми и заглаженными выемками на гранях-углах, основание оформлено в виде остроугольного выступа. Высота стелы - 95 см. Ширина «уса» на этом участке составляла 1,90 м. Камни – колотые плиты – были довольно плотно уложены в два слоя. В процессе исследования среди камней, у восточного края гряды, на уровне материка, было выявлено свободное от камней пространство глубиной 0,34 м, по форме соответствующее основанию стелы. Вероятнее всего, антропоморфная стела устанавливалась лицевой частью, обращенной на север или юг. Предположительно определено первоначальное место установки стелы, обнаруженной в упавшем положении за пределами

Рис. 4. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Стрелкой указано предполагаемое место установки изваяния 4-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Көрсеткішпен тас мүсіннің қойылуы мүмкін жер көрсетілген
Fig. 4. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge. The arrow indicates the intended location of the statue

гряды. Вероятно, стела была установлена приостренным концом вниз у восточного края гряды, на уровне материка, зажатая камнями: свободное от камней пространство, точно совпадающее по размерам с основанием стелы, позволило определить эту точку (рис. 8; 14).

Кости, выявленные в кургане-спутнике и южной гряде, принадлежат МРС, из южной гряды - возрастом от года до полутора лет, без искусственных следов повреждения костей или обжига, в основном – фрагменты конечностей. Сделано предположение, что животное было использовано в сакральных целях [Гимранов 2017]. Именно эти фрагменты костей были отобраны для определения возраста сооружения.

3 Результаты (Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.)

Анализ проводился в ХРОНОЦентре Королевского Университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания. Оператор – С.В. Святко (табл. 1). Образцы представляют собой фрагменты костей, извлеченные из следующих пунктов: 1) в выкладке, маркирующей начало южного «уса»; 2) в выкладке, маркирующей окончание южного «уса»; 3) у основания конструкции (ограда с юго-

Рис. 5. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Фрагмент конструкции 5-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Құрылымның фрагменті
Fig. 5. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge. Construction fragment

Рис. 6. Ашутасты-2, кург. 3А. Окончание южной гряды 6-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің соңы
Fig. 6. Ashutasty-2, 3A-mound. The end of the southern ridge

Рис. 7. Ашутасты-2, кург. 3А. Окончание южной гряды.
Камни, среди которых были выявлены кости животных
7-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің соңы.
Арасынан жануар сүйектері табылған тастар
Fig. 7. Ashutasty-2, 3A-mound. The end of the southern ridge.
Stones, among which animal bones were found

восточной части кургана-спутника). Полученные даты находятся в диапазоне от позднегуннского-раннетюркского периода до времени казахской культуры: 1-я пол. V – начало VII в. н.э.; конец VIII – конец X в. н.э.; конец XV – 1-я пол. XVII в. (Казахское ханство).

Таблица 1 – Калиброванные даты по кургану 3а могильника Ашутасты-2
1-кесте – Ашутасты-2 қорымының 3А обасы бойынша калибрленген мерзімдер
Table 1 – Calibrated dates for the kurgan 3a of Ashutasty-2 burial ground

Лабораторный шифр	Место сбора образца	Материал	14С ВР	Калиброванная дата (1σ, 68,2%)	Калиброванная дата (2σ, 94,5%)
UBA-39753	начало южной гряды	кость	1515±25	Cal AD 538–595	Cal AD 430–611
UBA-39754	окончание южной гряды	кость	345±25	Cal AD 1488–1631	Cal AD 1467–1636
UBA-39755	конструкция, исследованная на кург. 3а	кость	1139±37	Cal AD 780–974	Cal AD 776–983

Рис. 8. Ашутасты-2, кург. 3А. Фрагмент северной гряды со стелой
8-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Стеласы бар солтүстік тізбектің фрагменті
Fig. 8. Ashutasty-2, 3A-mound. Fragment of the northern ridge with a stela

Таким образом, из кургана № 3 мог. Ашутасты-2 происходит одно изваяние из начала южной гряды, одна антропоморфная стела из северной гряды и еще две небольшие стелы, выявленные с внешних сторон кургана-спутника лежащими. Изваяние в начале южной гряды находилось у юго-западного угла оградки, в южной половине конструкции, вероятно, лицом изначально было обращено на ЮЗ. Под ним находились фрагменты костей, взятые для определения даты.

В сооружении – окончании южной гряды - кости выявлены в восточной половине кургана в средней части, в ямке. В северной гряде стела находилась изначально, вероятно, у восточного края гряды, возможно, лицевой частью обращенная на север или юг. Кость, выявленная снаружи у оградки, расположенной в юго-восточной поле кургана-спутника, за крепидой, – зафиксирована у западной стенки оградки. Стела стояла, очевидно, изначально с восточной стороны внутри конструкции была обращена на восток.

В двух случаях в комплексе Ашутасты-2 стела стояла у восточной границы конструкции, изваяние – в юго-западной части, кости выявлены в восточной, юго-западной и западной частях. В целом, нельзя быть уверенным в том, что кость, выявленная у юго-восточной части оградки кургана-спутника, оставлена во время сооружения этого объекта, т. е. синхронна ему. Также кость, обнаруженная под изваянием в начале южной гряды, видимо, была оставлена специально в период более поздний, чем Тасмола; изваяние было переиспользовано или установлено повторно и не вполне ясно, являются ли в таком случае начало южной гряды и изваяние синхронными.

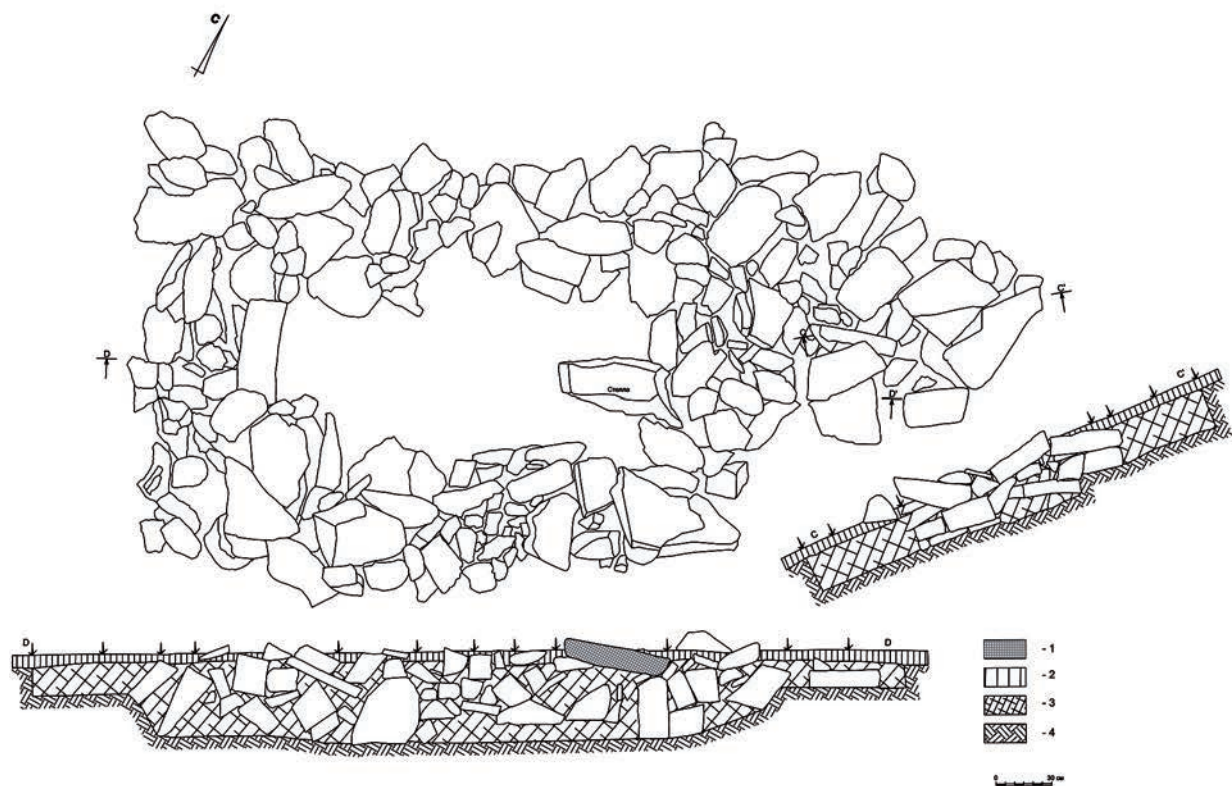

Рис. 9. Ашутасты-2, кург. 3А. Околокурганые конструкции в юго-восточной части кургана. План и разрез.
Условные обозначения: 1 – стела; 2 – дерн; 3 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 4 – материк
9-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Обаның оңтүстік-шығыс бөлігіндегі оба маңындағы құрылым. Жоспар және қима.
Шартты белгілер: 1 – стела; 2 – шым; 3 – қара-қоңыр түстегі тығыз топырақ; 4 – материк
Fig. 9. Ashutasty-2, 3A-mound. Near-mound structures in the southeastern part of the mound. Plan and section.
Symbols: 1 – stela; 2 – turf; 3 – dense dark brown soil; 4 – mainland

Более-менее уверенно можно говорить об одновременности сооружения и костных останков в окончании южной гряды, но также подзахоронить их могли в ходе какого-то ритуала уже позже возведения конструкции.

4 Обсуждение (Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.)

Курганы с каменными грядами Сарыарки

На территории Центрального Казахстана известны случаи нахождения каменных изваяний в комплексах кургана с «усами»: Косагалы, Атасу, Жиланды/Жыланды. Изваяния зафиксированы в различном положении – лежащим возле выкладки с каменной грядой; рядом с курганом с «усами»; на насыпи большого кургана комплекса с «усами». Исследователями допускается, что нахождение таких изваяний возле курганов с каменными грядами – «усами» может быть свидетельством их синхронности [Ермоленко и др. 2015]. Всего в регионе известно не менее девяти случаев нахождения изваяний в комплексе курганов с каменными грядами.

По памятникам тасмолинской культуры (VIII–V вв. до н.э.) А.З. Бейсенов называет число – 27 каменных изваяний и стел [Бейсенов 2021б: 36]. Например, изваяние с правого берега р. Темир;

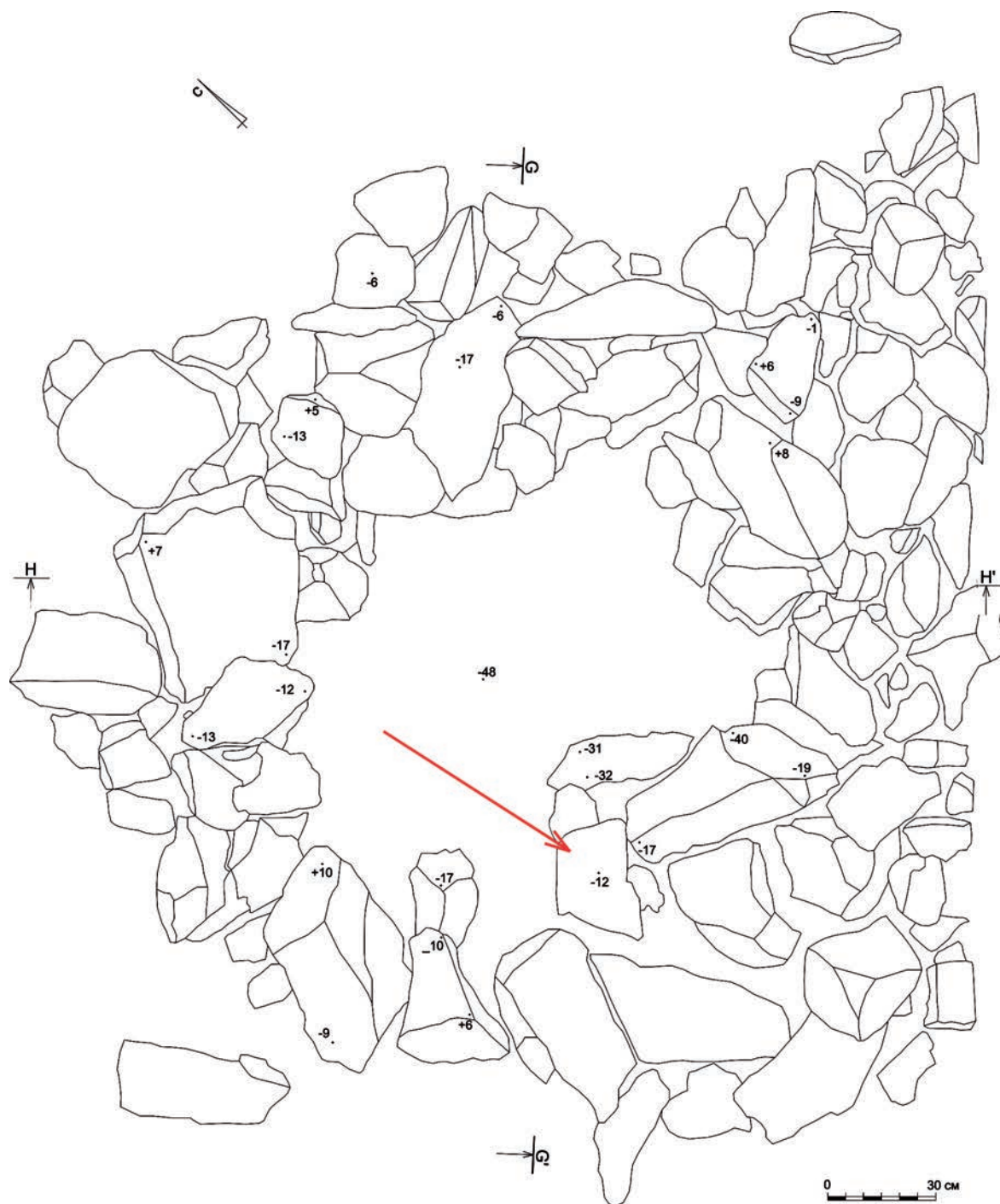

Рис. 10. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Конструкция с изваянием.

План 2. Стрелкой указано предполагаемое место установки изваяния

10-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Тас мүсіні бар құрылым. Жоспар 2. Көрсеткішпен тас мүсіннің қойылуы мүмкін жер көрсетілген

Fig. 10. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge.

Construction with a statue. Plan 2. The arrow indicates the intended location of the sculpture

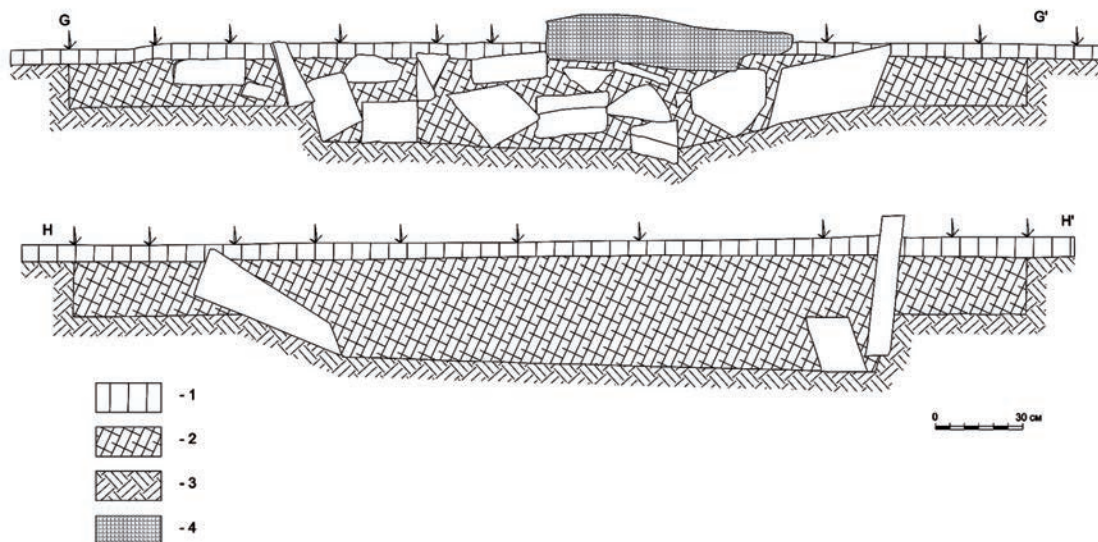

Рис. 11. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Конструкция с изваянием. Разрезы. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк; 4 – стела

11-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Тас мүсіні бар құрылым. Қималар. Шартты белгілер: 1 – шым; 2 – қара-қоңыр түстегі тығыз топырақ; 3 – материк; 4 – стела

Fig. 11. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge. Construction with a statue. Sections. Symbols: 1 – turf; 2 – dense dark brown soil; 3 – mainland; 4 – stela

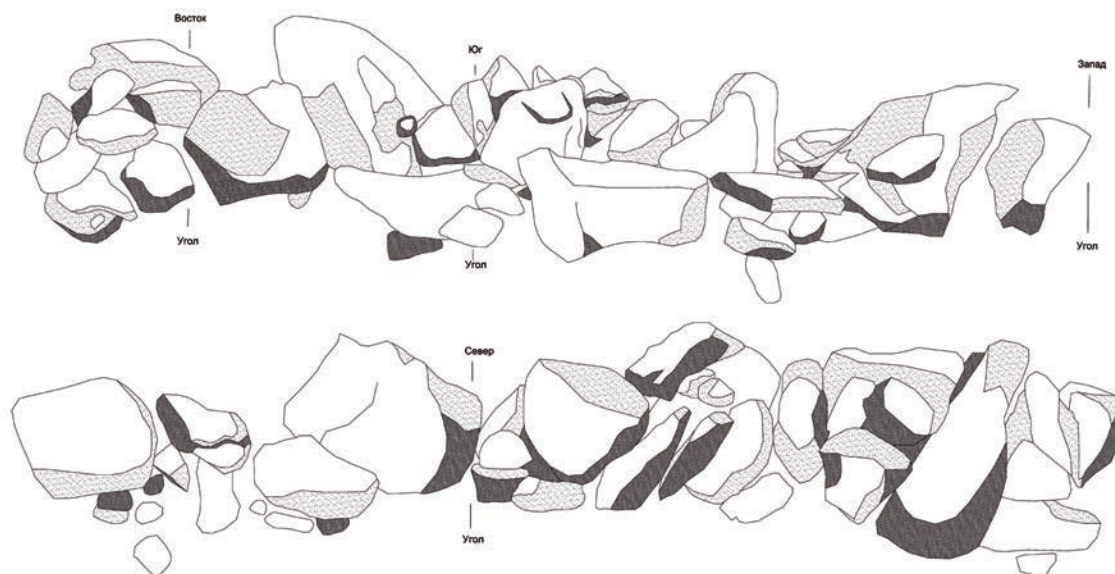

Рис. 12. Ашутасты-2, кург. 3А. Начало южной гряды. Фасады стенок конструкции 12-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің басы. Құрылым қабырғасының қасбеті

Fig. 12. Ashutasty-2, 3A-mound. The beginning of the southern ridge. Facades of the walls of the structure

из с. Каракенгир, антропоморфная стела из урочища Жанатурмыс; из мог. Байдалы (лежащее возле кургана); кург. 7 мог. Талды-2; кург. 2 мог. Бегазы; кург. 2 мог. Кособа; в местности Косагалы обломок верхней части изваяния найден лежащим возле выкладки, от которой отходит одна из гряд кургана с «усами»; изваяние с р. Атасу найдено возле кургана с «усами» № 2 (тип 1 – здесь и далее типология дана по: [Бейсенов 2017]) в северо-западной части могильника Атасу. Стела из мог. Каратобе, компл. № 6 (находилась в концевом сооружении южной гряды (тип 2а) [Айткали и др. 2019]. Специалисты отмечают, что условия нахождения изваяний и стел различны. В тех случаях, когда они зафиксированы при сооружениях, точно неизвестно – первична или вторична эта установка. Так, относительно стелы из Жанатурмыса, найденной недалеко от кургана раннего железного века, высказано предположение, что она была переустановлена на поздней казахской могиле [Ермоленко и др. 2015: 31]. Изваяние из кургана Жиланды (тип 1) найдено на насыпи кургана с «усами», лежало лицевой частью вверх в 7 м к юго-востоку от центра кургана [Бейсенов, Ермоленко 2014: 34, 39; Бейсенов и др. 2018]. Для памятника Атасу-2 – комплекс датируется в рамках сер. – 2-й пол. V в., в то время как каменное изваяние – сакским периодом.

К случаю нахождения на территории курганов с «усами» каменных изваяний относится комплекс Аксу. Могильник Аумаган (Карагандинская обл.) включает курган с «усами», тип 2, на котором было устроено казахское кладбище. Изваяние обнаружено на краю кладбища, у мазара, по иконографическим признакам датируется VII–V вв. до н.э. Очевидно, было перенесено туда [Бейсенов 2017: 36; Бейсенов 2021б: 35, 37].

Комплекс из трех «культурных камней» Аксай-1 (Карагандинская обл.) включает антропоморфное изваяние, оленный камень общевразийского типа и монолит, на поверхности которого изображений не выявлено. При его анализе выдвинуто предположение о случайном характере их совместной установки. Это изваяние сопоставляется с антропоморфным изваянием из мог. Аксай в комплексе сооружений кургана с «усами» (возле южной гряды раскопанного кургана с «усами»). Для нас важно предположение о том, что антропоморфное изваяние и оленный камень из группы стел Аксай-1 изначально могли быть не связаны общим культурным контекстом, но предполагается принадлежность к одной изобразительной традиции [Ермоленко и др. 2021: 14–15, 17].

Очень интересный случай одновременного использования статуарных памятников при проведении поминальных (?) ритуалов, а, возможно, и иных, помимо установки стел, действий – сооружения или достраивания комплексов с каменными грядами – зафиксирован на памятнике Унирек II (тип 1) в Карагандинской области [Курманкулов и др. 2018]. В средней части южной гряды кургана с «усами» зафиксирован оленный камень, к северо-востоку и юго-западу от него лежали каменные стелы. Еще одна стела выявлена в восточной поле под камнями кургана. В северо-восточном секторе кургана под камнями обнаружены железные котел (разрушенный еще в древности), наконечники стрел, поясная пряжка и колчаный крюк. В этом же секторе на уровне материкового грунта находилась донная часть лепного керамического сосуда. Металлические изделия датируются авторами публикации I–III вв. н.э.

Также нужно упомянуть комплекс Карагайлы 2-3: курган с «усами» на территории Государственного национального природного парка «Буйратау» (Центральный Казахстан). На восточных окончаниях комплекса (тип 1) обнаружены антропоморфные стелы, еще одна – «ранее была установлена в нескольких метрах к востоку от кургана и занимала центральное положение по отношению ко всей конструкции» [Досымбаева 2014: 28; рис. 4]. При раскопках кургана № 1 могильника Кызылжаргас (Карагандинская обл.) выявлено три каменных изваяния под земляной насыпью кургана и одно – в дромосе (VII–V вв. до н.э.) [Бейсенов 2021].

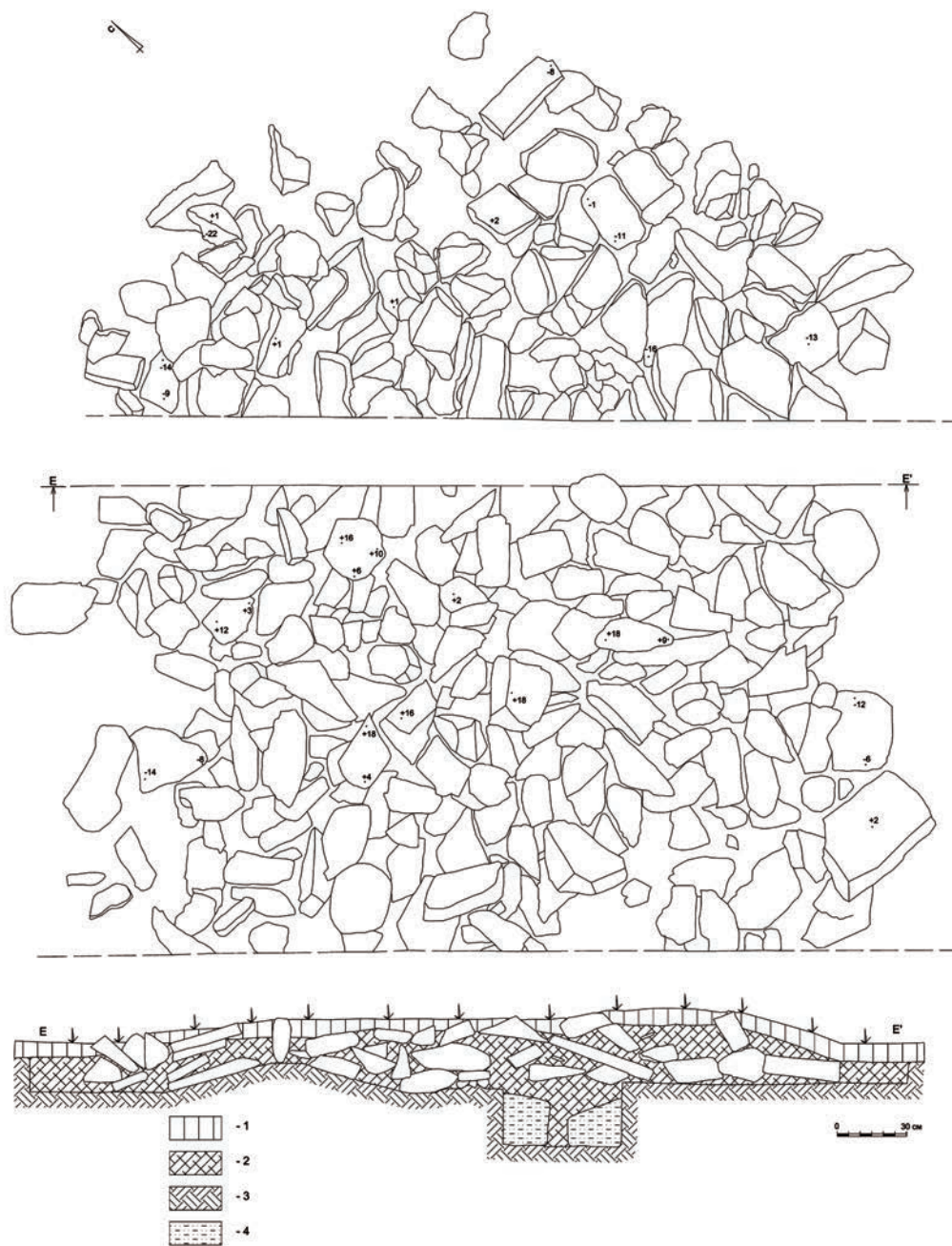

Рис. 13. Ашутасты-2, кург. 3А. Окончание южной гряды. Конструкция. План и разрез.
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк;
4 – плиты, выявленные на завершающем этапе изучения конструкции

13-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Оңтүстік тізбектің соңы. Құрылым. Жоспар және қима.
Шартты белгілер: 1 – шым; 2 – қара-қоңыр түстегі тығыз топырақ; 3 – материк;
4 – құрылымды зерттеудің соңғы кезеңінде табылған плиталар

Fig. 13. Ashutasty-2, 3A-mound. The end of the southern ridge. Construction. Plan and section. Symbols: 1 – turf;
2 – dense dark brown soil; 3 – mainland; 4 – plates identified at the final stage of the study of the structure

Есть ли закономерность в установке стел и изваяний у курганов тасмолинской культуры? Пока можно сказать, что на таких памятниках, как Косагалы, Аксай, Койшоқы-5 (к. 1), Карагайлы 2–3, Ашутасты-2, Унирек II, мог. Каратобе, компл. № 6 – изваяния связаны с грядами; Атасу, Жиланды – с ритуальной насыпью (тип 1). Известны случаи, когда стела была переустановлена на поздней казахской могиле (Жанатурмыс), изваяние из мог. Аумаган обнаружено на краю кладбища, у мазара. В таких объектах, как Темир (обращено лицевой стороной на ЮЮВ), кург. № 1 мог. Кызылжартас, Кособа, Талды-2 (лицевой частью обращено на ЮВ), Койшоқы-5 (обращен на восток), Жиланды,

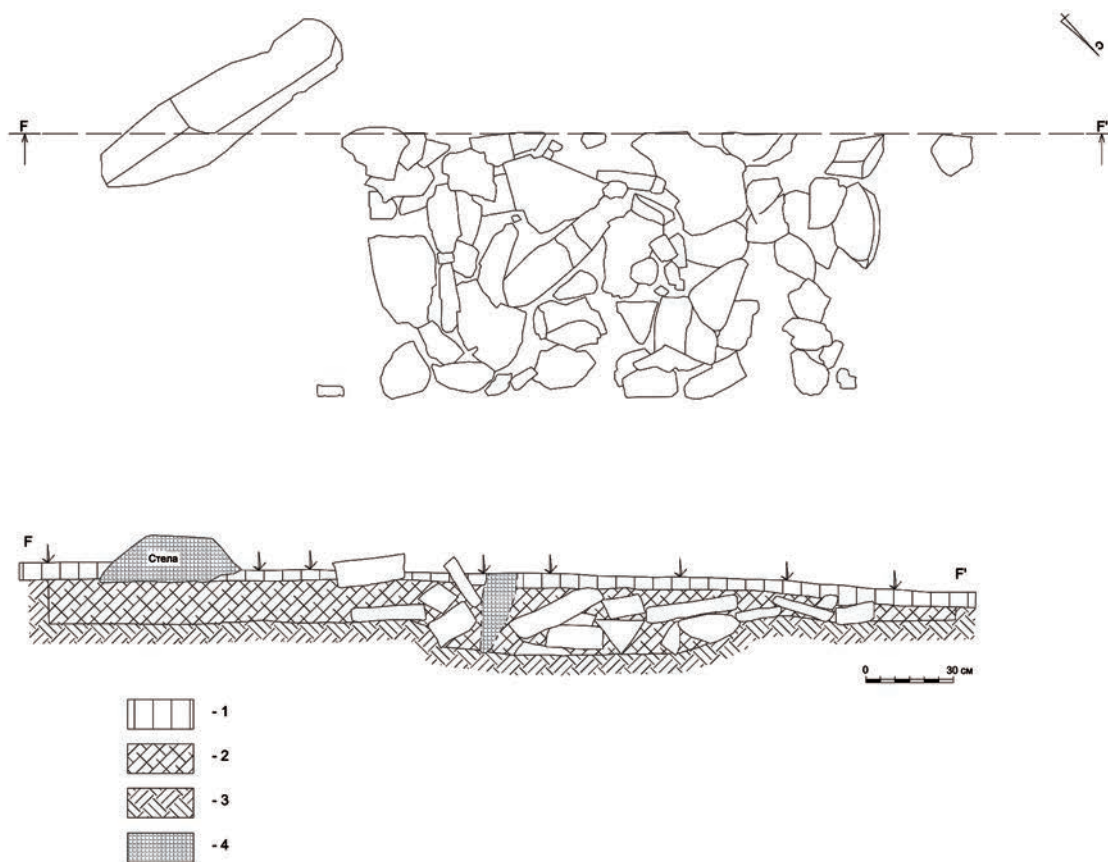

Рис. 14. Ашутасты-2, кург. 3А. Фрагмент северной гряды со стелой. План и разрез.
Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – плотный грунт темно-коричневого цвета; 3 – материк; 4 – стела
14-сур. Ашутасты-2, 3А-оба. Стеласы бар солтүстік тізбектің фрагменті. Жоспар және қима.
Шартты белгілер: 1 – шым; 2 – қара-қоңыр түстегі тығыз топырақ; 3 – материк; 4 – стела
Fig. 14. Ashutasty-2, 3A-mound. Fragment of the northern ridge with stela. Plan and section.
Symbols: 1 – turf; 2 – dense dark brown soil; 3 – mainland; 4 – stela

Ашутасты-2, Унирек II (обращен на восток³) – связаны с ЮВ, В, СВ сектором (место нахождения статуарных памятников, стел, направление их лицевой стороны). Но уже тот факт, что в Койшоқы-5 (кург. 1) кости из ямы под стелой показали VIII–V вв. до н.э., а в Ашутасты-2 – V–VII вв. н.э. свидетельствует о том, что вопрос связи стел/изваяний и каменных гряд нельзя решить однозначно. Но можно отметить, что в описываемых памятниках отражено акцентирование направления восхода солнца разными способами.

Примеры переустановки изваяний в комплексах кургана с «усами» в Центральном Казахстане известны, например, кург. № 1 мог. Койшоқы-5 с оленным камнем у северной гряды (основной курган – 921–810 гг. до н.э.; из ямы для установки менгира в северной гряде – 772–431 гг. до н.э.; под камнями северной гряды – 1003–843 гг. до н.э. и 837–781 гг. до н.э.), в этом случае стела могла быть установлена позже, чем выложена гряда; антропоморфное изваяние и курган с «усами» в мог. Аксай; предполагается случайный характер совместной установки объектов комплекса Аксай-1 (антропоморфное изваяние, олений камень и монолит) [Бейсенов 2020: 126; Ермоленко и др. 2021: 18–19, 21].

Очевидно, что олений камень и железные предметы I–III вв. н.э. в Унирек II не могут быть изначально синхронны и статуарные памятники (как минимум, олений камень) были переустановлены. Остается неясным вопрос о дате сооружения как всего комплекса с каменными грядами, так и «ритуальной насыпи», не исключается проведение каких-то ритуальных действий в гуннский период на кургане тасмолинской культуры. К этому же выводу пришли и авторы публикации [Курманкулов и др. 2018].

Интересно, что один из аргументов переустановки изваяния в мог. Аксай – ориентация граней стоящего в вертикальном положении изваяния предполагается лицевой стороной на ЮЗ, тогда как гряды кургана направлены на восток; такая же ситуация реконструируется для Ашутасты-2. В дискуссию о времени сооружения курганов с «усами» и периоде функционирования комплексов добавляют сомнения такие факты, как результаты исследования и датирования памятника Кырыкунгир (тип 1): два костных образца, взятые в одном и том же месте, дали датировку тасмолинского и гуннского периодов [Бейсенов 2020: 139]. Это обстоятельство также позволяет предположить, что объект достраивали, проводили ритуалы в течение длительного времени, «использовали» насыпь повторно.

При исследовании каменных изваяний тасмолинской культуры, в т. ч. курганов с «усами», установлено, что для них характерен вид антропоморфных изваяний со специфическим атрибутом – полусферическим («шишкообразным») выступом на макушке [Бейсенов, Ермоленко 2014: 34]. Иконография показывает элементы их сходства со скифской скульптурой VII–VI и VI–V вв. до н.э. [Ермоленко и др. 2016: 132–133].

А.З. Бейсенов дает определение кургана с «усами»: «ритуальная насыпь» – небольшое сооружение без человеческого захоронения, на восток от которого направлены каменные гряды. Для типа 2, когда с запада от кургана находится тасмолинский курган, погребальное сооружение – «основной курган», с восточной стороны располагается «курган-спутник» с каменными грядами – «ритуальная насыпь» [Бейсенов 2020: 122]. А.З. Бейсенов также изложил историю изучения комплексов курганов с «усами» Центрального Казахстана, выполнил систематизацию и выделил варианты расположения костей животных под «ритуальной насыпью» [Бейсенов 2020: 125; 2017].

³ Выражаем благодарность авторам публикации за устное уточнение информации [Курманкулов и др. 2018].

Он предположил, что кости животных и глиняная посуда в комплексах свидетельствуют о проведении ритуала. Под «ритуальной насыпью» находится «сакральная» площадка. В комплексах типа 2 западные насыпи всегда являются погребальным сооружением. По современным сведениям, в регионе известно более 400 памятников этого типа. Основная часть курганов с каменными грядами находится на территории Сарыарки, более чем 250 – в Карагандинской области [Бейсенов 2015: 523–524].

Для кургана-спутника известны даты, относящиеся, в основном, к гуннскому времени; в случае 1-го типа – к гуннскому, а также к тасмолинской культуре и концу XVII – 1-й пол. XX в. Даты, полученные из материала каменных гряд, их окончаний или начала, находятся в диапазоне от гуннского периода до казахов (табл. 2). В ряде случаев кости животных, найденные под «ритуальными насыпями», датированы гуннским периодом с нижней датой в рамках 1-й трети II – 3-й трети III в. н.э., а верхняя дата – 1-я треть IV – 1-я треть VI в. н.э. [Бейсенов 2020: 131].

Так, по костным образцам из западного и восточного сооружений комплекса с «усами» Жамантас (тип 2) получены две радиоуглеродные даты: курган с человеческим погребением относится к тасмолинской культуре (VIII–V вв. до н.э.), кости под восточным сооружением – к гуннскому периоду, III – 1-я треть VI в. н.э. Аналогичную картину показал курган с «усами» № 2 могильника Тандайлы-2 (тип 2): тасмолинская дата для погребения человека в западном сооружении и гуннское время для «спутника», пристроенного с восточной стороны (II–IV вв. н.э.). Курган с «усами» Кырыкунгир (тип 1) дал радиоуглеродную дату тасмолинского времени, VIII–V вв. до н.э. [Бейсенов 2017: 33-35; Бейсенов и др. 2017б].

Кости из Кабакши, курган № 11 (тип 1) относятся к позднегуннскому периоду (под «ритуальной насыпью» – 429–610 гг.); курган № 12 (тип 2б) – к 344–535 гг. (под северным спутником) и 778–985 гг. (под концевым сооружением северного «уса») [Бейсенов 2020: 129]. Курганы с «усами» Койтас (тип 1) и Бесоба (тип 2) по костям из восточного сооружения показали 2-ю пол. III – 1-ю четв. V в. н.э.; «Курган 37 воинов», № 11 (тип 2) – VIII–V вв. до н.э. [Бейсенов 2017: 34].

Кызылшилик, курган № 2 (тип 2): образцы костей из основного кургана и возле крепицы западной насыпи на уровне материка показали даты в рамках тасмолинского времени; кости лошади под насыпью северного кургана-спутника № 2б показали дату в рамках казахского периода: конец XVII – начало XX в. Кызылшилик, курган № 6 (тип 1), образец из кости мелкого рогатого скота, из слоя насыпи – казахское время, конец XVII – 1-я пол. XX в.; образец, взятый из слоя концевого сооружения северной гряды, продатирован кыпчакским временем, сер. XI – начало XIII в.; кость, найденная под дерновым слоем у концевого сооружения южной гряды относится к тюркскому периоду (2-я пол. VII – 2-я пол. VIII в.). Курган с «усами» № 2 могильника Караоба (тип 2), кость под камнями концевого сооружения северного «уса» показал дату: 2-я пол. XVII – 1-я пол. XX в., наиболее вероятная – XVIII в. [Бейсенов 2020: 128–129].

Один из недавно изученных памятников - курган № 1, курганная группа 2 могильника Саба (г. Аркалык, Костанайская обл.), тип 3а. По образцу из северо-восточной гряды объект продатирован 250–410 гг. н.э. (центральная часть под каменной насыпью кургана-спутника 1б), погребальный обряд и инвентарь основного кургана показал дату VII–VI вв. до н.э. Предполагается, что курганы-спутники с каменными грядами могильника Саба и ритуальные комплексы Торгая сооружены одновременно (III–V вв. н.э.) и взаимосвязаны в функциональном плане - в пространстве между грядами могли совершать сезонные обряды, «связанные с культом Огня» [Онгарулы и др. 2020: 242–244]. Комплекс авторами определяется как тип 3а; по некоторым признакам сближается с типом 2б.

Таблица 2 – Датировка курганов с «усами» Сарыарки
2-кесте – Сарыарқаның «мұртты» обаларының мерзіделуі
Table 2 – Dating of mounds with «moustaches» of Saryarka

Название памятника	Тип (по Бейсенову А.З.)	Место отбора материала на С14	Датировка
Ашутасты-2, к. 3а	2а	Спутник («ритуальная насыпь»), кости МРС	Cal AD 776–983
Ашутасты-2, к. 3а	2а	Начало южной гряды, кости МРС	Cal AD 430–611
Ашутасты-2, к. 3а	2а	Окончание южной гряды, кости МРС	Cal AD 1467–1636
Кург. Агасу-2	1	Предметный комплекс из двух ям	середина – 2-я пол. V в. по: [Бейсенов и др. 2018]
Кург. Бесоба-3	2а	Спутник («ритуальная насыпь»), кости лошади на материке	Cal AD 261–279 (0.045) 326–425 (0.955); 2-я пол. III – 1-я четв. V в. н.э. по: [Бейсенов 2020; 2017]
Кург. Жамантас	2а	Основной курган, кости человека	Cal BC 768–475 (0,965) 464–452 (0,015) 445–431 (0,020); VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2017; Бейсенов и др. 2017б]
Кург. Жамантас	2а	Спутник («ритуальная насыпь»), кости животных (лошади?) в яме и зубы лошади на материке	Cal BC 263–276 (0,016) 329–431 (0,919) 491–530 (0,065); III – 1-я треть VI в. н.э. по: [Бейсенов 2017; 2020]
Койшоқы-5, кург. № 1	2а	Основной курган, кости человека	921–810 гг. до н.э. X–VIII вв. до н.э. по: [Бейсенов 2020]
Койшоқы-5, кург. № 1	2а	Яма под стелу, примыкающая к северной гряде, кости МРС	772–431 гг. до н.э. VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2020]
Койшоқы-5, кург. № 1	2а	Под камнями северной гряды, кости МРС	1003–843 гг. до н.э. по: [Бейсенов 2020]
Койшоқы-5, кург. № 1	2а	Под камнями северной гряды, кости МРС	837–781 гг. до н.э. по: [Бейсенов 2020]
Тандайлы 2, кург. № 2	2	Основной курган, кости человека	2468 ± 28 VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2017; 2020]
Тандайлы 2 кург. № 2	2а	Спутник («ритуальная насыпь»), кости животных на материковом уровне (зубы и фрагменты от челюсти лошади)	Cal AD 130–266 (0.747) 270–332 (0.253); II–IV вв. н.э. по: [Бейсенов 2017; 2020]

Продолжение таблицы 2
2-кестенің жалғасы
Continuation of table 2

Кург. Жанайдар	1	Зубы лошади, детали конской узды раннесакского времени под насыпью	Сакская эпоха по: [Бейсенов 2017]
Кург. Кырыкунгир	1	Курган («ритуальная насыпь»), кости лошади под насыпью на материковом уровне	VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2017; 2020]
Кург. Койтас	1	Спутник («ритуальная насыпь»), кость лошади на материке	Cal BC 259–281 (0.075) 324–420 (0.925) 2-я пол. III – 1-я четв. V в. н.э. по: [Бейсенов 2017]
Кызылшилик, кург. № 2	26	Основной курган, могильная яма, кости человека, образец 1	Cal BC 747–685 (0.161) 666–642 (0.047) 586–584 (0.001) 556–403 (0.791) по: [Бейсенов, Касеналин 2018]
Кызылшилик, кург. № 2	26	Основной курган, кости лошади возле крепиды на уровне материка, восточный сектор, образец 2	Cal BC 728–693 (0.058) 657–655 (0.003) 542–399 (0.939) по: [Бейсенов, Касеналин 2018]
Кызылшилик, кург. № 2	26	Северный курган-спутник, под насыпью, кости лошади, образец 3	Cal AD 1683–1734 (0.283) 1809–1929 (0.717) Конец XVII – начало XX в. по: [Бейсенов 2020; Бейсенов, Касеналин 2018]
Кызылшилик, кург. № 6	1	Курган («ритуальная насыпь»), верхний слой насыпи, кости МРС, образец 1	Cal AD 1670–1709 (0.167) 1717–1779 (0.282) 1799–1828 (0.124) 1831–1889 (0.255) 1910–1943 (0.172); конец XVII – 1-я пол. XX в. по: [Бейсенов 2020]
Кызылшилик, кург. № 6	1	Под камнями концевого сооружения северной гряды, образец 2	Cal AD 1043–1103 (0.364) 1118–1216 (0.636); середина XI – начало XIII в. по: [Бейсенов 2020]
Кызылшилик, кург. № 6	1	Под дерновым слоем в непосредственной близости от концевого сооружения южной гряды (у края концевого сооружения южного «уса»), кости МРС, образец 3	Cal AD 639–694 (0.962) 704–706 (0.001) 747–762 (0.037); 2-я пол. VII – 2-я пол. VIII в. по: [Бейсенов 2020]
Кабакши, кург. № 11	1	Под насыпью, мелкие кости животных	Cal AD 429–494 (0.273) 508–519 (0.019) 527–610 (0.707); по: [Бейсенов 2020]

Окончание таблицы 2
2-кестенің соңы
End of table 2

Кабакши, кург. № 12	2б	Под северным спутником на древнем горизонте, кости МРС, образец 1	Cal AD 344–474 (0.756) 485–535 (0.244) по: [Бейсенов 2020]
Кабакши, кург. № 12	2б	Под концевым сооружением северного «уса», кость МРС, образец 2	Cal AD 778–790 (0.030) 807–819 (0.018) 824–842 (0.028) 862–985 (0.924) по: [Бейсенов 2020]
Караоба, кург. № 2	2а	Под камнями концевого сооружения северного «уса», кости МРС	Cal AD 1658–1695 (0.198) 1726–1813 (0.587) 1838–1842 (0.006) 1852–1867 (0.018) 1918–1950 (0.192); 2-я пол. XVII – 1-я пол. XX в.; (XVIII в.) по: [Бейсенов 2020]
Кург. Кырыкунгир	1	Под насыпью, кости лошади	Датирован сакской эпохой на основании 14С анализа по: [Бейсенов 2020]
Кург. Кырыкунгир	1	Под насыпью, кости лошади	Cal AD 384–539 (1.000) по: [Бейсенов 2020]
Кург. Кабантау, образец № 2	3	Концевое сооружение северного «уса», кости МРС	Cal AD 420–558 (1.000) по: [Бейсенов 2020]
Кург. Кабантау, образец № 3	3	Концевое сооружение южного «уса», кости МРС	Cal AD 423–566 (1.000) по: [Бейсенов 2020]
37 воинов, Кург. № 11	2	Основной курган, кости человека	Cal BC 755—680 (0,277); 670—608 (0,171); 596—411 (0,552); VIII–V вв. до н.э. по: [Бейсенов 2017; 2018]
Саба, кург. № 1	3а	Основной курган, предметный комплекс	VII–VI вв. до н.э. по: [Онгарулы и др. 2020]
Саба, кург. № 1	3а	Центральная часть под каменной насыпью кургана-«спутника» № 1б (СВ), угольки	250–410 гг. н. э. III–V вв. н.э. по: [Онгарулы и др. 2020]
Унирек II	1	Под камнями кургана («ритуальной насыпи») железные предметы	I–III вв. н.э. по: [Курманкулов и др. 2018]

Ситуация с курганом Ашутасты соответствует выводу, сделанному А.З. Бейсеновым, – часть жертвоприношений животных может быть очень поздними. В случае курганов с «усами» речь идет о ритуале жертвоприношения посвященного коня, символического подношения мелкого рогатого скота, этот древний обычай сохранялся до казахского времени [Бейсенов 2020: 130–131]. По последним данным, собранным А.З. Бейсеновым, в Центральном Казахстане известно более 400 «сол-

нечных» курганов. Автор считает, что эти сооружения связаны с поминальными ритуалами древних племен. Как прозорлив был М.К. Кадырбаев, предположивший, что курганы с каменными грядами Центрального Казахстана строились в течение длительного периода – с VII–VI вв. до н.э. до сер. I тыс. н.э. [Бейсенов 2017: 31, 33].

3. Самашев курганы с «усами» интерпретирует как культово-ритуальные или культово-поминальные объекты [Самашев 2021: 71]. В статье также проводится обзор имеющихся интерпретаций, основная часть этих памятников укладывается в «расширительные рамки так называемого периода великого переселения народов – II–IV – VII вв. н.э.». Отмечается, что в ряде случаев существуют временные разрывы в возведении кургана-доминанта и остальных элементов комплекса. Сооружение кургана с каменными грядами и проводимые в связи с этим ритуальные действия связываются с реализацией общей религиозно-мировоззренческой идеи [Самашев 2021: 72, 74].

В связи с обширным ареалом этого вида памятников дискуссия о датировке и назначении курганов с каменными грядами включает широкий круг исследователей. Южно-уральские археологи на основе радиоуглеродной хронологии курганов с «усами» Центрального Казахстана и Южного Зауралья пришли к заключению, что период строительства курганов с «усами» III/IV – сер. VII в. н.э. (95,4%). Памятники Южного Урала входят в интервал от последних десятилетий IV в. н.э. до 2-й пол. VII в. н.э., центрально-казахстанские охватывают период: начало II – 1-я четв. V в. н.э. По мнению исследователей, они являются ритуальными комплексами кочевников урало-казахстанских степей [Грудочко 2019: 21–24].

Обобщая сведения о памятниках и гипотезы об их этнокультурной принадлежности, И.В. Грудочко приводит две основные точки зрения: курганы с «усами» сопоставимы с памятниками тюркоязычных кочевников VI–VIII вв. («раннетюркская» точка зрения, С.Г. Боталов); большинство курганов с каменными грядами относится к V–VI вв., их появление связано с геополитическими событиями IV–V вв. («хионито-эфталитская», И.Э. Любчанский) [Грудочко 2017: 42–43; 148; 161]. В целом, резюмирует И.В. Грудочко, существует два взгляда на культурно-хронологическую принадлежность курганов с «усами»: раннекочевническая («тасмолинская концепция Кадырбаева-Бейсенова») и раннесредневековая [Грудочко 2020: 28–29].

Обобщая имеющуюся к настоящему времени информацию, можно говорить о более чем 500 курганах с «усами», всего есть информация о 610 комплексах из урало-казахстанских степей, Южного Казахстана и Семиречья, предложены варианты их типологии [Грудочко 2020: 39, 47–48; рис. 16]. Выделяя три типа комплексов кургана с «усами», исследователь отмечает, что для подтипов «b» и «c» (когда присутствует курган-доминант и курган(ы)-спутники, «курган более раннего времени и центральная(ные) насыпь») характерно, что курганы с «усами» сооружались в более позднее время, включая более ранний основной курган в комплексе [Грудочко 2020: 57–58].

В аспекте назначения курганов с «усами» отмечается традиция жертвоприношения животных, ритуальной тризны. Таким образом, функция кургана с «усами» - коллективные праздники, встречи между аилами во время весенне-летнего периода, поминальные акты, сопровождаемые коллективной постройкой кургана с «усами», который является одноразовым жертвенно-поминальным сооружением [Грудочко 2020: 90, 93, 126]]. Что же касается исходной территории происхождения курганов с «усами», то предполагается Джунгария [Грудочко 2020: 127].

Таким образом, исследователями отмечается значительный хронологический диапазон/разрыв в датах, который свидетельствует, возможно, о сооружении восточных «ритуальных» сооружений Сарыарки в комплексе кургана с «усами» в гуннский период либо о поклонении предкам, проведении ритуальных действий, жертвоприношений, в процессе которых кости животных под

восточным сооружением (курганом-спутником), грядами были оставлены в более поздние по отношению ко времени возведения курганов – гуннский, кыпчакский, казахский периоды.

В этом случае стоит упомянуть тезис А.З. Бейсенова: «По-видимому, любые находки костей животных в древних памятниках нельзя безоговорочно связывать с данными объектами, культурно-хронологическая принадлежность которых в той или иной степени бывает заранее известна или оговаривается исследователем в ходе процесса» [Бейсенов 2020: 130]. Речь идет о ритуале жертвоприношения посвященного коня, символического подношения животного [Бейсенов 2020: 130–131].

Вопросы сакрализации ландшафта Степи

При исследовании условий и механизма сакрализации ландшафта Северной Сарыарки выяснилось, что курганные мемориалы являются древними святилищами, почитались древним населением как святые места. В последующем они становились также местом захоронения и почитания. Сакрализация пространства связана с культом предков. «В этом заключается особенность менталитета степных народов» [Тлеугабдулов и др. 2020: 45; Хабдулина 2020: 69–70]. Можно предположить, что какие-то элементы картины мира населения Степи и связанная с ним погребальная обрядность сохранялись длительное время, что выразилось в сакрализации определенной местности.

Также как и в Северной Сарыарке, на территории Костанайской обл. (Северо-Западная Сарыарка), выделяются сакрализованные территории или участки, где сосредоточены почитаемые объекты нескольких эпох, конечно, мы не исключаем фактор особенностей ландшафта в этом процессе, в выборе мест для устройства святилищ. На возвышающихся в Степи курганах ранних кочевников устраивали кладбища казахи, на природных возвышенностях зафиксированы объекты средних веков и могилы более позднего времени. И в настоящее время местное население региона в большинстве с почитанием относится к таким местам.

Учитывая, что «сакральность культурного ландшафта <...> фиксируется посредством территориальных организаций, культовых памятников и культурной преемственностью» [Кошман, Дукомбайев 2020: 191], видимо, нужно сказать, что в Степи традиция сакрализации ландшафта на основе почитания могил предков (не только одного рода, а в более широкой трактовке этого понятия) уходит вглубь времен.

В свое время Д.В. Дубровский, проанализировав пространственные характеристики погребального обряда тюркоязычных кочевников Центральной Азии, отметил, что мировые религии не оказали сильного влияния на общий пространственный код кочевой традиции. Локусы погребального обряда: юрта; пространство около юрты; дорога к погребению; место погребения; перекочевка от места смерти в течение года до аса; место проведения аса - являются важными этапами похоронной обрядности. Пространственный код имеет в ней определяющее значение [Дубровский 2007].

Могилы предков, курганы предшествующих эпох в жизни человека Степи и гор, в его движении по пространству Степи занимали особое положение. Так, один из вариантов расположения курганов древнетюркского времени Алтая предполагает, что они пристраивались к цепочке объектов скифского времени, преимущественно с восточной стороны [Дашковский, Серегин 2009: 38]. Существует предположение, что тюрки верили: их предки защищают жизнь и здоровье потомков, не покидают своих сородичей [Сейдаметов, Кадыров 2016: 15–16].

Это особое отношение к предкам, их могилам существовало у населения Степи на протяжении столетий, сохранялось в памяти поколений, о чем свидетельствует традиция установки кыпчакских изваяний, которые воплощали, вероятно, образы предков. Кыпчаки, устанавливая каменные статуи в комплексах культовых сооружений, святилищ в честь умерших предков, считали, что они оказывали поддержку потомкам, способствовали плодородию [Ермоленко 1994: 158, 163].

Существенным фактором является то, что саяно-алтайские тюрки, считая, что умершие (предки) не исчезают совсем, почитали «всех предшествовавших им на этой земле людей», уважали памятники старины в общем, не зависимо от того, кто их оставил. Исходя из этих представлений, тюрки старались «подхоронить» своих умерших в уже существующие, старые могилы, случалось, что древнее погребение становилось точкой отсчета, местом возведения, обоснования более позднего кладбища [Сагалаев, Октябрьская 1990: 30–32]. Вероятно, на протяжении тысячелетий сохранился, в целом, общий мировоззренческий пласт народов Саяно-Алтая, культурно-мировоззренческие ценности, как и традиционная обрядность [Тадышева 2017: 103].

Возможно, эти традиции почитания предков берут начало в эпоху ранних кочевников. Исследователями подмечено, что погребальный обряд тувинцев уходит корнями еще в доскифскую эпоху. Черты, перекликающиеся с погребальными традициями гуннов и тюрков, выявлены в языческой похоронной церемонии тувинцев. Причиной этого называется, например, консервативность кочевого образа жизни, благодаря чему какие-то древние погребальные традиции не утратились в Степи, в частности у тувинцев и их соседей. Возможно, почтительное отношение казахов к могилам, как и у других тюркоязычных народов, уходит корнями в I тыс. до н.э. [Бубенок 2021: 142; Искаков и др. 2022: 159, 161]. В этом аспекте слова из ответа царя скифов Иданфирса Дарию, часто упоминаемые в работах скифологов, приобретают особый смысл: «<...> Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами» [Геродот IV: 127].

Также и у других тюркоязычных народов фиксируются сходные или единые в основе представления: киргизы считали, что духи предков покровительствуют оставшимся в живых родственникам, в случае совершения недостойного их памяти поступка духи предков могут отступить от человека. Этим обусловлено особое уважение к могилам предков [Абрамзон 1990: 335].

Казахи унаследовали особое отношение к могилам предков; курганы предшествующих веков, в т. ч. курганы с «усами», сыграли свою роль в сакрализации территорий. Судя по полученным датировкам, комплексы с каменными грядами посещали в гуннский, раннетюркский, кыпчакский, казахский периоды, внося свою лепту в моделирование сакрального пространства, создание и генезис мемориалов.

Исследователи отмечают, что казахи с почтением относились к могилам, почитали умерших предков (здесь каялись, приносили присягу, ночевали застигнутые в пути). В трудных ситуациях казахи обращаются к духам предков – аруахам/аруақ как заступникам всех живых перед Богом – с мольбой, посвящая им жертвоприношение, с надеждой на благословение и поддержку. В Степи до сих пор сохранилось много святых мест, мазаров [Раздыкова 2010: 32–33; Стасевич 2013: 281–282].

До настоящего времени почитание умерших предков у казахов занимает особое место в культуре. Предки человека, покинув этот мир, остаются в сознании живых людей, с ними сверяют дела и поступки, отдаваясь судьбе, воле божества и аруахов. С традицией поклонения могилам известных личностей связан обряд «зиярат жасау»: благодатная сила умершего человека «қасиет» передается оставшимся в живых [Кулумжанов и др. 2018: 161–165]. «Аруақ риза болмай, тірі байымайды»; «Өлі риза болмай, тірі байымайды» – «Пока духи предков не удовлетворены, живые потомки не будут в благоденствии» – отношение к предкам отразилось в этих словах.

Ислам наложил свой отпечаток – проезжая мимо мусульманского кладбища, путник останавливался и произносил молитву. И сегодня, следуя мимо захоронений, путник высказывает поклоне-

ние предкам, проводя ладонями по лицу и произнося слова молитвы – «Ата бабаның аруағы қолдап қоршап жүрсін, әумин»; «Ата баба аруағы желеп жебеп жүрсін» (Обращение к духам предков с просьбой о покровительстве, поддержке). Пожилые люди в отношении этой памяти о предшествующих поколениях, о совести, о благих деяниях говорят: «Қиямет жақын» – «Судный день близок». Выстраивая пространственный код культуры, находясь в круговом движении по пространству Степи, кочевник включал в него своих предков, которые тоже олицетворяли собой это Колесо Жизни [Каракузова, Хасанов 1993: 17–18].

Таким образом, разновременность элементов комплексов курганов с «усами» ставит вопрос об исторической памяти в Степи, преемственности некоторых мировоззренческих ценностей поколений.

4 Заключение (Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.)

Полученные даты дополняют имеющуюся информацию по курганам с «усами». Они позволяют посмотреть на курганы раннего железного века несколько иначе. Видимо, на протяжении длительного времени «солнечные» курганы продолжали ассоциироваться с древними святилищами, как в гуннский период, в эпоху раннего средневековья, так и в Казахское время.

Данные С14 анализа из Ашутасты-2 не дают однозначного ответа или права предположить, что «ритуальная насыпь» была сооружена именно в гуннский период или в эпоху средневековья (об этом свидетельствует место находки кости – в юго-восточной части полы кургана у стенки ритуальной (?) ограды), хотя нельзя этого исключить.

Датировка костей под камнями окончания южной гряды не исключает того, что курган-спутник с грядами входил в ритуальный комплекс на протяжении веков. Каменное изваяние (раннего железного века) из Ашутасты-2, зафиксированное в начале южной гряды комплекса с костями под ним, позволяет предположить, что «усы» могли быть выложены в V – начале VII в. и более раннее изваяние было переиспользовано либо памятник был сооружен в период Тасмолы и являлся частью сакрального ландшафта в более поздние периоды истории.

Случаи находок керамического сосуда под «ритуальной насыпью», костей животных времени Тасмолы и большой временной диапазон в датировке элементов комплексов курганов с каменными грядами делает вполне вероятным предположение о том, что «ритуальные насыпи» (и гряды) могли сооружаться в раннесакский период, а позже, в процессе проведения ритуалов, активно использоваться, в т. ч. с переиспользованием оленных камней и изваяний. В целом, каменные изваяния и стелы играли важную роль в процессе сакрализации ландшафта, создании мемориалов, независимо от времени изготовления статуарных памятников.

Исследование «солнечных» курганов – направление актуальное и перспективное для решения ряда вопросов археологии урало-казахстанских степей. Необходимо комплексное исследование подобных памятников с применением как классических методов, так и с применением достижений естественных наук. Накопление сведений в дальнейшем может послужить основой для более развернутых работ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / Авт. вступ. ст. С.Т. Табышалиев. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.
- 2 *Айткали А.К., Жунисханов А.С., Думани Дутью П., Исин А.И., Рахманкулов Е., Курмангалиев А.К.* Новые данные о курганах с «усами» Восточного Казахстана // Маргулановские чтения–2019: м-лы Междунар.

- археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 208-222.
- 3 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2(19). С. 117-120.
- 4 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С., Байдалы Р.Ж. Исследование памятников древности в округе села Ашутасты (Западная Сарыарка) // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 275-327.
- 5 Бейсенов А.З. Изучение памятников I тыс. до н.э. Центрального Казахстана // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Отв. ред. К.М. Байпаков Алматы, 2015. С. 521-533.
- 6 Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. статей, посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 31-37.
- 7 Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2(27). С. 386-396.
- 8 Бейсенов А.З. Находки костей животных в курганах с «усами» Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 29, № 1. С. 122-134.
- 9 Бейсенов А.З. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартаc // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. статей, посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021а. С. 261-277.
- 10 Бейсенов А.З. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан // Уфимский археологический вестник. 2021б. Т. 21, № 1. С. 33-41.
- 11 Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. В 2-х т. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017а. Т. 1. С. 11-64.
- 12 Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В. Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017б. Т. 6, № 3(20). С. 227-231.
- 13 Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. № 3(59). Т. 3. С. 34-40.
- 14 Бейсенов А.З., Касеналин А.Е. Тасмолинский могильник Кызылшилик // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 24, № 4. С. 85-100.
- 15 Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103-117.
- 16 Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- 17 Бубенок О.Б. Реликты традиций скифского времени в погребальных обрядах тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 131-147.
- 18 Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Кн. IV. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- 19 Гимранов Д.О. Архезоологический анализ материала из могильника Ашутасты-2 // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография / Отв. ред.: Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. С. 352-353.
- 20 Грудочко И.В. Курганы с «усами». Этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях V–VII вв. // Уфимский археологический вестник. 2017. Вып. 17. С. 42-49.
- 21 Грудочко И.В. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами» // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Соц.-гум. науки». 2019. Т. 19, № 3. С. 21-27.

- 22 Грудочко И.В. Курганы с «усами». Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Будапешт: Martin Opitz, 2020. 205 с.
- 23 Дашковский П.К., Серегин Н.Н. Погребальный обряд тюркской культуры Алтая и некоторые особенности религиозной системы кочевников // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. науч. тр. / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. III. С. 36-63.
- 24 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О традиции установки стел в культуре населения сакского времени казахских степей // История и археология Семиречья. Сб. статей и публикаций / Отв. ред. Т.А. Егорова. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. Вып. 5. С. 127-142.
- 25 Досымбаева А.М. Тюркология. Историко-археологический аспект. Алматы: Service Press, 2014. 224 с.
- 26 Дубровский Д.В. Пространственные характеристики погребального обряда тюркоязычных кочевников Центральной Азии (конец XIX - нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 177 с. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/prostranstvennye-harakteristiki-pogrebalnogo-obrjada-tjurkojazychnyh-kochevnikov.html> (дата обращения: 10.09.2022)
- 27 Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э.: Сб. статей / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 157-165.
- 28 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26-32.
- 29 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): м-лы междунар. конф. (г. Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 129-135.
- 30 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Комплекс Аксай-1 (к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней Центрального Казахстана) // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 7-23.
- 31 Искаков К.А., Умиткалиев У.У., Тлеугабулов Д.Т., Дукомбайев А.Т. Предварительное сохранение тел умерших в погребальной обрядности казахов (по материалам археологических, исторических и фольклорно-литературных источников) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 150-162.
- 32 Каракузова Ж.К., Хасанов М.Ш. Космос казахской культуры. Алматы: Евразия, 1993. 79 с.
- 33 Кошман Т.В., Дукомбайев А.Т. Натурное обследование культурных мемориалов периода Казахского ханства (мусульманский некрополь Караоткель) // Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Отв. ред. Д.Т. Тлеугабулов. Нур-Султан; Рим: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2020. С. 173-191.
- 34 Кулумжанов Н.Е., Жолдубаева А.К., Котошева К.К. Культ предков в миропонимании казахов // Вестник КазНУ. Сер. философии, культурологии и политологии. 2018. Вып. 63, № 1. С. 159-167.
- 35 Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р., Касенова А.Д. Археологические исследования «кургана с усам» Унирек 2 в Шетском районе // Маргулановские чтения–2018. М-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе, 2018. С. 291-294.
- 36 Мананова А.М. Наследие Алькея Хакановича Маргулана // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 48-58. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.48.58 (на каз. яз.)
- 37 Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. Сер. историч. 1948. № 49. С. 119-145.
- 38 Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. № 67. Вып. 2. С. 3-36.
- 39 Маргулан Д.А. Жизнь и научная деятельность А.Х. Маргулана. Образ ученого и человека // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 37-47. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.37.47
- 40 Онгарулы А., Каирмагамбетов А.М., Нускабай А.А., Рахимжанова С.Ж. Курган военной элиты саков Торгая // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 233-247.

- 41 Раздыкова Г.М. Религиозный синкретизм казахов Степного края // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2010. № 3(59). С. 29-37.
- 42 Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- 43 Самашев З. Еще раз об объектах с каменными грядами // Bulletin of history. 2021. № 3 (102). С. 70-80.
- 44 Сейдаметов Э.Х., Кадыров Р.Р. Погребальные обряды тюрков в средневековье // Наука, образование и культура. 2016. № 5 (8). С. 14-17.
- 45 Солнечные курганы Ашутасты. Официальный сайт областной газеты «Костанайские новости». URL: <https://kstnews.kz/newspaper/356/item-31297> (дата обращения: 26.07.2022)
- 46 Стасевич И.В. Практика поклонения сакральным объектам и предметам в традиционной и современной культуре казахов и киргизов (в контексте изучения культа святых) // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. Вып. III. СПб., 2013. С. 270-301.
- 47 Ташышева Н.О. Современный похоронно-поминальный обряд тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов и тувинцев): архаические культы и новации // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2017. № 4(18). С. 103-111.
- 48 Тлеугабдулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Бонора Ж.Л. Хроника полевых исследований 2018–2020 гг. // Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Отв. ред. Д.Т. Тлеугабдулов. Нур-Султан; Рим: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2020. С. 14-45.
- 49 Хабдулина М.К. Механизм сакрализации ландшафта и функции сакральных ландшафтов в историко-археологическом контексте // Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Отв. ред. Д.Т. Тлеугабдулов. Нур-Султан; Рим: НИИ археологии им. К.А. Акишева, 2020. С. 60-84.

REFERENCES

- 1 Abramzon, S. M. 1990. *Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kulturnye svyazi (Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural relations)*. Frunze: Kyrgyzstan (in Russian).
- 2 Aitkali, A. K., Zhuniskhanov, A. S., Doumani, Dup`yu P., Isin, A. I., Rakhmankulov, E., Kurmangaliev, A. K. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulan readings–2019*. Nur-Sultan: Gumilyov Eurasian National University, 208-222 (in Russian).
- 3 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, vol. 6, No. 2 (19), 117-120 (in Russian).
- 4 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S., Baidaly, R. Zh. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnyh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 275-327 (in Russian).
- 5 Beisenov, A. Z. 2015. In: Baipakov K.M. (ed.). *Kazahskoe hanstvo v potoke istorii (The Kazakh Khanate in the flow of history)*. Almaty, 521-533 (in Russian).
- 6 Beisenov, A. Z. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. Almaty: “Begazy-Tasmola”, vol. 2, 31-37 (in Russian).
- 7 Beisenov, A. Z. 2018. In: *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Early history of Ukraine)*, 2 (27), 386-396 (in Russian).
- 8 Beisenov, A. Z. 2020. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, vol. 29, No. 1, 122-134 (in Russian).
- 9 Beisenov, A. Z. 2021a. In: Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvoretz kultury. Materialnaya kultura i duhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii i etnografii (The creator of culture. Material culture and spiritual space of Man in the light of archaeology, history and ethnography)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, 261-277 (in Russian).
- 10 Beisenov, A. Z. 2021b. In: *Ufimskiy arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)*, vol. 21, No. 1, 33-41 (in Russian).
- 11 Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., vol. 1, 11-64 (in Russian).

- 12 Beisenov, A. Z., Duisenbay, D. B., Svyatko, S. V. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, vol. 6, No. 3(20), 227-231 (in Russian).
- 13 Beisenov, A. Z., Ermolenko, L. N. 2014. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*, No. 3 (59), vol. 3, 34-40 (in Russian).
- 14 Beisenov, A. Z., Kasenalin, A. E. 2018. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, vol. 24, No. 4, 85-100 (in Russian).
- 15 Beisenov, A. Z., Torgoev, A. I., Duisenbay, D. B., Akhiyarov, I. K. 2018. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (25), 103-117 (in Russian).
- 16 Botalov, S. G.; Tairov, A. D.; Lyubchanskiy, I. E. 2006. *Kurgany s «usami» uralo-kazakhstanskikh stepey (Mounds with “moustaches” of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: South Ural Branch of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS (in Russian).
- 17 Bubenok, O. B. 2021. In: *Novye issledovaniya Tuvy (New studies of Tuva)*, 1, 131-147 (in Russian).
- 18 Gerodot. 1972. *Istoriya v devyati knigakh (A story in nine books)*. Book IV. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 19 Gimranov, D. O. 2017. In: Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. (eds.). *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epoha (Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 352-353 (in Russian).
- 20 Grudochko, I. V. 2017. In: *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)*, 17, 42-49 (in Russian).
- 21 Grudochko, I. V. 2019. In: *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsialno-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. The series “Social and Humanitarian Sciences”)*, vol. 19, No. 3, 21-27 (in Russian).
- 22 Grudochko, I. V. 2020. *Kurgany s «usami». Epokha pozdney drevnosti i rannego srednevekoviya uralo-kazakhstanskikh stepey (IV–VII vv. n.e.) (Mounds with “moustaches”. The epoch of late antiquity and the Early Middle Ages of the Ural-Kazakh steppes (4th–7th centuries AD))*. Budapesht: Martin Opitz (in Russian).
- 23 Dashkovskiy, P. K., Seregin, N. N. 2009. In: Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii v istoricheskoy retrospektive (The worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect)*. Barnaul: “Azбука” Publ., Issue III, 36-63 (in Russian).
- 24 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Egorova, T. A. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechye)*, 5. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 127-142 (in Russian).
- 25 Dosymbayeva, A. M. 2014. *Tyurkologiya. Istoriko-arkheologicheskij aspekt (Turkology. Historical and archaeological aspect)*. Almaty: “Service Press” Publ. (in Russian).
- 26 Dubrovskiy, D. V. 2007. *Prostranstvennyye kharakteristiki pogrebalnogo obryada tyurkoyazychnykh kochevnikov Tsentralnoy Azii (konets XIX - nach. XX vv.) (Spatial characteristics of the funeral rite of the Turkic-speaking nomads of Central Asia (the end of the 19th – beginning of the 20th centuries))*. Saint Petersburg. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/prostranstvennyye-harakteristiki-pogrebalnogo-obryada-tjurkojazychnyh-kochevnikov.html> (accessed: 10.09.2022)
- 27 Ermolenko, L. N. 1994. In: Ilyushin, A. M. (ed.). *Etnokulturnye protsessy v Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii v I–II tysyacheletii n.e. (Ethnocultural processes in Southern Siberia and Central Asia in the 1st – 2nd millennia AD)*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 157-165 (in Russian).
- 28 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Kasenova, A. D. 2015. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)*, No. 1(61), vol. 3, 26-32 (in Russian).
- 29 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Kasenova, A. D. 2016. In: Bobrov, V. V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoy Azii (problemy interpretatsii i sohraneniya) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation))*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 129-135 (in Russian).
- 30 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Kasenova, A. D. 2021. In: *Narody i religii Evrazii (Peoples and religions of Eurasia)*, vol. 26, No. 3, 7-23 (in Russian).
- 31 Iskakov, K. A., Umitkaliev, U. U., Tleugabulov, D. T., Dukombajev, A. T. 2022. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology)*, vol. 21, No. 7, 150-162 (in Russian).

- 32 Karakuzova, Zh. K., Khasanov, M. Sh. 1993. *Kosmos kazakhskoy kultury (The cosmos of Kazakh culture)*. Almaty: “Evraziya” Publ. (in Russian).
- 33 Koshman, T. V., Dukombajev, A. T. 2020. In: Tleugabulov, D. T. (ed.). *Sakralnyi landshaft Saryarki (The sacred landscape of Saryarka)*. Nur-Sultan; Rim: Akishev research institute, 173-191 (in Russian).
- 34 Kulumzhanov, N. E., Zholdubayeva, A. K., Kotosheva, K. K. 2018. In: *Vestnik Kazakhskogo Natsionalnogo Universiteta. Seriya filosofii, kulturologii i politologii (Bulletin of Kazakh National University. Series of Philosophy, Cultural Studies and Political Science)*. Issue 63, No. 1, 159-167 (in Russian).
- 35 Kurmankulov, Zh. K., Utubaev, Zh. R., Kasenova, A. D. 2018. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Margulan readings–2018*. Almaty; Aktobe, 291-294 (in Russian).
- 36 Манарова, А. М. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1–2, 48–58. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.48.58 (in Kazakh).
- 37 Margulan, A. Kh. 1948. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. istorich. (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. of History)*, 49, 119-145 (in Russian).
- 38 Margulan, A. Kh. 1949. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. of Archaeology)*, 67 (vol. 2), 3-36 (in Russian).
- 39 Margulan, D. A. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1–2, 37-47. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.37.47
- 40 Onggaruly, A., Kairmagambetov, A. M., Nuskabay, A. A., Rakhimzhanova, S. Zh. 2020. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 3 (33), 233-247 (in Russian).
- 41 Razdykova, G. M. 2010. In: *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya» (Bulletin of Karagandy University. The series “History. Philosophy”)*, 3 (59), 29-37 (in Russian).
- 42 Sagalaev, A. M., Oktyabrskaya, I. V. 1990 *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual (The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. A sign and a ritual)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 43 Samashev, Z. 2021. In: *Bulletin of history*, 3 (102), 70-80 (in Russian).
- 44 Seidametov, E. Kh., Kadyrov, R. R. 2016. In: *Nauka, obrazovanie i kultura (Science, education and culture)*, 5 (8), 14-17 (in Russian).
- 45 *Solnechnye kurgany Ashutasty (The solar mounds of Ashutasty)*. URL: <https://kstnews.kz/newspaper/356/item-31297> (accessed: 26.07.2022)
- 46 Stasevich, I. V. 2013. In: *Tsentrlnaya Aziya: Traditsiya v usloviyakh peremen (Central Asia: Tradition in conditions of Change)*. Issue III, St. Petersburg, 270-301 (in Russian).
- 47 Tadyshva, N. O. 2017. In: *Tomskiy zhurnal LING i ANTR (Tomsk journal of LING and ANTR)*, 4 (18), 103-111 (in Russian).
- 48 Tleugabulov, D. T., Dukombaiev, A. T., Bonora, Zh. L. 2020. In: Tleugabulov, D. T. (ed.). *Sakralnyi landshaft Saryarki (The sacred landscape of Saryarka)*. Nur-Sultan; Rim: Akishev research institute, 14-45 (in Russian).
- 49 Khabdulina, M. K. 2020. In: Tleugabulov, D. T. (ed.). *Sakralnyi landshaft Saryarki (The sacred landscape of Saryarka)*. Nur-Sultan; Rim: Akishev research institute, 60-84 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 16.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.09.2022.

УДК 903/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.74.90>

The study of monuments of the Ulus Jochi era on the territory of Aktobe region

© 2022 Bissembaev A., Khavansky A., Zhanuzak R., Akhatov G., Maitekov D.

Keywords: archaeology,
Ulus Jochi, funeral rite,
Golden Horde, Күпчакс,
Islamization

Түйін сөздер: археология, Жошы
Ұлысы, жерлеу салты, Алтын
Орда, қыпшақтар, исламдану

Ключевые слова: археология,
Улус Джучи, погребальный
обряд, Золотая Орда, кыпчаки,
ислаимизация

Arman Bissembaev¹, Aleksey Khavansky¹, Ramazan Zhanuzak^{1*}, Gaziz Akhatov¹, Daniyal Maitekov²

¹Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: abissembaev@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: arkaim01@yandex.by

^{1*}Corresponding author, Master of Arts, Researcher, Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan. E-mail: rzhanuzak04@gmail.com

¹Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: g_akhatov@mail.ru

²A volunteer, an upperclassman of Peddie Hightstown NJ, USA. E-mail: danick1468@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the latest studies of the monuments of the Ulus Jochi era in the Aktobe region. The study of the monuments throughout the Middle Ages was carried out in three main areas – processing and analyzing available materials obtained from the research on the territory from the second half of the 19th century to the present, conducting exploration measures to identify the most promising areas for the location of Golden Horde monuments, and reconnaissance excavations. Examination on the Uil-Kobdinsky local microdistrict was associated with the study of a large necropolis and settlement of Koptam, the vicinity of the cult mausoleum of Abat Baitak. Located on the banks of the Kargaly reservoir, the Kyzyltam mausoleum is also the center of a large nomadic group during the Middle Ages. Ulus Jochi clearly traced the stages of gradual Islamization of the population on the monuments, when the funeral rite undergoes “standardization”, and in sets of inventory there is a spread of a general fashion, the so-called “imperial” style. On funerary monuments there are traces of resettlement policies of Mongol khans, including objects that are associated with the South Siberian population.

Acknowledgements: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2022–2023, project IRN BR11765630.

Citation: Bissembaev, A., Khavansky, A., Zhanuzak, R., Akhatov, G., Maitekov, D. 2022. The study of monuments of the Ulus Jochi era on the territory of Aktobe region. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 74–90. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.74.90](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.74.90)

**Арман Ауғанұлы Бисембаев¹,
Алексей Иванович Хаванский¹,
Рамазан Жақсыбайұлы Жанұзақ^{1*},
Ғазиз Аманжолұлы Ахатов¹, Даниял Майтеков²**
¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми
қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан
¹тарих ғылымдарының кандидаты, ғылыми
қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан
^{1*}корреспондент авторы, тарих магистрі, кіші
ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан
¹аға ғылыми қызметкер, Ә.Х.
Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан
²волонтер, Хайтстаундағы Педди мектебінің
оқушысы, Нью-Джерси штаты, АҚШ

2022 ж. Ақтөбе облысы аумағындағы Жошы Ұлысы дәуірі ескерткіштерін зерттеу

Аннотация. Мақала Ақтөбе облысы аумағындағы Жошы Ұлысы дәуірі ескерткіштерінде жүргізілген соңғы зерттеу жұмыстарына арналған. Дамыған және кейінгі ортағасырлар кезеңіне жататын ескерткіштерді зерттеу жұмыстары үш негізгі бағыт бойынша жүзеге асырылды. XIX ғ. екінші жартысынан бастап қазіргі күнге дейін анықталған материалдар өңделіп, сараланды. Одан кейін Алтын Орда дәуіріне жататын ескерткіштерді анықтау мақсатында археологиялық барлау және қазба жұмыстары жүргізілді. Ойыл Қобда жергілікті шағын ауданы бойынша тексерулер Көптам қонысы мен ірі қорымын және Абат Байтақ кесенесін зерттеумен байланысты болды. Қарғалы су қоймасының жағалауында орналасқан Қызылтам кесенесі де ортағасырлық кезеңде ірі көшпелі бірлестік орталығының маркері болған. Жошы Ұлысы ескерткіштерінен тұрғындардың бірте бірте исламдану кезеңі байқалады. Яғни бұл кезеңде жерлеу салты бірізділікке ұшырап, жалпы ортақ сипатқа ие бола бастайды. Жерлеу ескерткіштерінен моңғол хандарының мәжбүрлеп қоныстандыру саясаты жөнінде мәлімет алуға болады. Сонымен қатар, Оңтүстік Сібір тұрғындарымен байланысты нысандар да кездеседі.

Алғыс: Жұмыс ҚР БҒМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж., мақсатты қаржыландыру бағдарламасы аясында орындалды, жобаның ЖТН BR11765630.

Сілтеме жасау үшін: Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жанұзақ Р.Ж., Ахатов Г.А., Майтеков Д. 2022 ж. Ақтөбе облысы аумағындағы Жошы Ұлысы дәуірі ескерткіштерін зерттеу. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 74–90-бб. (Ағылшынша). DOI: 10.52967/akz2022.3.17.74.90

**Арман Ауганович Бисембаев¹,
Алексей Иванович Хаванский¹,
Рамазан Жаксыбайұлы Жанузак^{1*},
Газиз Аманжолович Ахатов¹, Даниял Майтеков¹**
¹кандидат исторических наук, ведущий научный
сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан
²кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан
^{3*}автор-корреспондент, магистр истории,
младший научный сотрудник, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
⁴старший научный сотрудник, Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан
⁵волонтер, учащийся школы Педди в Хайтстауне,
штат Нью-Джерси, США

Исследование памятников эпохи Улуса Джучи на территории Актюбинской области в 2022 г.

Аннотация. Статья посвящена последним исследованиям памятников эпохи Улуса Джучи на территории Актюбинской области. Изучение памятников развитого и позднего средневековья проводилось по трем основным направлениям – обработка и анализ имеющихся материалов, полученных в результате исследований по территории области со 2-й пол. XIX в. по нынешнее время; проведение разведочных мероприятий по выявлению наиболее перспективных районов расположения золотоордынских памятников и рекогносцировочные раскопки. Обследование по Уило-Кобдинскому локальному микрорайону было связано с исследованием крупного некрополя и поселения Коптам, окрестностей культового мавзолея Абат Байтак. Расположенный на берегу Каргалинского вдхр. мавзолей Кызылтам так же в позднем средневековье был маркером центра крупной кочевой группы. На памятниках Улуса Джучи отчетливо прослеживаются этапы постепенной исламизации населения, когда погребальный обряд проходит «стандартизацию», а в комплектах инвентаря наблюдается распространение общей моды, т. н. «имперского» стиля. По погребальным памятникам прослеживается принудительная переселенческая политика монгольских ханов, присутствуют объекты, связанные с южносибирским населением.

Благодарности: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630.

Для цитирования: Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жанузак Р.Ж., Ахатов Г.А., Майтеков Д. Исследование памятников эпохи Улуса Джучи на территории Актюбинской области в 2022 г. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 74–90 (на англ. яз.). DOI: 10.52967/akz2022.3.17.74.90

1 Introduction (*Bissembaev A., Akhatov G.*)

Significant period of time of archaeological research at the stage of sovereignty requires summing up certain results not only for various chronological stages in the development of the archeology of our country, but also in certain regions where these studies are practically continuous, despite different economic situations during the past period.

Among such regions with unique monuments of the Middle Ages, there is Aktobe region, which represents a significant part of a larger region – Western Kazakhstan. The width of the region is about 800 km and is represented by several natural and geographical zones – forest-steppe, steppe, desert and semi-desert. The presence of these zones, the condition of the hydraulic network, temperature regime, the richness of flora and fauna, everything in the complex, determines the comfort of the ecological niche for human collectives, and ultimately has an impact on the number, the nature, and location of archeological monuments of various eras.

Aktobe region, delineated from the north by a large main river – Ural, and dissected from south to north by the largest left-bank tributary, the Ilek, during the Middle Ages was a well-developed area. The vast territory between the Caspian lowland in the west, Turan in the southeast, Ustyurt in south and the valley of the Ural River from north to south has the entire set of geographic zones above it. The desert zone in the form of the sands of the Big and Small Badgers, is observed on the Northern Aral Sea. Small in area without a clearly defined southern border protruding into steppe in separate islands, the northern part of the region is occupied by forest-steppe. The relict tract, with the concentration of forest outliers - Urkach (Orkash), goes deep into the steppe, near the junction of Ilek, Emba and Ori [Чиби́лев 1987: 86–103].

The concept is applicable to the Aktobe region in the geographical aspect «Aral-Mugalzhar region», with an extensive hydro-network, mountain system Mugalzhar, relict sands of Orkash, Barkyn, massifs of Big and Small Badgers, Nura spills. The richness and variability of geographic niches suggests a wide range of monuments, which is confirmed by both existing, discovered and studied, and little-studied, information about which comes with random finds and collections. There is a clear division of four geographic microdistricts with reference to the hydro network – the main aspect of life support in all periods of human history. River directions were also factors of delimitation of nomads, to some extent delineating the boundaries of ethnic and political associations.

The main river of the Northern Aral Sea (Aktobe region) – Ilek with its tributaries, passes in a northerly direction, gradually shifting to the west, to the place confluence with the Urals. The Ilek water territory with tributaries is the first microdistrict. Most numerous sites of the early Iron Age are confined to the Ilek basin, which is understandable from the standpoint of a natural-geographical nature. Ilek - primary, left-bank tributary of the Urals, carrying its waters along the meridian, and thus, most comfortable for nomadism from north to south along its banks. It is full-flowing and itself has rich tributaries capable of ensuring the vital activity of large cattle breeding collectives.

The second microdistrict – Uil-Kobdinsky, western, covering two administrative districts of the Aktobe region, Kobdinsky and Uilsky and the northern part of Bayganinsky district. The Bolshaya Kobda River flows in the meridional direction, Uil for the most part in latitudinal, but in general they represent a single geographical complex, which is confirmed by ethnographic data.

The third microdistrict, Temirsko-Embensky, is located in the central part of Aktobe region, in its southern half. Difficulties are created by the presence of contract territories of oil companies. The territory is rich in monuments of various eras, covering the areas of Mugalzhar, Temir and the northern part of Shalkar districts. The microdistrict is cut by the Mugalzhar mountains, stretching from north to south. This

continuation of the Ural Mountains in the modern geographical tradition is designated as a conditional border between Europe and Asia. Although the mountains themselves are not obstacles, both on monuments and on natural aspects, certain differences can be traced in eastern and western parts of the district. This moment can cause the selection in the group of studied monuments of local variants.

The fourth microdistrict is designated as Or-Irgizsky and covers the southeastern part of the Aktobe region, passing through the territory of modern Irgiz, Khromtau and Aitekebi districts. The microdistrict is characterized as Uil-Kobdinsky transition from the steppe to the semi-desert, but also represents the Eastern Mugalzhar, with access to the Nura spills [Ахатов, Бисембаев 2015: 503–505].

An additional illustration of the events that took place was the natural geographical characteristics of the steppe zone, as they had a significant impact on the placement of historical facts of past human traces and lives. Natural geographic data represent the historical background against which the events of the past took place. The study of the ecological habitat of human communities is an important condition for highlighting problems and constructing historical reconstructions. For development society as a whole, environmental factors, determining both the economic and cultural areas of activity and the pace development. The entire proposed range of methods for studying archaeological material is traditional and proven.

2 Materials and methods

2.1 Methods (*Bissembaev A., Zhanuzak R.*)

In this study, traditional methods of analyzing mass archaeological material are used. When working with the dating of complexes of the early Middle Ages, the method of dating by analogy is used, with the involvement of materials throughout the steppe zone. Work with burials of the developed and late Middle Ages allows the use of statistical-combinatorial methods, identifying the most characteristic features inherent in this period, both in matters of funeral rites and common categories of inventory.

The methods of cartographic analysis allow us to draw conclusions about the prevalence of certain burial complexes throughout the region, taking into account changes in natural and geographical conditions. And the comparative-historical method allows us to determine the place of the studied complexes in the chain of historical events, and link them with specific political moments reflected in narrative sources. It is used in most of the works of domestic researchers

2.2 Materials (*Bissembaev A., Khavansky A., Zhanuzak R., Maitekov D.*)

Study of the monuments of the developed and late Middle Ages on the territory Aktobe region was carried out in three main areas – processing and analysis available materials obtained as a result of research on the territory of the region with the second half of the 19th century to the present, carrying out exploration activities, identifying the most promising areas for the location of the Golden Horde monuments and reconnaissance excavations.

Archaeological monuments of the period of Ulus Jochi or the Golden Horde –13th–14th centuries, on the territory of Kazakhstan quantitatively exceed the monuments of the previous period, pre-Mongol, Kypchak, covering the middle of the 11th – early 13th century. With an even earlier period on the territory of the steppe, the Oghuz-Pecheneg, dating back to the 8th – early 11th centuries, the situation is understandable, since it is associated with confrontation between the Pechenegs and the Oghuz, participation in these events of large ancient Hungarian groups, as well as the Khazar Khaganate, Volga Bulgaria and Kievan Rus, which is well studied by researchers [Артамонов 1962: 352–419; Плетнева 1958]. Archaeological monuments of the Kypchak, pre-Mongol period – the middle of the 11th – beginning of the 13th centuries, are well reflected in the literature, for the most part are present on territories of the Northern Black Sea region. Their

origin is connected with the western grouping of Купчакс, known in Russian chronicles as Polovtsy. On the territory of Kazakhstan monuments of this time are very few in number, their discovery is somewhat accidental, since the vast majority of burials are placed in large barrows during the periods of the Bronze Age or the Early Iron Age [Бисембаевидр. 2006:409–413]. The scarcity of monuments, which often do not have their own burial mound, and mounds of earlier eras “let in” into the mound, probably associate with a certain «depopulation» of the steppe in the 1st centuries of the 2nd millennium and the general unstable situation, forcing the population to “hide” the burials. This aspect, most likely, was associated with a set of reasons, of which the main ones are environmental and political, interconnected. Periodically alternating phases of aridity (drying) and humidity (humidification) of the steppe had a significant impact on such a fine tuned economic mechanism, like nomadic pastoralism. The vast belt of steppes from The Danube to Ordos, stretching for more than ten thousand kilometers, has various conditions throughout. In the western part, it covers the blessed in natural relation of the steppe of the south of Ukraine, the territory of the steppe part of the Crimea, Northern Ciscaucasia. In the central part, these are the Southern Urals and Western Kazakhstan, in eastward from Saryarka to the borders of Southern Siberia and Transbaikalia and Western Mongolia cultural and historical unity of the population of the nomadic world, repeated from early Iron Age, further into the Hunnic and Turkic eras. The development of the steppes, which began in economic relations back in the Bronze Age, was actively continued by the nomadic population in the Middle Ages. By the end of the 10th – the beginning of the 11th centuries in Central Kazakhstan begins to accumulate strength and formation of a new association of nomads separated from the Kimak confederation tribes traditionally localized by researchers in the Irtysh region [Кумеков 1972: 43–47]. As a result of large migration of tribes in the 30s of the 11th century, fundamental changes have taken place in the map of the steppe zone of Eurasia. The wave of movements of nomadic associations and groupings reached Eastern Europe and the borders of the Byzantine Empire. These movements led to the fact that the power of the Syrdarya Yabgu ceased to exist, the Seljuk movement to Asia Minor began, and the steppes of Kazakhstan received a new name - Desht-i Купчак [Ахинжанов 1980: 46–53]. It is the research of S. Akhinzhanov that gave an answer to the question about some «desolation» of the steppe zone in pre-Mongolian period. Most likely the most numerous associations of Купчакс, under the name Polovtsy, moved close to the borders of Kievan Rus, leaving about themselves numerous messages in Russian chronicles [ПСРЛ 1962]. And their eastern group in foreign policy, began to focus on the state of Khorezmshahs, having settled along its borders, and supplied a military contingent. And here the Купчакс get into the field Eastern authors' point of view [Ахинжанов 1973: 60–62; 1995]. Mass resettlement tribes in the 11th century marked the beginning of a new period in the history of medieval nomads. In the vast expanses of the steppe strip of Eurasia from the Dnieper to Altai, the dominant position is occupied by the union of Купчак tribes. Exit to wide political arena and into the zone of active contacts with settled agricultural centers led to the fact that in the narrative sources of that period, in European chronicles, writings of Arabic, Persian authors, Chinese chroniclers increasingly begin to report of nomadic peoples inhabiting the Great Belt of the Steppes.

Archaeological monuments of the Golden Horde time in the steppe zone are presented in two main areas – funerary monuments and settlement monuments. This fact was noted by an outstanding researcher of nomadic antiquities, G. Fedorov-Davydov, emphasizing that it was an artificial the coexistence of the nomadic steppe and the city, based on the unifying force of despotism khan power [Федоров-Давыдов 1976: 114].

Speaking about the systematization of funerary monuments of the 13th–14th centuries, the most was carried out thoroughly on the territory of Western Kazakhstan, where in recent systematic research has been carried out for 30 years and the results of the work of previous years have been summed up

[Бисембаев 2010: 121–180; Марыксин 2012: 243–248]. Recent studies in other regions, in particular, in Central Kazakhstan, show the presence of monuments of the period of the Ulus Jochi of a non-ordinary nature [Кукушкин и др. 2019: 19–31; Сакенов и др. 2021: 134–147].

In general, on the territory of the Eurasian steppe belt from Gorny Altai to the lower reaches of Danube, we can talk about 3000 burials of the era of the Golden Horde, of which more than half are Golden Horde Muslim [Иванов 2015: 17]. Maximum their number falls on the administrative center of the Golden Horde – Middle and Lower Volga region. Next come the neighboring regions of the Southern Urals and Southern Trans-Urals.

Monuments of the second half of the 11th to 14th centuries, were mostly studied in archaeological literature. This phenomenon is explained by the mass nature of the material of this period, the presence of a significant number of striking monuments with a wide range of analogies, appearances of large series of similar monuments in large cemeteries. There are far less robbed graves. All this indicates a significant stabilization of the situation in the steppe in the period under review. In a number of cemeteries operated for a long time, common, characteristic features are developed to testify the burial of this object of people close to the relationship. The presence of cemeteries containing several sites of the same type, makes it possible to compare such kurgan groups between themselves in a number of ways, revealing certain differences.

The side of the world which the burial is oriented towards is an important part of the funeral ritual. It carries aspects of a canonical nature – for Muslim graves must be southwest oriented buried. For the pagan period, the orientation contains information about ethnocultural character. So, in particular, the Western orientation is inherent pre-Mongolian Kypchak groups. The advent of north-facing burials is a marker of Mongolian groups. This situation can clearly be traced back to the first centuries of our era, indicating the penetration of the Hunnic groups into Alanian environment. In general, the orientation of the skeletons is different – western, southern with deviations to the east or west, northeast, in a small amount presented in northwestern, eastern. Northern orientation of the buried presented in a tenth of the total number, which in principle does not contradict the general picture. Moreover, the latest research in Ulytau, the sacred center Middle Ages, showed the difference in the location of burials with a northern orientation, which are located in completely different topographical niches than the monuments the previous period of the Kazakh steppes [Усманова и др. 2020: 184–217].

3 Results (*Bissembaev A., Khavansky A., Zhanuzak R., Maitekov D.*)

Speaking of promising areas for further research, it should be noted the presence on the territory of the Aktobe region of large mausoleums of the Golden Horde time – Abat Baitak, Kyzyltam, Bolgasyn, which at the end of the 14th century were markers of the location of large nomadic groups. The construction of such great monuments is not possible without a significant concentration of human resources, the presence settled agricultural groups, knowledgeable in architectural techniques and methods, capable of making large quantities of fired bricks, and so on.

Purposeful exploration activities along the tributaries of the Uila and Kobda led to discovery of a large necropolis of Koptam, located on the former settlement of the era Ulus Jochi. The necropolis and settlement of Koptam is located 12.5 km to the southwest from the village of Taskopa, Temir district, Aktobe region, on both banks of the large tributary of the Ashchi Uil. A topographic survey was carried out on the main group of mausoleums and a detailed plan for the location of facilities and irrigation facilities was drawn up (fig. 1). A dense arrangement of mausoleums, built from both raw and fired brick of the Golden Horde format 25×25×5 cm, suggests the discovery in future brick-burning complex. These bricks

were used on the mausoleum. It often has tamga signs in the form of various lines, spiral patterns, made on wet brick with fingers (fig. 2). Reconnaissance excavations have shown original architectural techniques in the construction of these structures (fig. 3). The necropolis, covering the former residential buildings, is located on both banks of the AshchiUil and its small tributaries. In addition, the whole area is indented with artificial canals, watersheds and drainage systems, a dense system of irrigation facilities, erected during the active functioning of the settlement. Primary research showed the prospects of the study of this settlement and its environs.

Exploration activities on the territory of the Temiro-Embensky local microdistrict, in the basin of the middle course of the Temir river and reconnaissance excavations allowed to receive the original burial of the Golden Horde warrior in a small burial mound Taskuduk I, which is located 4.8 km south-west of the settlement point Temir Aktobe region. The burial ground is located on top of a plateau-like, latitude-oriented hill, in the middle of the river. Temir and its right tributary, Taskuduk.

A small mound No. 2 is located on a cape-shaped ledge in the western part of the plateau. Its diameter is 7 m, height – 0.45 m, and the shape of a small stone. The mainland is light gray clay. A grave pit was found in the northern part of the barrow. Oriented along the meridian, with a slight deviation to the east, pit-shape sub rectangular, widening to the north. Pit length 210 cm, width in the southern part 74 cm, in the north – 86 cm. At a depth of -90 cm from the level of the mainland, a wooden ceiling made of processed boards with hollowed out grooves along the edges and panels in the middle part. A step was carved along the perimeter of the pit, forming a kind of ground coffin. After removing the ceiling, it turned out that processed boards, were parts of the double door of the yurt, with baked hinges in slotted grooves, etc.

At the bottom of the pit (-125 cm from the level of the mainland), an elderly man rested back head to the north with a deviation to the east (fig. 4). The left arm is slightly bent at the elbow, brushed on the pelvic bones. The head rests on a wooden structure such as a table (remains of legs are present). To the left of the skull, the scapula and ribbed bones of the small horned livestock. Below them, to the left of the skeleton, is a birch bark quiver with baked iron arrowheads (fig. 5). Under the quiver was a long “T”-shaped object with a hat. Below the ribs (solar plexus area) – the remains of an iron knife in a wooden case. In the region of the occipital part of the skull – bronze cone-shaped pendants (hat decorations).

The location of the iconic, sacred mausoleum of Abat Baytak in the Uly Kobda basin is directly related to the habitation of a large nomadic group that was important in the Jochi Ulus system. In this case, there is a transfer of the hydronym – the Kobdo River flows in Western Mongolia. Traces of settlements of the late Middle Ages are found along the bed of the Uly Kobda River. A large number of fragments of chigirny (water-lifting) vessels were found. The area around the mausoleum of Abat Baytak is filled with small funerary structures of the Golden Horde period (fig. 6). The survey of the territory adjacent to the mausoleum is complicated by the fact that there is an intensive expansion of the modern cemetery, which overlaps ancient burials with its structures.

In this regard, the absence of a large settlement (as near Abat Baytak villageTaldysai) not far from the heavily destroyed Kyzyltam mausoleum in the Kargaly district of Aktobe region, allowed to preserve the space adjacent to the mausoleum in the form in which it was formed at the time of the mausoleum’s construction. Unfortunately, the mausoleum, located on the northwestern shore of the large Kargaly reservoir, 14 km southwest of the village of Kos-Estek, has been severely destroyed today. Its initial state can only be assumed (fig. 7). The adjacent territory, as well as that of Abat Baytak, is filled with small burial structures of the medieval period. The natural and geographical factor plays a role here – Kyzyltam is located on a blackened rocky elevation, the entire soil is filled with small rubble, which makes it difficult to construct burial structures and dig grave pits, unlike the location of Abat Baytak, on the loose sandy soils of the left bank of the Uly Kobda.

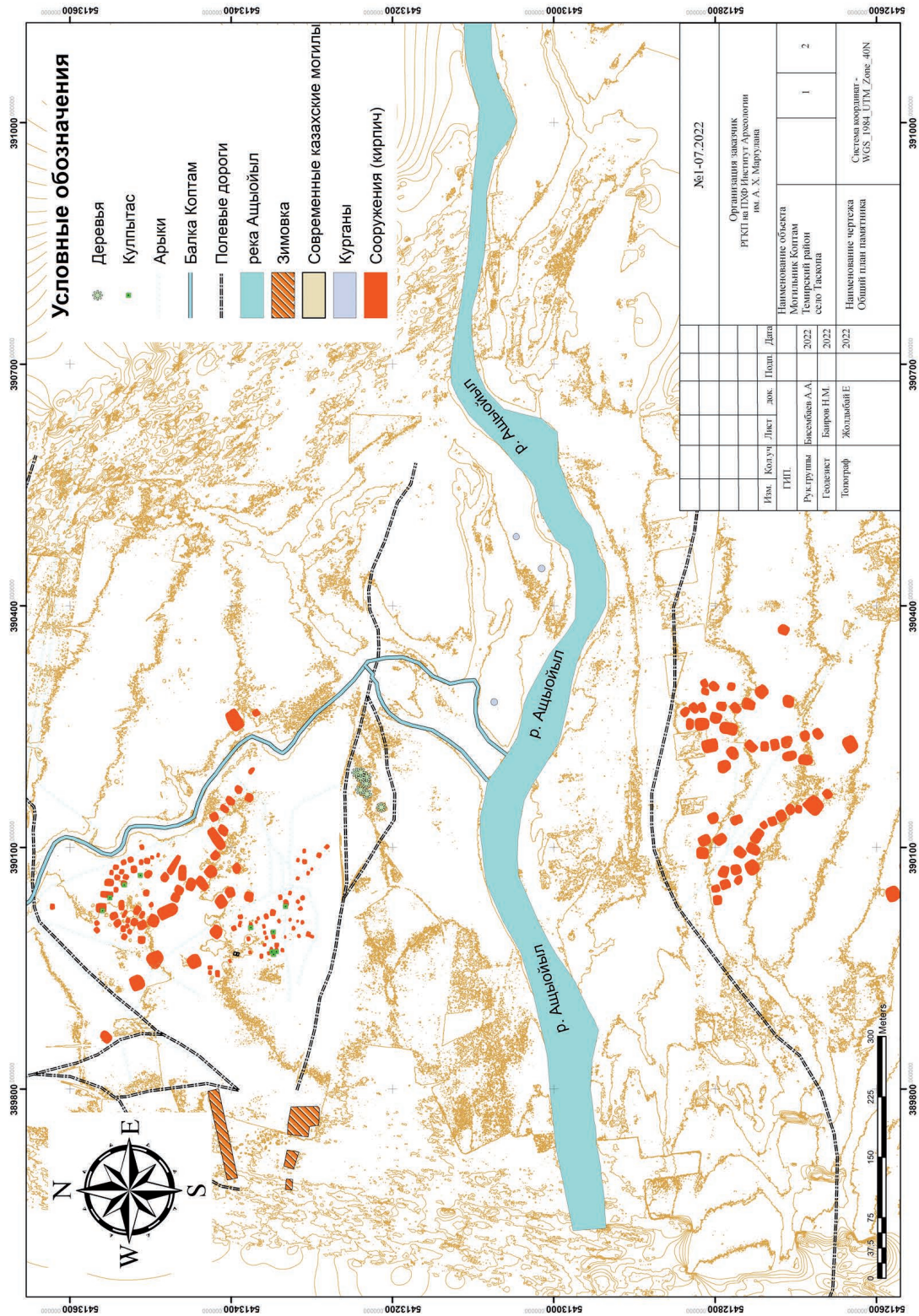

Fig. 1. Topographic plan of the necropolis and settlement of Koptam. Photo by N. Bairov
1-сур. Коптам қонысы мен қорымының топографиялық жоспары. Н.М. Баиров түсірген фото

Рис. 1. Топоплан некрополя и поселения Коптам. Фото Н.М. Баирова

Fig. 2. Koptam. Bricks with tamga signs. Photo by A. Bissembaev
2-сур. Көптам. Тамғалардың суреттері салынған кірпіштер.
А.А. Бисембаев түсірген фото
Рис. 2. Коптам. Кирпичи с тамгами. Фото А.А. Бисембаева

Archaeology into an independent scientific structure. But, even at the same time, the volume of purposeful research of monuments of the era of the Ulus of Jochi has not increased significantly. Unfortunately, the research is still episodic and fragmentary. Although in recent years, specialized studies have been devoted to the iconic monuments of this time – the mausoleum of Jochi, the Kalbasun Tower, Bolgan ana [Усманова и др. 2022: 74–80].

The chronological group of monuments of the developed and late Middle Ages is very representative. The total volume of materials is quite sufficient for cartographic and other analysis. A number of burial grounds located very close and having one common name, but with different numerical definitions – I, II, III, IV, etc. on the map have one designation, since in most cases they represent one complex divided into parts by the authors of the research. The general placement of burial grounds on the map shows their uniform distribution over the area of the studied region. Some accumulation is observed in the western part beyond the Ural River, in the basins of the Bolshoy and Maly Uzen. The eastern zone is slightly inferior in the number of monuments. These monuments are completely absent in the southern part in the desert zone. However, this does not mean their absolute absence. This moment is explained by the weak knowledge of

Actually, on the territory of Western Kazakhstan at the moment, it is possible to operate with the data of almost two hundred burial complexes belonging to the period of the developed and late Middle Ages, which are combined into a schematic and largely conditional division into three groups: 1) burials in simple pits, without horse bones; 2) burials in pits of a complicated type (with ledges, pads) with or without horse bones; and 3) burials with features of a new ideology – raw fences on buried soil and brick laying in the backfills of grave pits, as well as committed in mausoleums from burnt brick.

Archaeological research of the monuments of the nomadic population of the developed and late Middle Ages of the territory of Kazakhstan has been conducted for about 150 years, since the middle of the 19th century. Until today, the work in this direction has been unclear. After 1991, the modern (third, after the pre-revolutionary and Soviet) stage in the history of the study of archaeological monuments of medieval nomads began, coinciding with the separation of the Margulan Institute of

Fig. 3. The mausoleum Koptam after the removal of the embankment. View from the quadrocopter.
Photo by A. Bissembaev

3-сур. Көптам кесенесі тазарту жұмыстарынан соң. Жоғарыдан түсірілген көрініс.
А.А. Бисембаев түсірген фото

Рис.3. Мавзолей Коптам после снятия насыпи. Вид с квадрокоптера. Фото А.А. Бисембаева

the southern part of Western Kazakhstan. Mapping of monuments of the pre-Mongol and Golden Horde times, united in the chronological group of the 11th–14th centuries, shows that the existing distribution of mounds with various ceremonial features in the literature into two local groups – mounds with earth mounds of the western group and mounds with stone mounds of the eastern group, with the boundary between the groups along the meridional line near Aktobe, has not been confirmed [Иванов, Кригер 1988: 43; Иванов, Яминов 1993: 154–160]. In addition, the number of intake burials is significantly reduced.

The most important element characterizing the culture of the medieval population is the inventory complex inherent in the period of the 13th–14th centuries. A number of items have a narrow chronological

Fig. 4. Taskuduk I. Grave pit. Photo by A. Bissembaev
4-сур. Тасқудық I. Қабір шұңқыры. А.А. Бисембаев түсірген фото
Рис. 4 Тасқудук I. Могильная яма. Фото А.А. Бисембаева

Fig. 5. Taskuduk I. Detail of the burial. Birch quiver. Photo by A. Bissembaev
5-сур. Тасқудық I. Жерлеу бөлшегі. Қайың ағашының қабығынан жасалған қорамсақ.
А.А. Бисембаев түсірген фото
Рис. 5. Тасқудук I. Деталь погребения. Берестяной колчан. Фото А.А. Бисембаева

Fig. 6. The necropolis of Abat Baytak. Work on the identification of related burials. Photo by A. Bissembaev
6-сур. Абат-Байтақ қорымы. Жерлеу орындарын анықтау жұмыстары. А.А. Бисембаев түсірген фото
Рис. 6. Некрополь Абат Байтак. Работы по выявлению сопутствующих захоронений. Фото А.А. Бисембаева

framework of existence, which affects the accuracy of determining the date of the monument. Some categories have very wide boundaries of existence, they can be used as a chronological reference point auxiliary. All objects have a pronounced nomadic character, their number and composition in the graves reflect the gender of the deceased, to some extent show moments of social differentiation in society.

4 Analysis and discussion of the material (*Bissembaev A., Khavansky A., Zhanuzak R., Maitekov D.*)

The turbulent political events that took place in the 11th–14th centuries were also reflected in the archaeological material, which allowed researchers to divide the monuments into three chronological groups: 1) pre–Mongol (11th– the beginning of the 13th centuries); 2) Golden Horde, pagan (mid-13th – first third of the 14th centuries); 3) Golden Horde Muslim (mid-14th– the beginning of the 15th century). This chronological division is based on the dating system developed by G. Fedorov-Davydov. The reliability of the dating complement the burial with coins. There is a developed nomenclature in the literature, with a traditional scheme of division into types according to the available classification schemes, which has justified itself by many years of verification. Therefore, the development of a new classification is not necessary [Федоров-Давыдов 1966; Иванов, Кригер 1988].

Fig. 7. The Kyzyltam necropolis. Inspection of the mausoleum and the surrounding area. Photo by A. Bissembaev
7-сур. Қызылтам қорымы. Кесенені және оның маңындағы аумақты зерттеу сәті.
А.А. Бисембаев түсірген фото

Рис. 7. Некрополь Кызылтам. Обследование мавзолея и прилегающей территории. Фото А.А. Бисембаева

The similarity in the features of the funeral rite is complemented by the fact that the composition of the inventory being placed in the grave and its individual categories, such as stirrups, bits, arrowheads, mirrors, scissors, earrings, are undergoing a «standardization» stage. There is some unification: a certain set of things made in typological similarity fits into graves with a similar rite. Based on the chronological developments on clothing complexes existing in the literature, taking into account the geographical localization of the West Kazakhstan monuments proper, it seems possible to interpret them chronologically and, to some extent, and entocultural.

The rapid movement of the Mongols, who reached the borders of Western Europe, to some extent resembled the Hunnic multiethnic invasion of the 4th–5th centuries, which took place along the same routes. The similarity in this case was also expressed in the fact that the Mongols, during their movement to the west, involved into the orbit of the invasion the defeated and conquered nomadic tribes. The year 1243, in which Batu settled on the Lower Volga, became the initial milestone in the 150-year history of the state called the Golden Horde. The same period – the middle of the 13th century was the time of the greatest territorial coverage of the lands that were part of the Golden Horde, from the Pruto-Dniester interflue, inclusive, to the Irtysh and Balkhash. The natural boundary in this case was transitional landscapes. In fact, the Golden Horde has completely absorbed the territories on which the Polovtsy-Kipchaks had previously

settled [Еропов 1985: 31–47]. Further in time, geographical trends went in the direction of reducing territories.

In the literature, there is a thesis from the message of a medieval author, given by V. Tiesenhausen, that Genghis Khan allocated the population to the eldest son of Jochi, capable of exposing 4000 soldiers in case of military necessity [Тизенгаузен 1884: 33]. This fact, perhaps, can serve as an explanation for the fact that in archaeological term, the Mongols do not stand out in any specific group, it is impossible to identify any monument with a sufficient degree of certainty and link it directly with the Mongols. Although the changes associated with the Mongol invasion can be traced in the monuments. The number of burials with the northern orientation sector is sharply increasing, which probably recalls the advance of tribes from the east. The shift in orientation bears the imprint of ethnic and religious changes, expressed in the fact that the south was the cult side of the world for the Mongols. As part of the inventory, birch bark tubes and figurines of men – ongons, cut from a sheet of metal (silver, bronze, copper, etc.) appear. If the figures of little men are spread insignificantly and compactly, mainly in the Volga region [Федоров-Давыдов 1965: 275], then «bokka» is a very, very characteristic object for women's burials of the 13th–14th centuries. To some extent, this prevalence can be explained with a high degree of conditionality as the influence of “fashion” in nomadic society, as well as the spread during the 13th–14th centuries of ornamented bone overlays on quivers that do not carry significant functions other than aesthetic.

Another feature in the funeral rite is highlighted by G. Fedorov-Davydov, as brought from the east – the construction of podboi. They summarize and highlight the features that became much more frequent and appeared in the Golden Horde period, namely, the northern orientation of the buried, without horse bones, stone layouts over graves and lining [Федоров-Давыдов 1966: 160].

The Golden Horde period was marked by migrations going not only in the western, but also in the eastern direction, caused, most likely, not by the reasons of the natural-geographical order, but by the forced resettlement of tribes conducted by the Mongols. This point is confirmed by the reappearance in the Volga region of early types of burials characteristic of the Oguzo-Pecheneg period. But at the same time, the number of such monuments in the areas of the Ros, the Lower Don, and the Azov Sea is decreasing. That is, a mixture of different types of burials and categories of inventory, different chronological and geographical affiliation is recorded [Шнайдштейн 1985: 78–81].

The end of the 13th and the beginning of the 14th centuries were marked by a short-term economic upsurge in the conquered territory, which is associated with the activities of a separate group of Mongolian feudal lords, who understood that permanent robbery leads to impoverishment of the population and is a source of enrichment for «one day». For permanent economic exploitation, it is necessary to recreate the previously existing economic infrastructure. Therefore, in the period from the end of the 13th to the 60s of the 14th centuries, the restoration of old economic ties takes place and the restoration period is especially pronounced in urban planning over the vast territory of the Golden Horde. But the construction of urban centers in a short time and with the maximum use of the driven human resources was carried out without taking into account historical, geographical and economic aspects, which was the main reason that after the desolation there were no attempts to restore the destroyed Golden Horde cities and the population did not develop them again. The cities of the Golden Horde for the most part existed for a short time, compared with the urban centers Zhetysay and Southern Kazakhstan. It was during the 13th–14th centuries, that is, during the existence of the Golden Horde, the largest number of burials occurred. According to the main and most obvious signs, they can be divided into two groups: 1) burials performed according to a pagan rite and 2) burials bearing the imprint of Islam. The first group has a wide chronological range from the beginning of the 13th to the beginning of the 14th centuries and has a significant “spread” in the features of the funeral rite.

5 Conclusion (Bisseмбаев А., Ахатов Г.)

The Golden Horde period is marked by changes in the rite, which can be traced in the change of eastern orientation to western and northern. Kurgan mounds, as in the previous period, are constructed with the use of stones, as well as before, traces of trizna are traced. The shape of grave pits is simplified. The custom of placing a horse in the grave is disappearing. Instead, his «symbolization» is observed, expressed in the accompaniment of the deceased with objects of horse harness. Part of the population, of Oguz-Pecheneg origin, resettled by the Mongols from Eastern Europe continues the funerary tradition of placing horse bones in graves, but this ritual is undergoing degradation, expressed in placing only horse hooves near the deceased or in the legs. The degradation and disappearance of the ceremony of placing a horse in the grave may be a direct consequence of the Mongol invasion, which significantly undermined the economic base of the local population.

In addition, during the Golden Horde period, burials appear in various regions, evolutionarily dating back to a slightly earlier time from Southern Siberia. However, they are still known a little [Боталов 1992: 230–239]. The categories of inventory found in the graves of this chronological period go through the unification stage both in configuration and in typology. Among the features should be attributed the birch bark pipe, common at this time in women's burials. Moreover, the «standardization» of inventory can be traced over a significant territory – from the South Russian steppes to Eastern Kazakhstan.

Starting from the middle of the 14th century, the results of the Islamization of nomadic society begin to appear clearly in the funeral rites. A part of the population, especially localized near urban centers, begins to bury their dead in maximum compliance with established canons: constructing brick crypts, placing bodies in graves wrapped in a shroud, facing Mecca, without accompanying equipment.

At the same time, there is a gender-age differentiation in burials – women's and children's burials are performed according to a simplified ritual. Another part of the population, most susceptible to nomadic traditions, continues to bury tribesmen for a long time, formally observing the rituals of Islam, orienting in the same directions and continuing to put inventory in graves.

Thus, it should be emphasized that major events in the political life of the nomads of the steppe zone of Eurasia, reflected in the permutations of the dominant tribal groups, also led to changes in ethno-cultural processes, which in turn affected the archaeological material. With all the changes, the general trends of funeral rites are amenable to reconstruction and allow us to trace the change of ritual moments by chronological periods. The territory of the Aktobe region during the developed and late Middle Ages was one of the centers of nomadic associations. Evidence of this is the large cult architectural structures – the mausoleums of Bolgasyn, Abat Baytak, Kyzyltam, for the construction of which the necessary conditions had to exist: the presence of a settled population familiar with architectural techniques and able to produce a significant mass of baked bricks, a high concentration of human resources, significant financial and economic opportunities of the tribal grouping that erected similar structures to its revered kinsman etc.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Артамонов М.И. История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. 523 с.
- 2 Ахатов Г.А., Бисембаев А.А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2015. С. 503-513.
- 3 Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII–начале XIII вв. // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 58-65.
- 4 Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 46-53.

- 5 Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
- 6 Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: [б./и.], 2010. 48 с.: ил.
- 7 Бисембаев А.А., Усманова Э.Р., Боталов С.Г. Памятники кыпчакско-половецкого этапа (XI – начало XIII века) // Археология Южного Урала. Степь / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2006. С. 409-413.
- 8 Боталов С.Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр // РА. 1992. № 2. С. 230-239.
- 9 Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
- 10 Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. История, культура, религия. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с.: ил.
- 11 Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 103 с.
- 12 Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Сб. науч. трудов. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 154-161.
- 13 Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А. Кенотаф золотоордынского времени на могильнике Котыртас (Центральный Казахстан) // Археология Казахстана. 2019. № 4 (6). С. 19-31. [DOI: 10.52967/akz2019.4.6.19.31](https://doi.org/10.52967/akz2019.4.6.19.31)
- 14 Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- 15 Марыксин Д.В. Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. 2012, Т. 14, № 3. С. 243-248.
- 16 Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях / МИА № 62. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 185 с.
- 17 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.: АН СССР, 1962. Т. I–II.
- 18 Сакенов С.К., Бурбаева С.Б., Букешева Г.К., Кукушкин А.И. Новые исследования на городище Бытыгай // Археология Казахстана. 2021. № 4 (14). С. 134–147. [DOI:10.52967/akz2021.4.14.134.147](https://doi.org/10.52967/akz2021.4.14.134.147)
- 19 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. Т. I–II. 564 с.
- 20 Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П. Этнокультурный код воинских формирований Улуса Джучи (по археологическим свидетельствам могильника Карасуыр, Улытау, Центральный Казахстан) // Джучи: личность, эпоха, память. Сб. науч. статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Алматы: [б./и.], 2020. С. 184-217.
- 21 Усманова Э.Р., Ускенбай К.З., Кожа М.Б., Панюшкина И.П., Соловьева Л.Н., Ахатов Г.А. Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды, обряд // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 74-80.
- 22 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.
- 23 Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
- 24 Чибилев А.А. Река Урал. Л.: Гидрометеиздат, 1987. 168 с.
- 25 Шнайдитейн Е.В. Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография: межвуз. сб. / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 79-86.

REFERENCES

- 1 Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar (History of the Khazars)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
- 2 Akhatov, G. A., Bissembaev, A. A. 2015. In: Baitanayev, B. B. (ed.). *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii (The Kazakh Khanate in the flow of history)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 503-513 (in Russian).
- 3 Akhinzhanov, S. M. 1973. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Kazakhstane (Archaeological research in Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 58-65 (in Russian).
- 4 Akhinzhanov, S. M. 1980. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 46-53 (in Russian).
- 5 Akhinzhanov, S. M. 1995. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana (Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).

- 6 Bissembaev, A. A. 2010. *Kochevniki srednevekov'ia Zapadnogo Kazakhstana (Nomads of the Middle Ages of Western Kazakhstan)*. Aktope (In Russian).
- 7 Bissembaev, A. A., Usmanova, E. R., Botalov, S. G. 2006. In: Botalov, S. G. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step (Archaeology of the Southern Urals. Steppe)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ., 409-413 (in Russian).
- 8 Botalov, S. G. 1992. In: *Rossiiskaya arkheologiya (Russian Archaeology)*, 2, 230-239 (in Russian).
- 9 Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 10 Ivanov, V. A. 2015. *Kochevniki Zolotoi Ordy. Istorii, kultura, religiya (Nomads of the Golden Horde. History, culture, religion)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
- 11 Ivanov, V. A., Kriger, V. A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.) (Burial mounds of the Kypchak period in the Southern Urals (12th–14th centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 12 Ivanov, V. A., Yaminov, A. F. 1993. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh steppei (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Ekaterinburg: "Nauka" Publ., 154-161 (in Russian).
- 13 Kumekov, B. E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam (The state of the Kimaks of the 9th–11th centuries according to Arabic sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 14 Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Kukushkin, I. A. 2019. In: *Kazakstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (6), 19–31. DOI: [10.52967/akz2019.4.6.19.31](https://doi.org/10.52967/akz2019.4.6.19.31) (in Russian).
- 15 Maryksin, D. V. 2012. In: *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoy akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center of the RAS)*, 14, No 3, 243-248 (in Russian).
- 16 Pletneva, S. A. 1958. *Pechenegi, torki i polovcy v yuzhnorusskikh stepyah (Pechenegs, Torks and Polovtsians in the Southern Russian steppes)*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
- 17 *Polnoe sobranie russkikh letopisei (The Complete Collection of Russian Chronicles)*. 1962. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. Vol. I–II (in Russian).
- 18 Sakenov, S. K., Burbaeva, S. B., Bukesheva, G. K., Kukushkin, A. I. 2021. In: *Kazakstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (14), 134–147. DOI: [10.52967/akz2021.4.14.134.147](https://doi.org/10.52967/akz2021.4.14.134.147) (in Russian).
- 19 Tizengauzen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otносиashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collection of materials related to the history of the Golden Horde)*. Saint Petersburg, vol. I–II (in Russian).
- 20 Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Paniushkina, I. P. 2020. In: Kushkumbayev, A. K. (ed.) *Dzhuchi: lichnost, epokha, pamiat (Jochi: personality, epoch, memory)*. Almaty, 184-217 (in Russian).
- 21 Usmanova, E. R., Uskenbai, K. Z., Kozha, M. B., Paniushkina, I. P., Solovieva, L. N., Akhatov, G. A. 2022. In: *Arkheologiya Evraziiskikh steppei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 3, 74-80 (in Russian).
- 22 Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlastiyu zolotoordynskikh khanov (Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde Khans)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- 23 Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kultury i iskusstva narodov Evraziiskikh steppei i zolotoordynskikh gorodov (The art of nomads and the Golden Horde. Essays on the culture and art of the peoples of the Eurasian Steppes and Golden Horde cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- 24 Chibilev, A. A. 1987. *Reka Ural (Ural River)*. Leningrad: "Gidrometeoizdat" Publ. (in Russian).
- 25 Shnaidshtein, E. V. 1985. In: Its, R. F. (ed.) *Istoricheskaya etnografiya (Historical ethnography)*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 79-86 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 15.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.09.2022.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.91.41

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.91.102>

2019 және 2022 жж. ортағасырлық Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы

© 2022 ж. Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.Қ.

Keywords: archaeology, Zhankent, «swamp settlements», Aral Sea region, medieval settlement, Syrdarya

Түйін сөздер: археология, Жанкент, «батпақтағы қалалар», Арал маңы, қала-жұрт, Сырдария

Ключевые слова: археология, Жанкент, «болотные города», Приаралье, городище, Сырдарья

Azilkhan Tazhekeyev¹, Zhetesbi Sultanzhanov^{1*}

¹PhD, Head of the Research Center «Archaeology and Ethnography», Kyzylorda University named after Korkyt Ata,

Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: a.tazhekeyev@gmail.com

^{1*}Corresponding author, Master of History, Research Fellow, Research Center «Archaeology and Ethnography», Kyzylorda University named after Korkyt Ata, Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru

On archaeological exploration work carried out in the vicinity of the medieval settlement Zhankent in 2019 and 2022

Abstract. The article presents the results of new exploratory research conducted in the vicinity of the settlement of Zhankent. Since the Middle Ages, the monument has been under the constant attention of merchants, military travelers and statesmen. Medieval authors consider it as the residence of the Oghuz state. In the 18th–19th centuries, the main route of military topographic expeditions of tsarist Russia to Central Asia passed through Zhankent, and their reports contain information about the ruins of the city. Some military travelers even conducted small excavations. Among them, we can mention Lieutenant Colonel A. Maksheev, who left detailed information about toponyms and monuments near Zhankent. The surroundings of this monument were first archaeologically studied by the Khorezm archaeological and Ethnographic expedition led by S. Tolstov, and since 2005, the staff of the Kyzylorda University named after Korkyt Ata have conducted comprehensive research in cooperation with Russian and German scientists. In general, historical data indicates that in the 6th–7th centuries in the lower reaches of the Syrdarya there is a decline of the Zhetyasar culture. However, in the north-western part of the Zhetyasar tract, a group of Ordaza monuments is being formed (Sortobe 1–3 settlements) and on the eastern coast of the Aral Sea – the cities of Kesken-Kuyuk Kala, Kuyuk Kala and Zhankent, belonging to the culture of “swamp settlements”. Exploration works in 2019 and 2022 in the Zhankent area show that there are still undiscovered monuments in this area. For example, as a result of archaeological research, the new cities of Karatobe and Asartobe and the trade routes connecting them were identified. Another purpose of the exploration was to search for the burial ground where the residents of Zhankent were buried.

Citation: Tazhekeyev, A., Sultanzhanov, Zh. 2022. On archaeological exploration work carried out in the vicinity of the medieval settlement Zhankent in 2019 and 2022. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 91–102 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.91.102](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.91.102)

Әзілхан Әуезханұлы Тәжекеев¹,
Жетесби Қанапияұлы Сұлтанжанов^{1*}

¹PhD, «Археология және этнография» ғылыми орталығының жетекшісі, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан
^{1*} корреспондент авторы, тарих магистрі, «Археология және этнография» ғылыми орталығының ғылыми қызметкері, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан

2019 және 2022 жж. ортағасырлық Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы

Аннотация. Мақалада Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген жаңа археологиялық барлау жұмыстарының нәтижелері берілген. Жанкент ортағасырлардан бастап саудагерлердің, әскери саяхатшылар мен мемлекеттік қызметшілердің үнемі назарында болған. Ортағасырлық авторлар оны оғыз мемлекетінің ордасы ретінде қарастырады. XVIII–XIX ғғ. патшалық ресейдің Орта Азияға жасаған әскери-топографиялық экспедицияларының негізгі жолы Жанкент үстімен өтіп, олар қала-жұрт қирандысы жайлы мәліметтер беріп отырған. Тіпті кейбір әскери саяхатшылар шағын қазба жұмыстарын да жүргізген. Жанкент маңының жер-су атаулары мен ескерткіштері жайлы толығырақ дерек қалдырған подполковник А.И. Макшеевті айтуға болады. Ескерткіш маңын археологиялық тұрғыда алғаш С.П. Толстовтың жетекшілігімен Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы зерттеді. 2005 ж. бастап Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті орыс, неміс ғалымдарымен бірлесіп кешенді зерттеулерді жүргізіп келеді. Жалпы, тарихи деректер VI–VII ғғ. Сырдарияның төменгі алқабында жетіасар мәдениетінің жойылғанын айғақтайды. Дегенмен, Жетіасар шатқалының солтүстік-батыс бөлігінде Ордазы ескерткіштер тобы (Сортөбе 1–3 қала-жұрттары) және Арал теңізінің шығыс жағалауында «Батпақты қалалар» мәдениетіне тиесілі Кескен-күйік қала, Күйік қала, Жанкент қалыптаса бастайды. Мақалада келтірілгендей 2019 және 2022 жж. Жанкент маңына жүргізілген барлау жұмыстары әлі де болса бұл аймақта ашылмаған ескерткіштердің бар екенін көрсетіп отыр. Мысалы, археологиялық барлау нәтижелерінде Қаратөбе мен Асартөбе жаңа қала-жұрттары және оларды байланыстырған сауда жолдары анықталды. Барлау жұмыстарының тағы бір мақсаты, осы уақытқа дейін анықталмаған Жанкент тұрғындарын жерлеген қорымының орнын табу болды.

Сілтеме жасау үшін: Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.Қ. 2019 және 2022 жж. ортағасырлық

Азилхан Ауезханұлы Тәжекеев¹,
Жетесби Қанапияевич Сұлтанжанов^{1*}

¹PhD, руководитель научного центра «Археология и этнография», Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан
^{1*} Магистр истории, научный сотрудник, научный центр «Археология и этнография», Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

Об археологических разведках, проведенных в окрестностях средневекового городища Жанкент в 2019 и 2022 гг.

Аннотация. В статье представлены результаты новых разведочных исследований, проведенных в окрестностях городища Жанкент. С эпохи средневековья памятник находился под постоянным вниманием купцов, военных путешественников и государственных деятелей. Средневековые авторы считают его резиденцией Огузского государства. В XVIII–XIX вв. через Жанкент проходил основной маршрут военно-топографических экспедиций царской России в Среднюю Азию, и в их отчетах есть сведения о руинах города. Некоторые военные путешественники даже проводили небольшие раскопки. Среди них можно упомянуть подполковника А.И. Макшеева, оставившего подробные сведения о топонимах и памятниках близ Жанкента. Окрестности данного памятника были впервые археологически изучены Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С.П. Толстова, а с 2005 г. сотрудники Кызылординского университета имени Коркыт Ата проводят комплексные исследования в сотрудничестве с российскими и немецкими учеными. В целом исторические данные свидетельствуют о том, что в VI–VII вв. в низовьях Сырдарьи происходит упадок Жетыасарской культуры. Однако в северо-западной части урочища Жетыасар формируется группа памятников Ордазы (городища Сортөбе 1–3) и на восточном побережье Аральского моря – города Кескен-куюк кала, Куюк кала и Жанкент, относящихся к культуре «болотных городищ». Разведочные работы 2019 и 2022 гг. в районе Жанкента показывают, что в этой местности до сих пор есть неоткрытые памятники. Например, в результате археологических исследований были выявлены новые города Каратөбе и Асартөбе и соединяющие их торговые пути. Другой целью разведки был поиск места могильника, где были захоронены жители Жанкента.

Для цитирования: Тәжекеев А.А., Сұлтанжанов Ж.К. Об археологических разведках, прове-

Жанкент қала-жұрты маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 91–102-бб. DOI: 10.52967/akz2022.3.17.91.102

денных в окрестностях средневекового городища Жанкент в 2019 и 2022 гг. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 91–102 (на каз. яз.). DOI: 10.52967/akz2022.3.17.91.102

1 Кіріспе (Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.К.)

Жанкент қала-жұрты орналасқан оазисте алғаш рет 1946 ж. Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының археологиялық барлау тобы барлау жұмыстарын жүргізген. Экспедиция барысында әуеден фотосы түсіріліп, археологиялық деректер жинақталып, нәтижелері әртүрлі еңбектерде жарияланды [Толстов 1947: 57–62; 1948: 211; 1962: 198–200]. Алынған керамикалық деректер бойынша С.П. Толстов Жанкентті антикалық кезеңнен (б.д. басынан) X–XI ғғ. аралығында үздіксіз өмір сүрген деп мерзімдеді [Толстов 1947: 63]. Зерттеуші жазба деректердің негізінде, соңғы өмір сүру кезеңінде (X–XI ғғ.) қала «оғыздар патшасының» ордасы болған деп көрсетеді [Толстов 1947: 56; 1948: 246; 1962: 198].

Хорезм экспедициясының барлау жұмыстарының нәтижелері бойынша С.П. Толстов осы оазисте орналасқан ірі қалаларды «Батпақты қалалар» мәдениеті деген атау берді. Оғыз кезеңінің «батпақты қалалары» Қазалының оңтүстігінде жатқан жоспары үшбұрышты келген түбекте орналасқан. Арал теңізінің бұл түбегі солтүстігінде Сырдария арнасымен, батысында Арал теңізімен және оңтүстік-шығысында Қуандария өзенінің ежелгі арнасы құятын батпақты, қамысты аумақпен (Бозкөл шатқалы) шектеседі (1-сур, 1).

Бұл қалалардың ішінде ең ірісі Кескен-күйік қала, содан кейін Жанкент және Күйік қала болып табылады (2-сур). Барлығы дерлік пішіні төртбұрышты, дуалмен және ормен қоршалған. Әрқайсында ірі көлемді цитадель орналасқан (250×250, 50×50 м). Атап кететін жайт, Кескен-күйік қала мен Күйік қаланың Жанкентпен мерзімдес (IX–XI ғғ.) археологиялық деректерімен қатар, жетіасар мәдениетіне (б.д. I мыңж. басы мен VIII ғ.) өте жақын VII–IX ғғ. қамтитын деректердің басымдылығы бар.

2000 жылдары К.М. Байпақовтың жетекшілігімен Жанкент, Кескен күйік қала, Жент, т. б. ескерткіштерде ішінара үзілістермен археологиялық зерттеулер жүрді [Байпаков, Воякин 2009: 26–33; Байпаков и др. 2012: 22–44; Байпаков 2013].

Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің Жанкент археологиялық экспедициясының жеке археологиялық барлау отряды 2010 ж. шілде, тамыз айларында Ә.Ә. Тәжекеевтың жетекшілігімен Жанкент қала-жұртының маңына зерттеу жұмыстарын жүргізді. Барлау жұмыстары барысында 30-дан аса нүкте есепке алынды.

Барлау жұмыстары нәтижесінде Ортағасырлық Жанкент қала-жұрты оазисінде орналасқан ескерткіштерді үш кезеңге бөліп қарастырылды:

1. С.П. Толстовтың пікірі бойынша «батпақты қалалар», б.д. I мыңж. екінші жартысының аяғы – XI ғ. [Толстов 1962: 198].

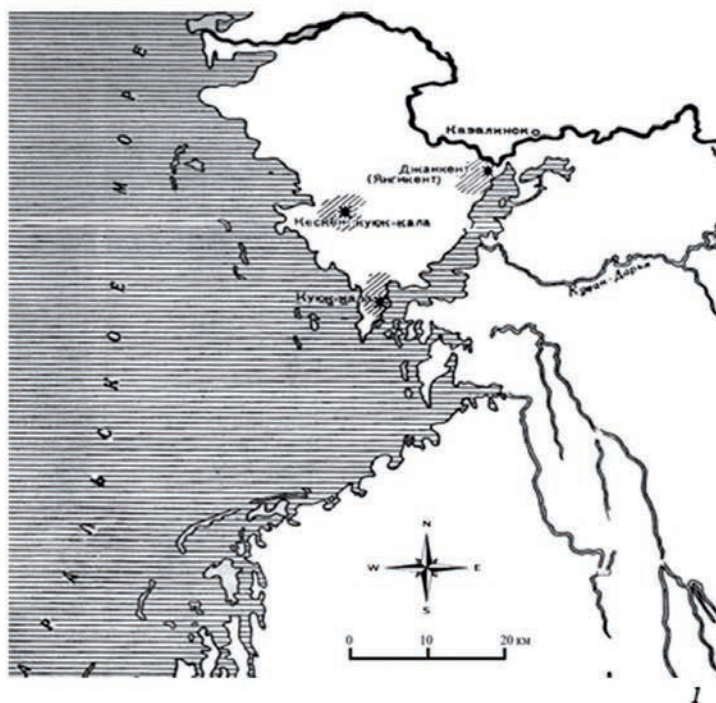
2. Алтын Орда дәуірімен мерзімделетін ескерткіштер (шамамен XIV–XVI ғғ.).

3. Кейінгі ортағасырлық архитектуралық (мавзолей) ескерткіштер (XVIII аяғы – XIX ғ.) [Тәжекеев 2011: 74–79].

2 Әдістер мен материалдар

2.1 Әдістер (Тәжекеев Ә.Ә.)

2019 ж. тамыз айында Жанкент қала-жұртының маңына қайта барлау жұмыстары барысында жоғарыда аталған ескерткіштерден бөлек екі қала-жұрт орны анықталды. Бұл ескерткіштер

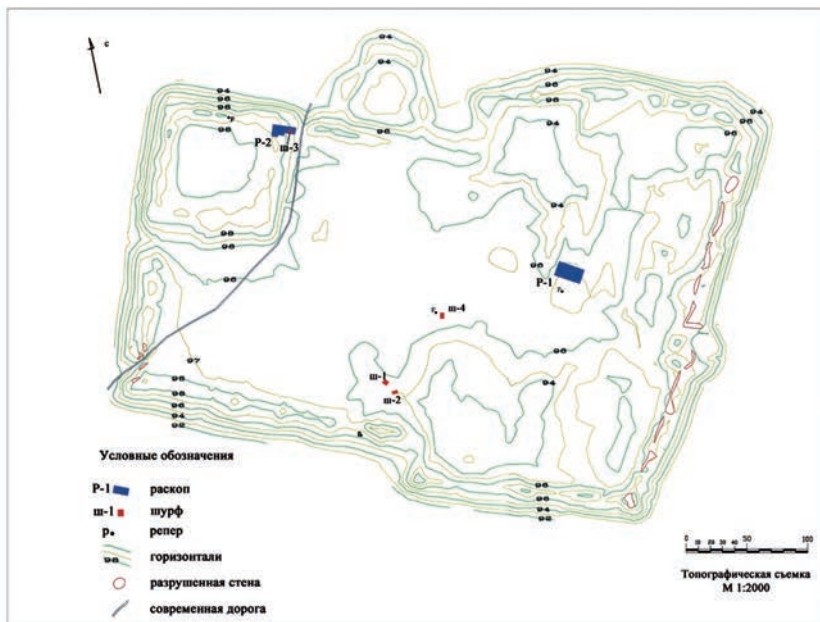

1-сур. 1 – «Батпақты қалалар» орналасуы ([Толстов 1962]: бойынша); 2 – Жанкент қала-жұртының әуеден түсірілген көрінісі (Жанкент археологиялық экспедициясы қорынан алынған)

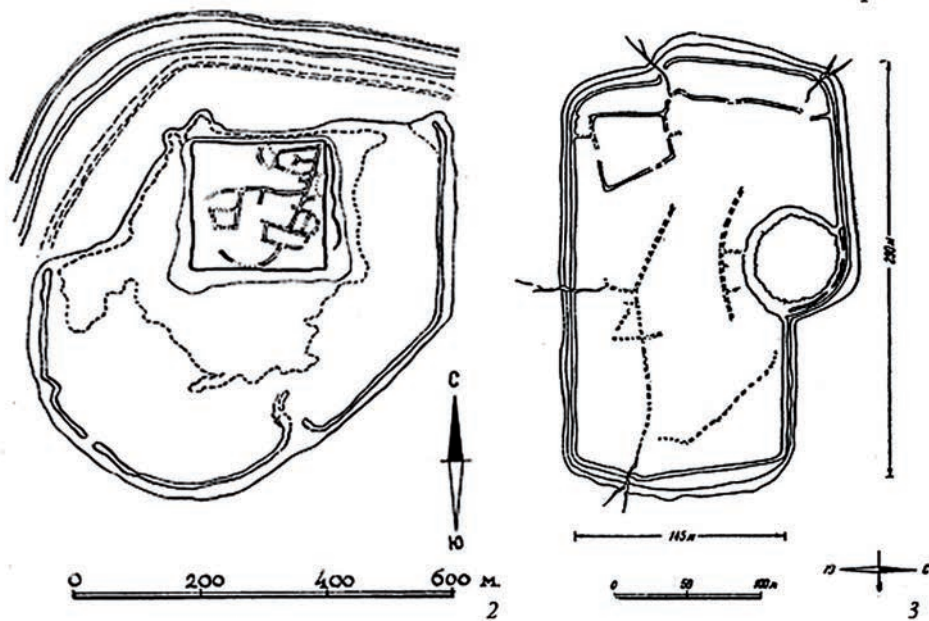
Fig. 1. 1 – Location of “Swamp settlements” (after: [Tolstov 1962]); 2 – Aerial view of the town of Zhankent (from the fund of the Zhankent archaeological expedition)

Рис. 1. 1 – Месторасположение «Болотных городищ» (по: [Толстов 1962]);

2 – Вид с птичьего полета на городище Жанкент (из фонда Жанкентской археологической экспедиции)

1

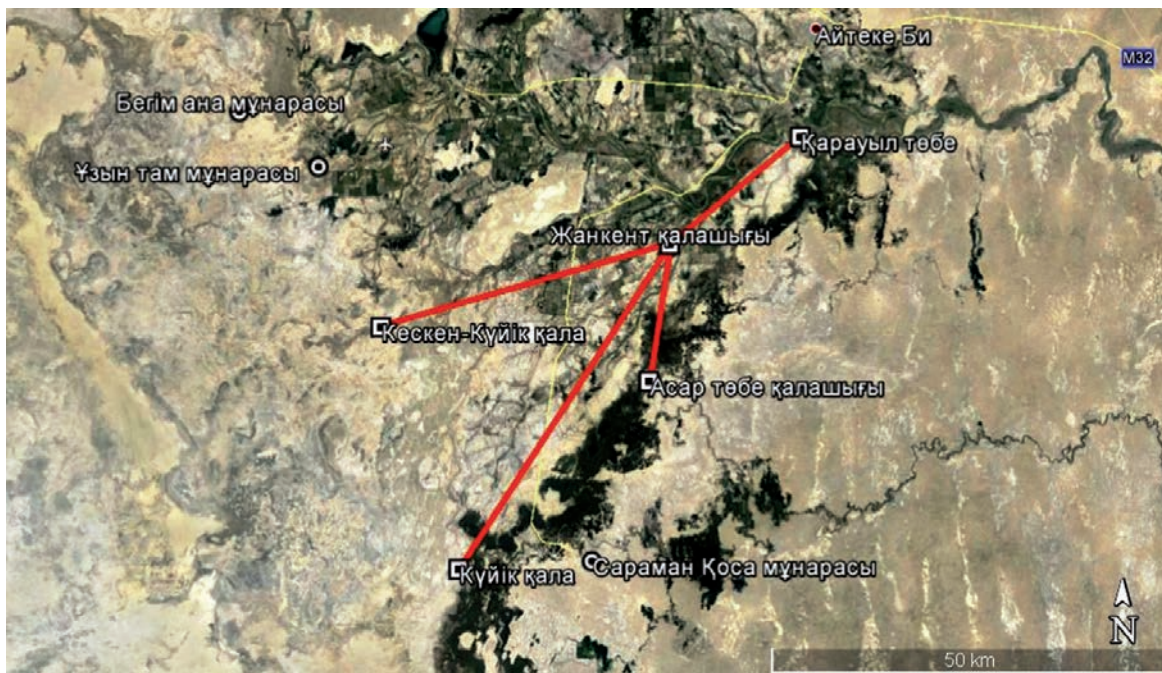
2-сур. «Батпақты қалалар» жоспары. 1 – Жанкент (Жанкент археологиялық экспедициясы қорынан алынған); 2 – Кескен күйік қала ([Толстов 1947: 63]: бойынша); 3 – Күйік қала [Толстов 1947: 64]: бойынша

Fig. 2. 1 – Plan of “Swamp settlements”. 1 – Zhankent (from the fund of the Zhankent archaeological expedition); 2 – Kesken kuyuk kala (after: [Tolstov 1947: 63]); 3 – Kuyuk kala – after Tolstov 1947: 64

Рис. 2. 1 – План «Болотных городищ». 1 – Жанкент (из фонда Жанкентской археологической экспедиции); 2 – Кескен куюк қала (по: [Толстов 1947: 63]); 3 – Куюк қала (по: [Толстов 1947: 64])

«батпақтағы қалалар» санын арттырып отыр (3-сур). Ал 2022 ж. тамыз айында Жанкент тұрғындарының қорымын іздеу мақсатында оғыз дәуірімен мерзімделетін Ұзынтам, Бегім ана мұнаралары төңірегінде ізденіс жұмыстары іске асты.

3-сур. Жанкент маңындағы ірі қалашықтар мен мұнаралы ескерткіштер.
Орындаушы Ә.Ә.Тәжекеев. © Google

Fig. 3. Large settlements and tower monuments near Zhankent. Performer A.A. Tazhekeev. © Google

Рис. 3. Крупные городища и башенные памятники близ Жанкента. Исполнитель А.А. Тажекеев. © Google

Барлау жұмысының мақсаты – археологиялық ескерткіштерді есепке алу, картаға түсіру, географиялық координаттарын анықтау және фотофиксация жасау болды. Ескі арналар мен обалар орнын анықтау мақсатында зерттелген аймақтар дрон арқылы әуеден суретке түсірілді. Айта кету керек барлау алдында зерттеу аймағы жайлы ғылыми әдебиеттерге толық шолу жұмыстары жасалып, маршрут картасы дайындалды. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде Жанкент қаласының маңында орналасқан ескерткіштерге толық сипаттама жасалынып, сақталған деректер бойынша қорытындылар жасалынды.

2.2 Материалдар (Сұлтанжанов Ж.Қ.)

Қара төбе (Қарауыл төбе) қала-жұрты – Қызылорда облысы, Қазалы ауданы, Абай ауылының шығысында, Жанкент қала-жұртынан солтүстік-шығысқа қарай 20 км жерде, Сырдария арнасының сол жағалауында орналасқан (4-сур).

Ескерткіш төбе (шамамен 6–7 м) түрінде сақталған. Жоспары бесбұрышты, қалашықтың шығыс бөлігі кеңдеу келген. Осы бөлігінде пішіні тіктөртбұрышты, көлемі 50×50 м цитаделі орналасқан. Жалпы қалашықтың көлемі шамамен 200×150 м тең. Қалашықтың беткі қабатынан

4-сур. Қара төбе қалашығының әуеден көрінісі. © Google
Fig. 4. Aerial view of the settlement of Kara tobe. © Google
Рис. 4. Вид с птичьего полета городища Кара тобе. © Google

оғыз кезеңінің (Жанкент) қыш ыдыстарын кездестіруге болады. Ескеркіш шамамен IX–XI ғғ. мерзімделеді.

Асар төбе қала-жұрты Жанкент ауылынан оңтүстікке қарай 18 км (Қазалы ауд., Қызылорда обл.), Жанкент қала-жұртынан оңтүстікке қарай 17,5 км жерде, Сырдарияның ескі арнасы (Ескідариялық) бойында орналасқан (5-сур). Ескерткіштің оңтүстік бөлігі Аралдың тартылған табаны болса, солтүстік бетінде 750 м жерде ескі арна ізі жатыр. Оңтүстік іргесінде суы сақталған көлшіктер бар. Қала-жұрттың құрылымы жетіасар мәдениеті ескерткіштеріне ұқсас, яғни, бірнеше қабаттан тұратын, пішіні шеңберлі, бекіністі үлкен үй құрылысына жатады. Мысалы, Алтын-асардың «Үлкен үйі», Бидайық-асар, Жол-асар, Томпақ-асар қала-жұрттарына ұқсас. Қала құрылысының оңтүстік бөлігі биіктеу келген (шамамен 6–7 м), солтүстік бөлігі (1-қабаты) шамамен 4–5 м-ге тең.

Беткі қабатынан аздап қыш ыдыстар сынықтары кездеседі. Ескерткішті шамамен ерте ортағасырлар кезеңімен мерзімдеуге болады.

2022 ж. тамыз айында Ұзынтам және Бегім ана мұнаралары маңында барлау жұмыстары жүрді. Бұл мұнаралар Жанкент қала-жұртынан шалғайда орналасқанымен ғалымдар оғыз кезеңі сәулет ескерткіштеріне жатқызады [Ибраев 1980: 40–44; Байтенов 1985: 45–46; 2007; Қожа 2014: 390–399]. Орта Азия мен Қазақстанда мұндай мұнаралар сирек кездеседі. Бұл мұнаралар жайлы көптеген ғылыми мақалар болғанымен салыну себебі, сәулеттік ерекшелігі, орналасу (Арал теңізіне жағалауы) т. б. мәселелер бойынша жауабы жоқ сұрақтар бар (6-сур).

5-сур. Асар төбе қалашығының әуеден көрінісі. © Google

Fig. 5. Aerial view of the settlement of Asar tobe. © Google

Рис. 5. Вид с птичьего полета городища Асар тобе. © Google

Ұзынтам мұнарасы – Жанкенттен солтүстік-батысқа қарай 45 км жерде орналасқан. Ол шаршы пішінді қам кесектер мен (22–23×22–23×5–5,5 см) күйдірілген кірпіштерді араластыра отырып тұрғызылған. Негізінің диаметрі – 7,30 м, биіктігі – 10 м, қабырғасының қалыңдығы – 1,7 м-ді құрайды.

Ескерткіш қазіргі кезде қатты қираған, өзінің алғашқы кескінін жоғалтқан кіреберіс ойығы солтүстік-шығысқа бағытталған. Қазіргі кезде кіреберіс ойығы орналасқан қабырғаға қарама-қарсы бетте үлкен саңылау пайда болған. Жоспарында дөңгелек тәріздес болып келген мұнара жоғарыға қарай тарыла түседі. Мұнара ішінде парабола кескінді күмбез камерасы бар. Шамасы, бұл бөлме күйдірілген кірпішпен қапталса керек. Мұнараның парапеті өзінің алғашқы бейнесін жоғалтқан. Ескерткіштің жанында қазақ қорымдары бар [Тәжекеев, Сұлтанжанов 2018: 239–246]. Қайта барлау барысында оғыз кезеңіне қатысты обалар іздері табылмады.

Белгілі архитектор Е.М. Байтеновтың пікірінше, *Ұзынтам мұнарасы* Орта Азиядағы «мұнаралы кесенелер» атауымен белгілі ескерткіштердің прототипі болып есептеледі.

Бегім ана мұнарасы – Жанкент қала-жұртынан солтүстік-батысқа қарай 56 км қашықтықта, ескерткіш төңірегінен биіктеу жайдақ төбеде орналасқан. Қам кесектен тұрғызылған Бегім на мұнарасы шаршы пішінді күйдірілген кірпіштермен (23×23×5/6 см) қапталған. Мұнара сегіз қырлы, жоғары қарай тарылған – ол, сегіз қырлы кесілген пирамида іспетті күмбезбен жабылған. Мұнара діңі ортасына дейін монолитті, одан жоғары тас төбелік үлкен тесігі бар жоспарында дөңгелек күмбезді камера орналасқан. Бұл бөлмеге ескерткіш биіктігінің ортасында орналасқан аркалы ойық апарады. Камераның жоғарғы бөлігі күйдірілген кірпіштермен қапталған, камераның үстінде еңкішті парапетпен қоршалған алаңша бар. Қазіргі кезде ескерткішке жөндеу жұмыстары жүргізілген, бірақ, өкінішке қарай оның алғашқы нобайынан ешқандай элемент сақталмаған [Тәжекеев 2017: 498–500].

1

2

б-сур. 1 – Ұзынтам мұнарасы; 2 – Бегім ана мұнарасы. Суреттерді түсірген Ж. Сұлтанжанов

Fig. 6. 1 – Uzyntam Tower; 2 – Begim ana Tower. Photo by Zh. Sultanzhanov

Рис. 6. 1 – Башня Узынтам; 2 – Башня Бегим ана. Фото Ж. Сұлтанжанова

Қайта барлау жұмыстары барысында Бегім ана мұнарасынан солтүстік-батысқа қарай 11 км жерде, ескі арна бойында Токмақ шатқалы деп шартты атау берілген құмды төбе үсті зерттелді. Әуеден обаға ұқсас үйінділер желдің әсерінен пайда болған төбелер болып шықты. Мысалы, Жанкенттің іргесіндегі төбені жергілікті халық Мыңтөбе атап кеткен, дегенмен бұл обалар емес қарапайым табиғи төбешіктер. Жанкент қорымы ашық тақырып болып қала береді. Алдағы далалық зерттеу жұмыстары кезінде биыл қамтылмаған аймақтарға барлау жұмыстары ұйымдастырылатын болады.

3 Нәтижелер мен талдау (Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.Қ.)

VII ғ. Арал маңы керамикалық кешені тұрғысынан төмендегідей аймақтарға бөлінеді: Оңтүстік Хорезм (солтүстік-шығысындағы мал шаруашылығымен айналысатын өңірмен тығыз байланыста болған афригид мәдениеті), Әмударияның оң жағалауындағы солтүстік Хорезм – Кердер аймағы (кердері мәдениеті), екі ауданға бөлінетін Шығыс Арал маңы: ежелгі Қуандария мен Ескідариялық арналарындағы жетіасар кешені және қазіргі арнаға жақын, Сырдарияның сол жағалауындағы «батпақты қалалар» ауданы. Бұл аймақтар мен аудандардың барлығы тығыз мәдени және этникалық байланыста болған деп айтуға болады.

Сырдарияның төменгі ағысында б.д. I мыңж. тұрақты, өзіндік ерекшелігі бар мәдениет өркендеген. Жетіасар I және II кезеңдерінде (б.д. I мыңж. жартысы) Ортаңғы Сырдария аудандарындағы мәдениеттерден (Отырар-Қаратау, Қауыншы) басқа көршілес аймақтармен тығыз байланыста болғандығын көреміз. Тұрғын санының көп болуына, өмір сүруге ыңғайлы факторларға байланысты, сол уақытта жергілікті жерді, яғни Сырдарияның төменгі алқабын мекен етіп қалуы мүмкін. Сол уақытта Жетіасар мәдениетінің территориясы барынша ұлғайып, Әмударияның оң жағалауы мен Сырдария өзені арасындағы аудандарды қамтып, жетіасарлық тұрғындардың үлкен бөлігі осы аймақтарға көшеді. Л.М. Левинаның пікірінше, Жетіасар III кезеңінде (VI–VII ғғ.) Жетіасар шатқалындағы ескерткіштердің басым көпшілігі өмір сүруін тоқтатады [Левина 1996: 5–9; 1997: 3–14].

Үшінші кезеңнің аяғында Жетіасар шатқалы шөлге айналып, жетіасар мәдениеті Сырдарияның төменгі ағысында жойылады. Бірақ, Жетіасар шатқалының солтүстік-батысында, қазіргі Сырдарияның сол жағалауында Сортөбе I, II сияқты қалалар өмір сүруін жалғастырып [Құрманқұлов және т. б. 2011: 27–32], Арал теңізінің шығыс маңында Кескен-күйік қала, Күйік қала, Жанкент, Қарауыл төбе (Қара төбе), Асар төбе сияқты, яғни, «батпақты қалалар» қалыптаса бастайды.

4 Қорытынды (Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.Қ.)

Жанкент маңының тарих-географиялық келбеті қазіргі уақытта қатты өзгерген. Ежелгі қоныстар, жерлеу орындары, суландыру жүйелері мен егістік алқаптар үстіне мыңдаған гектар күріштік және бақшалық алқаптар, ірі магистралды каналдар мен жүздеген арықтар (жап) түскен. Тек ірі қалашықтар мен сәулеті бар құрылыстар сақталған. Соған қарамастан барлау жұмыстары жақсы нәтиже беріп отыр. Жанкенттің солтүстік-шығысында орналасқан Қара төбе қалашығы арқылы сауда жолының келгенін байқауға болады. Қорқыт ата қорымы (Жосалы маңы) жанындағы Ордазы қалалар тобынан (Сортөбе 1–3) шыққан керуен Байқоңыр маңындағы Жігіт қала (Тас өткел), Майлыбас өткелі маңындағы Қорғаншы қалашықтары (керуен сарай) арқылы Қара төбеге және Жанкентке өткен.

Енді Жанкент қорымына келсек, ол қала-жұрт маңында болуы мүмкін, бірақ, ескерткіштің шығысы мен батысынан бірнеше каналдар өтіп, егістік алқаптар түсіп кеткен. А.И. Макшеевтің дерегінде: «Жанкенттен батысқа қарай бірнеше шақырым жердегі қорым бар және жергілікті халықтың айтуынша онда Дәулібай, Мыңтай, Дәке және Саян батырлар жерленген. Қорымда басым бөлігі күйдірілген кірпіштен тұрғызылған жиырмаға жуық ірі жартылай қираған тамдар (авт. – жерлеу құрылыстары) бар. Кейбір қырғыздардың (авт. – қазақтар) айтуынша бұл Жанкентке тиесілі, тіпті, бұл жерде хандар жерленген, ал кейбіреулерінің пайымдауынша осы жерде Жанкенттен де үлкен қала болған» [Макшеев 1856: 516–517]* (*аудармасы авт.). Бұл дерек Жанкент іргесіндегі Алтын Орда кезеңімен мерзімделетін Мыңтөбе қалашығы болуы да ықтимал.

Қуандария, Ескідария және Сырдария өзендерінің Арал теңізіне құяр маңы, яғни, Жанкент қала-жұрты оазисі көне заманнан тұрақты сауда, Орта Азия және Қазақстан аймағындағы көшпенділерінің мәдени және этникалық қарым-қатынас, сонымен қатар, көшпенділер өркениеті мен ортаазиялық отырықшы оазистерін байланыстырған аймағы болған. Осы жерде атақты сауда жолдарымен (әсіресе Ұлы Жібек жолы) бірге, тарихи миграция жолдары және олардың өзіндік тоғысу іздері жатыр.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований ЮККАЭ). Кн. II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 514 с.
- 2 Байпаков К.М., Воякин Д.А. Города Приаралья: Дженд, Асанас, Барчкент // Вестник МИЦАИ. 2009. Вып. 10. С. 26-33.
- 3 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ильин Р.В. Города Хувара и Янгикент – старая и новая столицы государства огузов // Вестник МИЦАИ. 2012. Вып. 12. С. 22-44.
- 4 Байтенов Э.М. Загадка башни Узун-там и другие памятники Приаралья // Памятники истории и культуры Казахстана. Алматы: Казахстан, 1985. С. 45-46.
- 5 Байтенов Э.М. Казахские мунара // Архитектурное наследство. М.: Стройиздат, 1990. Вып. 37. С. 335-344.
- 6 Байтенов Э.М. Мунара Бегим-ана // Свод памятников истории и культуры РК. Кызылординская область. Алматы: Аруна, 2007. С. 281-282.
- 7 Ибраев Б.А. Космогонические представления наших предков // Декоративное искусство СССР. 1980. № 8. С. 40-44.
- 8 Кожя М.Б. Об огузских постройках долины р. Сырдарья // Маргулановские чтения–2014: м-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию академика А.Х. Маргулана. Алматы; Павлодар: Ғылыми қазына, 2014. С. 390-399.
- 9 Құрманқұлов Ж., Аржанцева И.А., Тәжекеев Ә.Ә. Сырдарияның төменгі ағысы бойындағы оғыз қалалары: Жетіасар мәдениетімен байланысы // Қорқыт Ата ат. Қызылорда мемл. ун-тінің Хабаршысы. 2011. № 2. 27-32-бб.
- 10 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Этнографическое обозрение. 1997. № 2. С. 3-14.
- 11 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- 12 Макишеев А.И. Описание Низовьев Сырдарья // Морской сборник издававшийся морским ученым комитетом. Т. XXIII. № 9. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1856. С. 448-527.
- 13 Тәжекеев Ә.Ә. Бегім ана мұнарасы // Қазақстанның киелі орындарының географиясы. Табиғат, археология, этнография және діни сәулет өнері нысандарының тізілімі. Алматы: ҚР БҒМ ҒК АИ, 2017. 498-500-бб.
- 14 Тәжекеев Ә.Ә. Ортағасырлық Жанкент қала-жұрты маңындағы ескерткіштердің орналасуы мен мерзімі жайлы деректер // Әл-Фараби ат. Қазақ Ұлттық ун-тінің Хабаршысы. Тарих сер. 2011. № 2 (61). 74-79-бб.
- 15 Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.Қ. Ортағасырлық оғыздардың сәулет өнері туралы // Әл-Фараби ат. Қазақ Ұлттық ун-тінің Хабаршысы. Тарих сер. 2018. № 1 (88). 239-246-бб.
- 16 Толстов С.П. Города гузов // Советская этнография. 1947. № 3. С. 55-102.
- 17 Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948. 326 с.
- 18 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: изд-во Вост. лит., 1962. 323 с.

REFERENCES

- 1 Baipakov, K. M. 2013. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizaciya Kazahstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazahstanskoy kompleksnoy arheologicheskoy ekspedicii). Kniga II. Urbanizaciya Kazahstana v IX – nachale XIII v. (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research materials of the South-Kazakhstan complex archaeological expedition). Book II. Urbanization of Kazakhstan in the 9th – the beginning of the 13th century)*. Almaty: MIA Publ. (in Russian).
- 2 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2009. In: *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta Tsentralnoaziatskih issledovaniy (Bulletin of IICAS)*, 10, 26-33 (in Russian).
- 3 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Il'in R. V. 2012. In: *Vestnik Vestnik Mezhdunarodnogo instituta Tsentralnoaziatskih issledovaniy (Bulletin of IICAS)*, 12, 22-44 (in Russian).
- 4 Baitenov, E. M. 1985. In: *Pamyatniki istorii i kultury Kazahstana (Monuments of history and culture of Kazakhstan)*. Almaty: “Kazakhstan” Publ., 45-46 (in Russian).

- 5 Baitenov, E. M. 1990. In: *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, Issue 37. Moscow: “Strojizdat” Publ., 335-344 (in Russian).
- 6 Baitenov, E. M. 2007. In: *Svod pamyatnikov istorii i kultury RK. Kyzylordinskaya oblast (The official list of Historical and Cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Kyzylorda Region)*. Almaty: “Aruna” Publ., 281-282 (in Russian).
- 7 Ibraev, B. A. 1980. In: *Dekorativnoe iskusstvo SSSR (Decorative art of the USSR)*, 8, 40-44 (in Russian).
- 8 Kozha, M. B. 2014. In: *Margulan readings – 2014*. Almaty; Pavlodar: “Gylymi kazyna” Publ., 390-399 (in Russian).
- 9 Kurmankulov, Zh., Arzhantseva, I. A., Tazhekeyev, A. A. 2011. In: *Korkyt Ata atyndagy Kyzylorda memlekettyk universitetynyn khabarshysy (Bulletin of Korkyt Ata Kyzylorda State University)*, 2, 27-32 (in Kazakh).
- 10 Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya (v I tys. do n. e. – I tys. n. e.) (Ethno-cultural history of the Eastern Aral Sea region (in the 1st millennium BC - 1st millennium AD))*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
- 11 Levina, L. M. 1997. In: *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*, 2, 3-14 (in Russian).
- 12 Maksheev, A. I. 1856. In: *Morskoy sbornik izdavavshiyasy mosrskim uchennym komitetom (Marine collection published by the Marine Scientific Committee)*, XXIII, 9. Saint Petersburg: “Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk” Publ., 448-527 (in Russian).
- 13 Tazhekeyev, A. A. 2011. In: *Al-Farabi atyndagy Kazakh Ul'tyk universitetinin khabarshysy. Tarih seriyasy (Bulletin of al-Farabi Kazakh National University. History series)*, 2 (61), 74-79 (in Kazakh).
- 14 Tazhekeyev, A. A. 2017. In: *Kazakstannyn kieli oryndarynyn geografiyasy. Tabigat, arheologiya, etnografiya zhane dini saulet oneri nysandarynyn tizilimi (Geography of sacred places in Kazakhstan. Register of objects of nature, archeology, ethnography and religious architecture)*. Almaty: MIA Publ., 498-500 (in Kazakh).
- 15 Tazhekeyev, A. A., Sultanzhanov, Zh. K. 2018. In: *Al-Farabi atyndagy Kazakh Ul'tyk universitetinin khabarshysy. Tarih seriyasy (Bulletin of al-Farabi Kazakh National University. History series)*, 1 (88), 239-246 (in Kazakh).
- 16 Tolstov, S. P. 1947. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 3, 55-102 (in Russian).
- 17 Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii (In the footsteps of ancient Khorezmian civilization)*. Moscow; Leningrad: “USSR Academy of Sciences” Publ. (in Russian).
- 18 Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 19.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 26.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 26.09.2022.

УДК 902/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.103.114>

Examining recycling behaviors at Semizbugu P1 (2022), Kazakhstan

© 2022 Coco E., Mamirov T.

Keywords: archaeology, Paleolithic, recycling, stone tools, surface site

Түйін сөздер: археология, палеолит, реутилизация, тас құралдар, ашық типті ескерткіштер

Ключевые слова: археология, палеолит, вторичная переработка, каменные орудия, стоянка открытого типа

Emily Coco^{1*}, Talgat Mamirov²

^{1*}Corresponding author, PhD candidate, researcher, Center for the Study of Human Origins, Department of Anthropology, New York University, NY, USA. Email: ec3307@nyu.edu

²Candidate of historical sciences, Deputy Director for Science, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. Email: tmamirov@mail.ru

Abstract. This article presents the preliminary results of a new project aimed at investigating the behavioural aspects of stone tool reutilisation at the Semizbugu Palaeolithic complex. Monuments with surface artifacts are ideal sites for recycling, as artifacts are easy to locate and reuse on the day surface in such environments. As part of this project, artifacts were analysed at a new site, designated P1 (2022) of the Semizbugu settlement complex, with a focus on the identification of recycled objects, mainly by the presence of double patina. The results presented here describe the nature of the secondary use of the artifacts. The relevance of the work carried out is associated primarily with the fact that this is a completely new approach in the study of Paleolithic monuments of Kazakhstan, represented by numerous sites of the so-called “open type”. On the example of the Semizbugu P1 monument (2022) it is possible to extrapolate the received conclusions with other similar monuments of the region for understanding of character of principles of reutilization and behavioral aspects in the past. Direct field studies at the Semizbugu complex were preceded by laboratory work on materials collected in the 1960s by A.G. Medoev.

Acknowledgements: This material is based on work supported by the National Science Foundation under Grant No. 2133751. Funding for this work was also provided by the Leakey Foundation, the Fulbright U.S. Student program, and the Ranieri International Scholars Fund. Access to the collections and the field site was made possible with the help of O.A. Artyukhova, Margulan Institute of Archaeology and the Museum of the Paleolithic of Kazakhstan at al-Farabi Kazakhstan National University. EC would also like to thank her field team.

Citation: Coco, E., Mamirov, T. 2022. Examining recycling behaviors at Semizbugu P1 (2022), Kazakhstan. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 103–114. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.103.114](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.103.114)

Эмили Коко^{1*},
Талғат Базарбайұлы Мамиров²

^{1*}корреспондент авторы, докторант, зерттеуші, Адамның шығу тегін зерттеу орталығы, антропология факультеті, Нью-Йорк университеті, Нью-Йорк, АҚШ

²тарих ғылымдарының кандидаты, директордың ғылым жөніндегі орынбасары, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Эмили Коко^{1*},
Талғат Базарбаевич Мамиров²

^{1*}автор-корреспондент, докторант, исследователь, Центр изучения происхождения человека, факультет антропологии,

Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США
²кандидат исторических наук, заместитель директора по науке, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

**Семізбұғы Р1 (2022) артефактілерін
реутилизациялау бойынша әрекеттер аспектілерін
зерттеу, Қазақстан**

Аннотация. Бұл мақалада Семізбұғы палеолиттік кешеніндегі тас құралдарын реутилизациялаудың әрекеттер аспектілерін зерттеуге бағытталған жаңа жобаның алдын-ала нәтижелері келтірілген. Артефактілері беткі қабатта орналасқан ескерткіштер қайта өңдеуге өте ыңғайлы орын болып табылады, өйткені мұндай жағдайда артефактілерді жердің бетінен оңай табуға және қайта пайдалануға болады. Осы жоба аясында 2022 ж. Семізбұғы тұрақ кешенінің Р1 (2022) ретінде белгіленген жаңа жерде артефактілер талданып, қайта өңделген заттарды сәйкестендіру үшін, негізінен, қос патинаның болуына баса назар аударылды. Мұнда ұсынылған нәтижелер артефактілерді екінші рет пайдалану түрін сипаттайды. Жүргізілген жұмыстардың өзектілігі, ең алдымен, «ашық типті» деп аталатын көптеген тұрақтармен ұсынылған Қазақстанның палеолиттік ескерткіштерін зерттеудің жаңа тәсілі болып табылатындығымен байланысты. Семізбұғы Р1 (2022) ескерткішінің мысалын қолдана отырып, алынған тұжырымдарды аймақтың басқа ұқсас ескерткіштерімен экстраполяциялауға болады, бұл өткен замандағы реутилизация принциптерімен әрекеттер аспектілерінің сипатын түсіну үшін қажет. Семізбұғы кешеніндегі далалық зерттеулердің алдында өткен ғасырдың 60-жылдарында А.Г. Медоев жинаған материалдар бойынша зертханалық жұмыстар жүргізілді.

Алғыс: Бұл материал Ұлттық ғылыми қордың қолдауымен №2133751 грант бойынша орындалған жұмысқа негізделген. Бұл жұмысты Лики қоры, АҚШ студенттеріне арналған Фулбрайт бағдарламасы және Раньери халықаралық стипендиаттар қоры қаржыландырды. Коллекцияларға және далалық учаскіге қол жеткізу О.А. Артюхованың, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті жанындағы Қазақстанның Палеолит музейінің көмегі арқасында мүмкін болды. ЕК өзінің далалық тобына да алғыс білдіргісі келеді.

Сілтеме жасау үшін: Коко Э., Мамиров Т.Б. Семізбұғы Р1 (2022) артефактілерін реутилизациялау бойынша әрекеттер аспектілерін зерттеу, Қазақстан. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 103–114-бб. (Ағылшынша). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.103.114](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.103.114)

**Изучение поведенческих аспектов по реутилизации
артефактов на Семизбугу Р1 (2022),
Казахстан**

Аннотация. В данной статье представлены предварительные результаты нового проекта, направленного на изучение поведенческих аспектов по реутилизации каменных орудий на палеолитическом комплексе Семизбугу. Памятники с поверхностным залеганием артефактов являются идеальным местом для вторичной переработки, поскольку в таких условиях артефакты легко обнаружить на дневной поверхности и повторно их использовать. В рамках данного проекта артефакты были проанализированы на новом месте, обозначенном в 2022 г. как Р1 (2022) комплекса стоянок Семизбугу, с акцентом на идентификацию переработанных предметов, главным образом, по наличию двойной патины. Представленные здесь результаты описывают характер вторичного использования артефактов. Актуальность проведенных работ связана в первую очередь с тем, что это является совершенно новым подходом в изучении палеолитических памятников Казахстана, представленных многочисленными стоянками так называемого «открытого типа». На примере памятника Семизбугу Р1 (2022) можно экстраполировать полученные выводы с другими аналогичными памятниками региона для понимания характера принципов реутилизации и поведенческих аспектов в прошлом. Непосредственно полевым исследованиям на комплексе Семизбугу, предшествовали лабораторные работы по материалу, собранному в 60-е гг. прошлого века А.Г. Медоевым.

Благодарности: Данный материал основан на работе, выполненной при поддержке Национального научного фонда по гранту № 2133751. Финансирование этой работы также было предоставлено Фондом Лики, программой Фулбрайта для студентов США и Фондом международных стипендиатов Раньери. Доступ к коллекциям и полевому участку стал возможен благодаря помощи О.А. Артюховой, Института археологии им. Маргулана, Музея палеолита Казахстана при Казахском национальном университете им. аль-Фараби. ЕК также хотела бы поблагодарить свою полевую группу.

Для цитирования: Коко Э., Мамиров Т.Б. Изучение поведенческих аспектов по реутилизации артефактов на Семизбугу Р1 (2022), Казахстан. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 103–114 (на англ. яз.). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.103.114](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.103.114)

1 Introduction (Coco E., Mamirov T.)

The Paleolithic surface site complex, Semizbugu (fig. 1), located in the Saryarka region of Central Kazakhstan, has some of the best known surface deposits in Kazakhstan [Derevianko et al. 1993; 1998; Taimagambetov 1997; Artyukhova et al. 2001; Artyukhova 2013; Artyukhova, Mamirov 2014; Osipova, Artyukhova 2019]. Discovered in 1961 by A.G. Medoev during his work on the geological expedition of the Institute of Geology of the Kazakh SSR Academy of Sciences, the Semizbugu deposits are dense concentrations of stone tool artifacts located on the flat tops and slopes of the Semizbugu hills [Taimagambetov, Ozherelyev 2009; Artyukhova, Mamirov 2014]. Tens of thousands of artifacts were collected at 11 different sites in this landscape in the 1960s by A.G. Medoev; analysis of these artifacts was carried out to determine the technological and typological characteristics [Derevianko et al. 1993; Artyukhova et al. 2001; Artyukhova, Mamirov 2014].

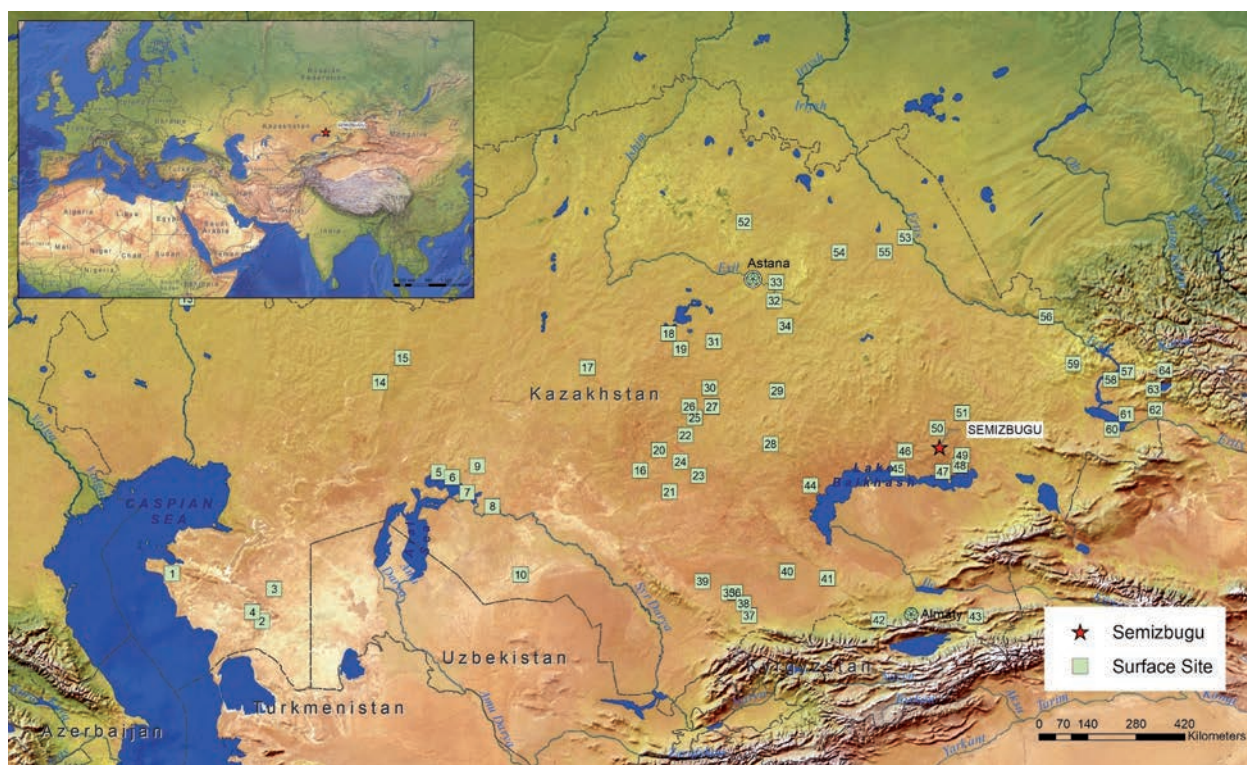

Fig. 1. Map of Kazakhstan with the location of Semizbugu indicated by the red star. Other surface deposits in Kazakhstan identified by the green squares. Projected coordinate system is EPSG 28412 (Pulkovo 1942/G-K zone 12). Data sources: site locations – after Osipova et al. 2020: Artyukhova, Mamirov 2014; vector and raster map data from ©Natural Earth

1-сур. Семізбұғы орналасқан Қазақстан картасы, қызыл жұлдызшамен белгіленген.. Қазақстандағы басқа ашық типтегі ескерткіштер жасыл шаршымен белгіленген. Жобаланған координаттар жүйесі-EPG 28412 (Пулкovo 1942/G-K 12 аймағы). Дереккөздер: объектілердің орналасқан жері – ([Осипова и др.2020; Артыухоба, Маамиров 2014]: бойынша); векторлық және растрлық карталар деректері ©Natural Earth

Рис. 1. Карта Казахстана с местоположением Семизбугу, обозначенным красной звездой. Другие памятники открытого типа в Казахстане обозначены зелеными квадратами. Проектируемая система координат – EPSG 28412 (Пулкovo 1942/зона G-K 12). Источники: местоположения объектов – (по: [Осипова и др. 2020; Артыухова, Маамиров 2014]); данные векторных и растровых карт ©Natural Earth

Surface sites would have been ideal locations for recycling in the past. Artifacts at surface sites are exposed on the ground for long periods of time. This makes it more likely that ancient people would have found previously discarded artifacts at these sites to recycle [Camilli, Ebert 1992]. Despite this, few studies explicitly investigate recycling in surface contexts [McDonald 1991]. Stone tool recycling is defined as any instance in which stone artifacts are scavenged and then reworked, with some period of discard between episodes of manufacture [Amick 2007; Vaquero 2011; Barkai et al. 2015a]. The most reliable indication of recycling is evidence of knapping after some sort of surface alteration, such as a patina or rock varnish, has formed [Vaquero 2011; Vaquero et al. 2012; 2015; Turq et al. 2013; Peresani et al. 2015; Shimelmitz 2015]. This results in flake scars of different colors that demonstrate the discard period between use events.

Instances of reuse have been identified at Semizbugu, but recycling has not been extensively studied. Previous research found that some artifacts have overlapping retouch patterns attributed to different technological traditions [Artyukhova 2013; Artyukhova, Mamirov 2014]. Additionally, some researchers have argued that different surface conditions on the faces of artifacts at Semizbugu could indicate use in multiple Paleolithic periods [Artyukhova, Mamirov 2014]. This is because patinas have been correlated with particular typological phases at Semizbugu [Artyukhova 2013; Artyukhova, Mamirov 2014]. For example, diagnostic Acheulean and Mousterian materials often have a thick, deep, ochre-colored patina, whereas the late Paleolithic material looks “fresher” [Artyukhova, Mamirov 2014]. As a result, previous studies at Semizbugu have described multiple weathering stages of artifacts [Artyukhova, Mamirov 2014; Osipova, Artyukhova 2019]. These stages are strongly altered, medium altered, weakly altered, and not altered, as determined by the formation of patina, degree of ferrugination, and degree of polishing. The well-documented weathering of artifacts at Semizbugu means that recycling should also be easily identifiable.

The results presented in this article represent the first study at Semizbugu focused on examining recycling behaviors in these deposits.

2 Research methods (*Coco E.*)

In the summer of 2022, field expeditions were undertaken to Semizbugu to collect new data. The site of Semizbugu P1 (2022) is located on the southern slope of a hill in the Semizbugu mountains (fig. 2). The site is situated between Semizbugu 4 and the flat top of a hill where Semizbugu sites 7 through 10 are located. In May 2022, during surveys to identify new locations for data collection, we outline a rough area across which artifacts were spread on this slope. In June 2022, we collected data following the methodology outlined below for every artifact within three quadrants near the center of the concentration of artifacts on the slope. The first quadrant was 20 m by 20 m; the subsequent two quadrants were each 20 m by 10 m, to the east and south of the first quadrant respectively.

The new data collection methodology used during the 2022 field expeditions focused on collecting spatial data and individual artifact data, with each artifact being analyzed for signatures of recycling. Spatial locations of each artifact were recorded using Emlid Reach RS2 multi-band GNSS receivers. Additional artifact data was collected using standardized KoboToolBox forms to record the following data for each artifact:

1. maximum length, maximum width, maximum thickness, and weight;
2. cortex surface percentage and type;
3. attributes relating to determining technology, including platform attributes, flake scar number and direction, and retouch type as suggested by Andrefsky [Andrefsky 2005];

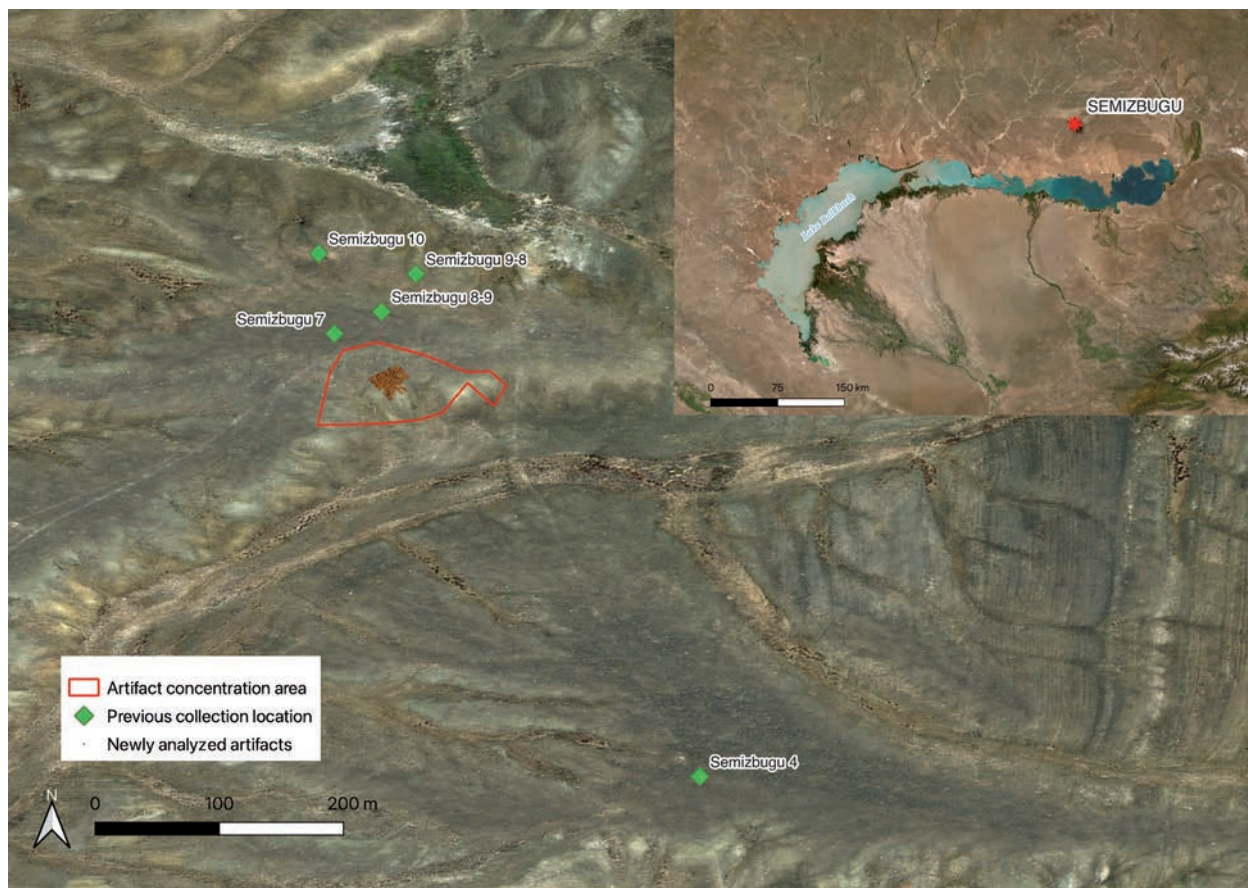

Fig. 2. Location of Semizbugu P1(2022) within the Semizbugu site complex. Projected coordinate system is EPSG 4326 (WGS 84). Data sources: raster map data from Bing and ESRI

2-сур. Семізбұғы нысандары кешенінде Семізбұғы Р 1 (2022) орналасқан жері. Жобаланған координаттар жүйесі – EPSG 4326 (WGS 84). Дереккөздер: Bing және ESRI растрлық карта деректері

Рис. 2. Местоположение Семізбұғы Р1(2022) в комплексе объектов Семізбұғы. Проектируемая система координат – EPSG 4326 (WGS 84). Источники: данные растровых карт от Bing и ESRI

4. artifact class (i.e. broken flake, complete flake, core, tool) per categories from Phillips and colleagues [Phillips et al. 2017];
5. weathering classes, following those previously described for Semizbugu;
6. signatures of recycling on individual artifacts consistent with previous research on recycling, including:
 - a. artifacts with double patina;
 - b. artifacts with multiple technological/typological signatures;
 - c. flakes with removals on their ventral faces; and
 - d. cores used as hammer stones or hammer stones used as cores.

3 Results (Coco E.)

In total, 696 artifacts were analyzed from Semizbugu P1 (2022). This means that the density of artifacts in this deposit is approximately 2 artifacts per every square meter. Nearly 20% of the artifacts

had some sort of recycling signature, with the majority being identified as recycled due to the presence of double patinas (fig. 3). That results in a density of one recycled object for every 3 square meters.

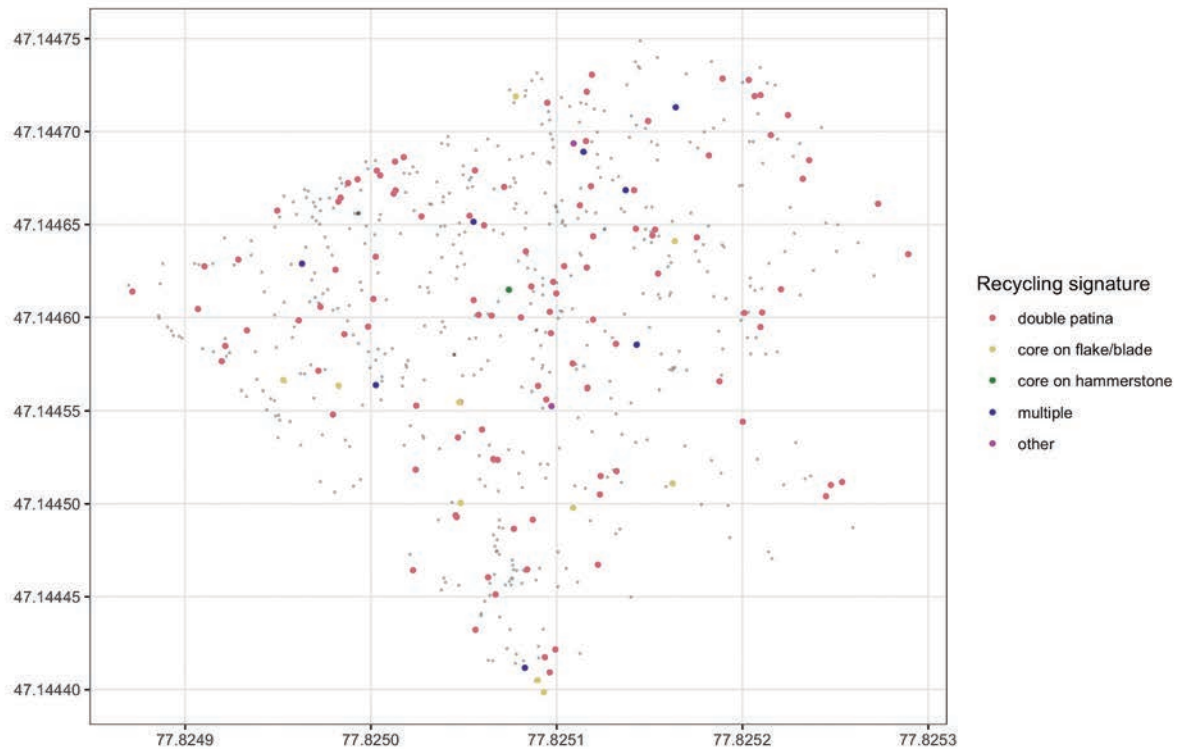

Fig. 3. Scheme of spatial location artifacts analyzed at Semizbugu P1 (2022). Small light grey dots represent artifacts without any recycling signatures. Large, colored dots represent recycled artifacts, with colors corresponding to the type of recycling signature

3-сур. Семізбұғы P1 (2022) талданған артефактілердің кеңістіктік орналасу схемасы. Кішкентай ашық сұр нүктелер ешқандай өңдеу белгілері жоқ артефактілерді көрсетеді. Үлкен түсті нүктелер қайта өңделген артефактілерді білдіреді, олардың түстері қайта өңдеу қолтаңбасының түріне сәйкес келеді

Рис. 3. Схема пространственного расположения артефактов, проанализированных на Семизбугу P1 (2022). Маленькие светло-серые точки представляют артефакты без каких-либо признаков переработки. Большие цветные точки представляют переработанные артефакты, цвета которых соответствуют типу подписи переработки

Nearly 50% of the artifacts found at Semizbugu P1 (2022) are complete flakes, with the next most numerous artifact type being tools (24% of the artifacts). Cores make up a relatively small percentage of the assemblages at just 5.5% of the artifacts.

We investigated whether recycling more frequently occurred on certain types of artifacts (fig. 4a). Artifacts were classified into seven different artifact type categories: complete flakes, broken flakes, cores, core fragments, tools, tool fragments, and shatter. We found that artifacts that are tools are significantly more likely to be recycled. We also looked specifically at what types of tools are more likely to be recycled. When comparing tool types, most tool categories have some sort of recycling signature to varying degrees. Interestingly, none of the broad tool categories (fig. 4b) are significantly more likely to have recycled

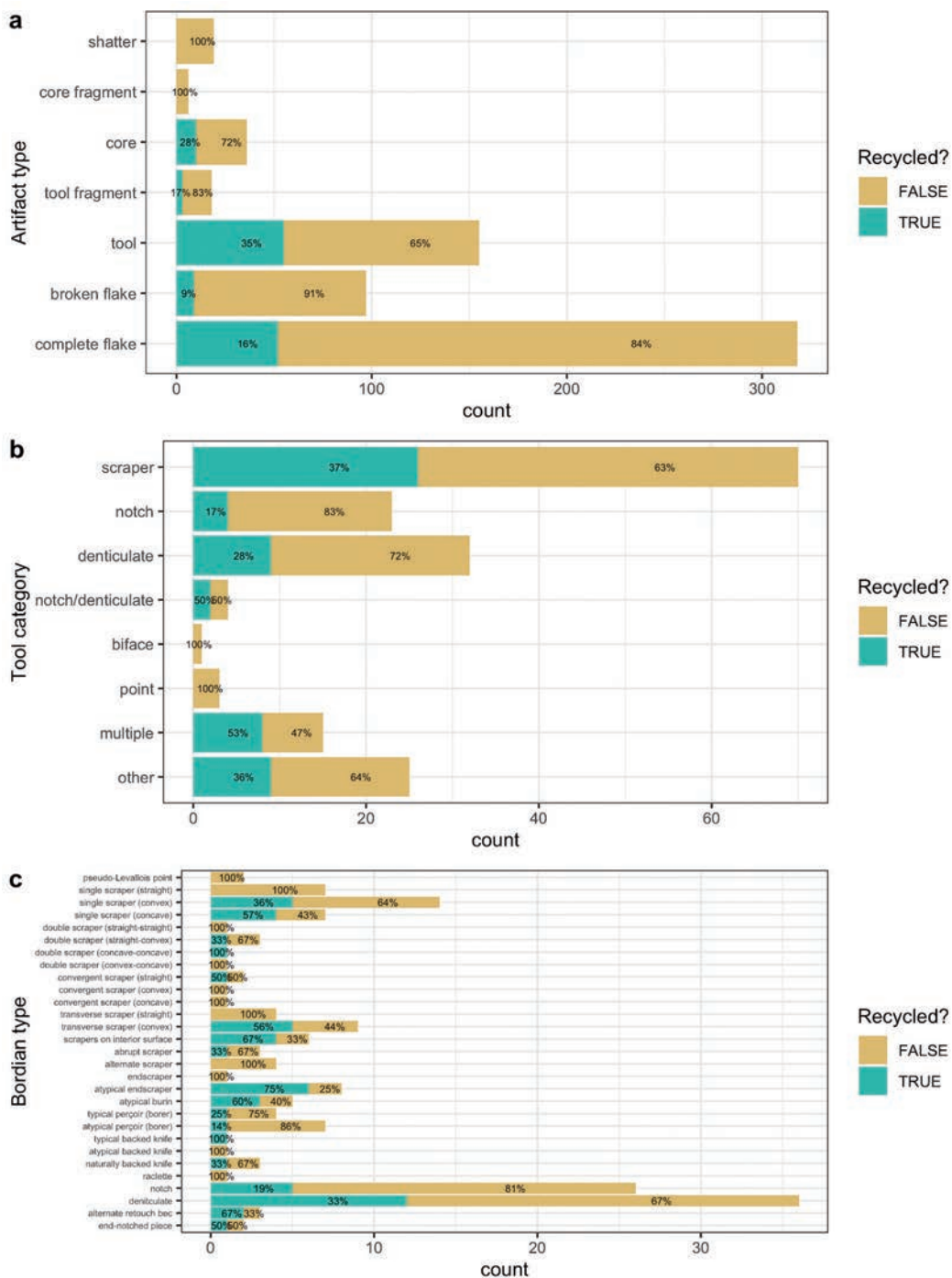

Fig. 4. Number of artifacts by artifact type (a), tool type (b), and Bordian type (c). Percentage of recycled and non-recycled objects given for each category

4-сур. Артефакт түрі (a), қару түрі (b) және «Бордтің түрі-парақ» (c) бойынша артефактілер саны. Әрбір санат үшін келтірілген қайта өңделген және қайта өңделмеген объектілердің пайызы

Рис. 4. Количество артефактов по типу артефактов (a), типу орудий (b) и «Бордовскому тип-листу» (c). Процент переработанных и не переработанных объектов, приведенный для каждой категории

signatures; however, when tools are broken out by Bordian types (fig. 4c), it seems that burins, end scrapers, single scrapers, transverse scrapers, and interior surface scrapers are more likely to have recycling signatures compared to non-tools.

In addition to categorically defining artifacts, we looked at the relationship between recycling and artifact size, as determined by length, width, thickness, and weight. Specifically, we used Kolmogorov-Smirnov tests to compare the distribution of each of the artifact size variables for recycled variables to the overall distribution of these variables for all artifacts. We found significant differences in the distributions of weight, length, and width, but not thickness (fig. 5). Artifacts with recycling signatures are heavier, longer, and wider than the average artifact in this deposit.

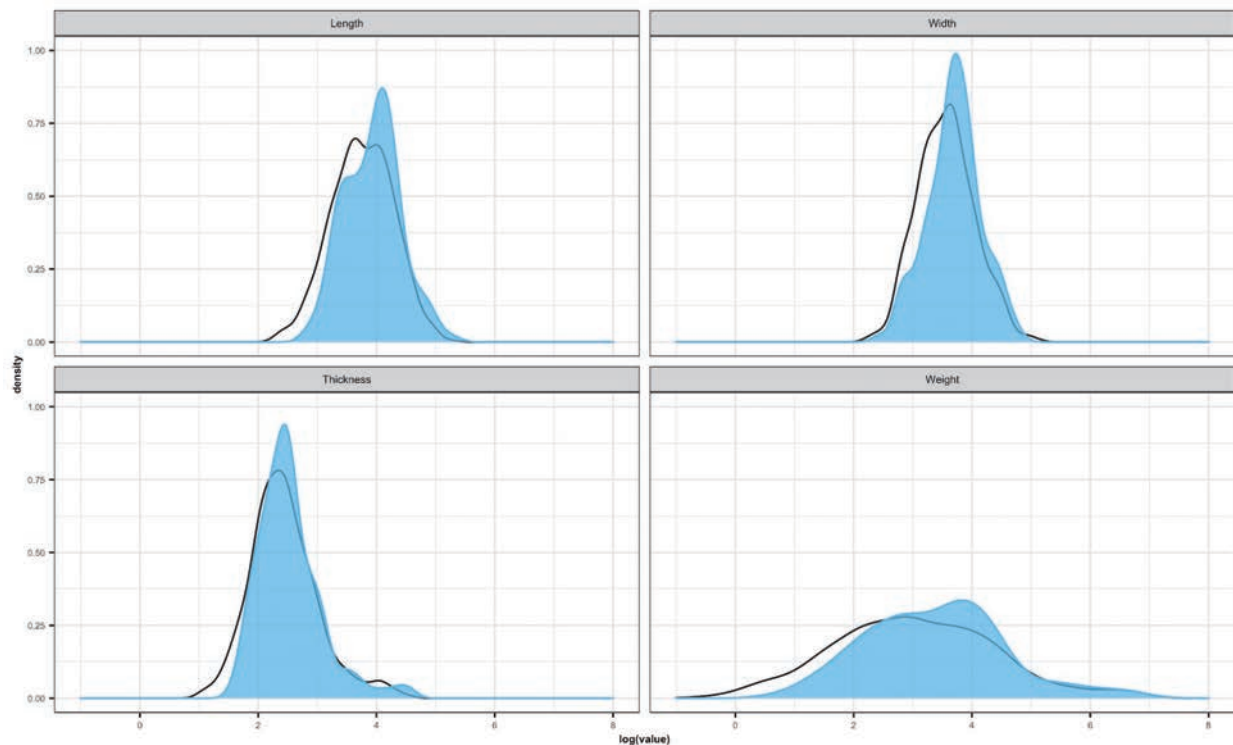

Fig. 5. Core density estimates for distributions of weight, length, width, and thickness of artifacts. Distributions for the entire assemblage shown with black line. Distributions of recycled artifacts shown with blue curve

5-сур. Артефактілердің салмағын, ұзындығын, енін және қалыңдығын бөлу үшін нуклеус тығыздығын бағалау. Бүкіл жиынтықтарды бөлу қара сызықпен көрсетілген. Қайта өңделген артефактілердің таралуы көк қисықпен көрсетілген

Рис. 5. Оценки плотности нуклеуса для распределений веса, длины, ширины и толщины артефактов. Распределения для всей совокупности показаны черной линией. Распределения переработанных артефактов показаны синей кривой

Finally, we investigated whether recycling signatures were related to weathering stages at Semizbugu P1 (2022) (fig. 6). Using binary logistic regressions, we found that the odds of artifacts having recycling signatures does significantly depend on weathering stage. Specifically, when compared to strongly weathered artifacts, the odds that mildly weathered artifacts have recycling signatures decreases by 58%.

Similarly, the odds that weakly weathered artifacts and unweathered artifacts have recycling signatures are decreased by 22% and 18%, respectively, compared to the odds of strongly weathered artifacts having recycling signatures.

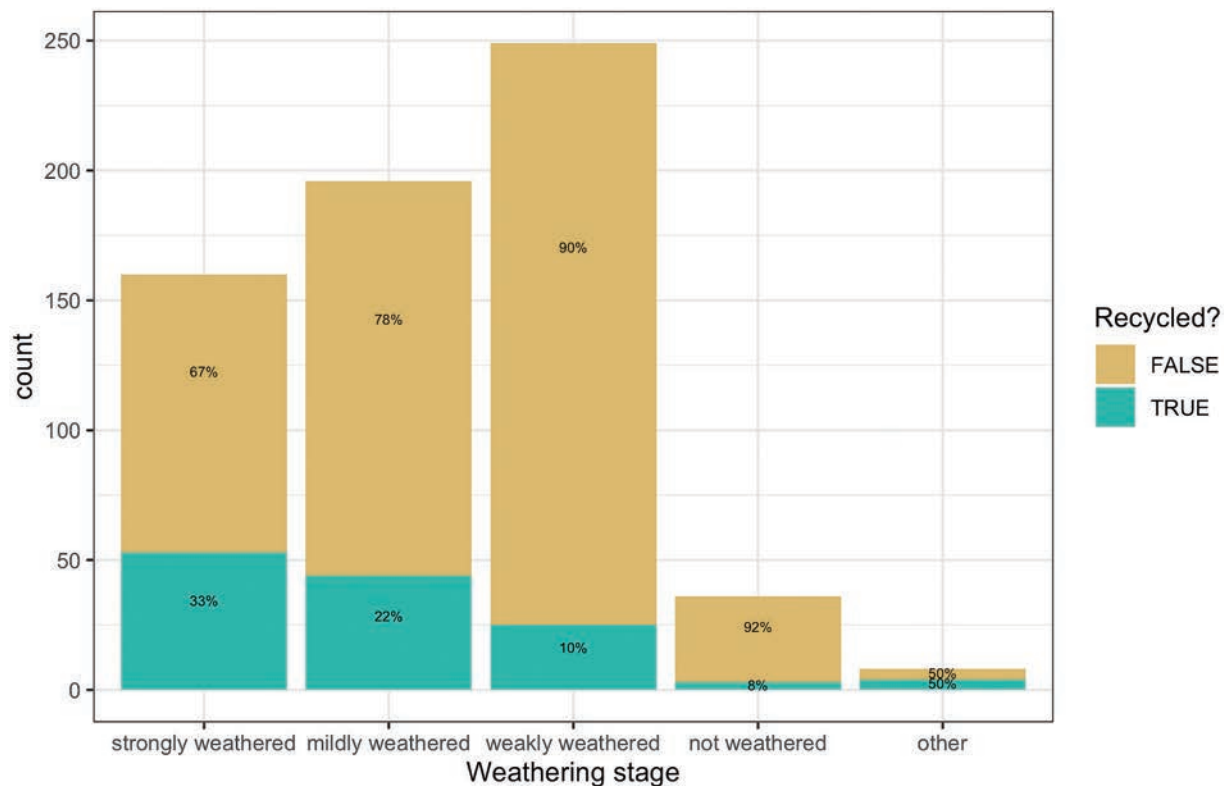

Fig. 6. Number of artifacts by weathering stage. Percentage of recycled and non-recycled objects given for each category

6-сур. Ауа-райының сатылары бойынша артефактілер саны. Әрбір санат үшін көрсетілген қайта өңделген және қайта өңделмеген объектілердің пайыздық арақатынасы

Рис. 6. Количество артефактов по стадиям выветривания. Процентное соотношение переработанных и непереработанных объектов, указанное для каждой категории

4 Discussion and conclusions (Coco E., Mamirov T.)

These results from Semizbugu P1 (2022) confirm the presence of recycling behaviors at this Paleolithic site complex. Additionally, the higher likelihood of recycled implements occurring on more weathered artifacts supports the posited relationship between recycling frequency and exposure [Camilli, Ebert 1992]. The results also demonstrate that recycling occurs more frequently on certain types of artifacts, which could indicate preferences when scavenging for recycling material. Selection of specific types of objects for recycling has been noted in stratified cave contexts in Israel [Belfer-Cohen, Bar-Yosef 2015b]. However, it is argued that thicker objects are being selected for recycling in these cave contexts, which differs from the patterns at Semizbugu P1 (2022) where thickness of recycled artifacts does not significantly differ from the overall distribution of artifact thickness.

Studying surface deposits like Semizbugu is essential for furthering our understanding of recycling behaviors. Additionally, given the prevalence of surface sites in Kazakhstan, this region is uniquely suited for investigating recycling behaviors in different contexts. This will be invaluable for helping archaeologists to understand possible factors that make recycling more or less likely within a landscape. The recycling of stone tools is a potentially powerful force repeatedly rewriting archaeological patterns throughout history. This project represents an important first step to explore the range of conditions that may promote recycling so we can fully understand how this behavior functioned in the past.

ӘДЕБИЕТ

- 1 *Артюхова О.А.* Мустье Центрального Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 206 с.
- 2 *Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К.* Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.
- 3 *Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.* Каменный век Сарыарки: эволюция культур от древнепалеолитических охотников до первых металлургов в свете новейших исследований. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014. 356 с.
- 4 *Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г.* Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу – пункт 2. Ранний–поздний палеолит). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. 114 с.
- 5 *Осипова Е.А., Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.* Нижний палеолит Казахстана: морфо-технологический и типологический аспект изучения двусторонне обработанных изделий на примере бифасов Приаралья и Мугалжарских гор // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2020. Т. 32. С. 3–14.
- 6 *Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В.* Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2009. 256 с.
- 7 *Amick D.S.* Investigating the Behavioral Causes and Archaeological Effects of Lithic Recycling // Tools versus Cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis / Ed. McPherron, S.P. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 223-252.
- 8 *Andrefsky W.* Lithics: Macroscopic approaches to analysis, Cambridge Manuals in Archaeology. Cambridge University Press, Cambridge, 2005. 301 p. DOI: [10.1017/CBO9780511810244](https://doi.org/10.1017/CBO9780511810244)
- 9 *Barkai R., Lemorini C., Vaquero M.* The origins of recycling: A Paleolithic perspective // Quaternary International. 2015. Vol. 361. P. 1-342.
- 10 *Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O.* Paleolithic recycling: The example of Aurignacian artifacts from Kebara and Hayonim caves // Quaternary International. 2015. Vol. 361. P. 256-259.
- 11 *Camilli E.L., Ebert J.I.* Artifact Reuse and Recycling in Continuous Surface Distributions and Implications for Interpreting Land Use Patterns // Space, Time, and Archaeological Landscapes / Eds. Rossignol, J., Wandsnider, L. Boston: Springer US, 1992. P. 113-136.
- 12 *Derevianko A.P., Petrin V.T., Taimagambetov Zh.K.* Palaeolithic Sites of Surface Occurrence in the Arid Zone of Eurasia: Methods of Studying and Potential of Information // Anthropologie. 1998. Vol. 36, N 1/2. P. 99-119.
- 13 *McDonald M.M.A.* Systematic Reworking of Lithics from Earlier Cultures in the Early Holocene of Dakhleh Oasis, Egypt // Journal of Field Archaeology. 1991. Vol. 18. P. 269–273.
- 14 *Osipova E.A., Artyukhova O.A.* Le site paléolithique de Sémizbougou XI au Kazakhstan: nouvelle approche de l'étude techno-typologique // L'Anthropologie. Numéros spécial: Préhistoire de la Russie, 2019. 123. P. 319-332.
- 15 *Peresani M., Boldrin M., Pasetti P.* Assessing the exploitation of double patinated artifacts from the Late Mousterian: Implications for lithic economy and human mobility in northern Italy // Quaternary International. 2015. 361. P. 238-250.

- 16 Phillipps R.S., Holdaway S., Ramsey R., Wendrich W., Emmitt J.J. Approaches to Paleoenvironment and Landscape Use. In: Holdaway, S., Wendrich, W. (Eds.). *The Desert Fayum Reinvestigated*. Cotsen Institute of Archaeology Press, Los Angeles, CA. 2017. P. 17-50.
- 17 Shimelmitz R. The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // *Quaternary International*. 2015. 361. P. 34-45.
- 18 Taimagambetov Zh. Periods in the Development of Kazak Palaeolithic Industries: Their Chronology and Correlation with the Industries in Contiguous Territories // *East and West*. 1997. 47. P. 351-361.
- 19 Turq, A., Roebroeks, W., Bourguignon, L., Faivre, J.-P. The fragmented character of Middle Palaeolithic stone tool technology // *Journal of Human Evolution*. 2013. 65. P. 641-655.
- 20 Vaquero M. New perspectives on recycling of lithic resources using refitting and spatial data // *Quartär*. 2011. 58. P. 113-130.
- 21 Vaquero M., Alonso S., García-Catalán S., García-Hernández A., Gómez de Soler B., Rettig D., Soto M. Temporal nature and recycling of Upper Paleolithic artifacts: the burned tools from the Molí del Salt site (VimbodiiPoblet, northeastern Spain) // *Journal of Archaeological Science*. 2012. 39. P. 2785-2796.
- 22 Vaquero M., Bargalló A., Chacón M.G., Romagnoli F., Sañudo P. Lithic recycling in a Middle Paleolithic expedient context: Evidence from the AbricRomaní (Capellades, Spain) // *Quaternary International*. 2015. 361. P. 212-228.

REFERENCES

- 1 Artyukhova, O. A., 2013. *Mustue Tsentralnogo Kazakhstana (Mousterian of Central Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 2 Artyukhova, O. A., Derevianko, A. P., Petrin, V. T., Taimagambetov, Z. K., 2001. *Paleoliticheskie Kompleksy Semizbugu, Punkt 4 (Severnoe Pribalkhashie) (Paleolithic Complexes of Semizbugu, Point 4 (Northern Pribalkhashie))*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN (in Russian).
- 3 Artyukhova, O.A., Mamirov, T.B., 2014. *Kamennyi vek Saryarki: evolutsiya kultur ot drevnepaleoliticheskikh okhotnikov do pervykh metallurgov v svete noveishikh issledovaniy (Stone Age of Saryarka: the evolution of cultures from ancient Paleolithic hunters to the first metallurgists in the light of the latest research)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 4 Derevianko, A. P., Aubekero, B. Zh., Petrin, V. T., Taimagambetov, Z. K., Artyukhova, O. A., Zenin, V. N., Petrov, V. G., 1993. *Paleolit Severnogo Pribalkhash'ya (Semizbugu Punkt 2, Ranniy-PozdnyPaleolit) (Paleolithic of the Northern Balkhash (Semizbugu point 2. Early-Late Paleolithic))*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN (in Russian).
- 5 Osipova, E. A., Artyukhova, O. A., Mamirov T.B. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya"*. (Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. 2020, 32, 3–14. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.32.3 (in Russian).
- 6 Taimagambetov, Zh., Ozherelyev, D. 2009. *Pozdnepaleoliticheskie pamyatniki Kazakhstana (Late Paleolithic sites of Kazakhstan)*. Almaty: Kazakh University (in Russian).
- 7 Amick, D. S. 2007. In: *Tools versus Cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis / Ed. McPherron, S.P. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 223-252 (in English)*.
- 8 Andrefsky, W. 2005. *Lithics: Macroscopic approaches to analysis, Cambridge Manuals in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: [10.1017/CBO9780511810244](https://doi.org/10.1017/CBO9780511810244) (in English).
- 9 Barkai, R., Lemorini, C., Vaquero, M., 2015a. In: *Quaternary International*. Vol. 361. P. 1-342 (in English).
- 10 Belfer-Cohen, A., Bar-Yosef, O., 2015b. In: *Quaternary International*. Vol. 361, P. 256–259 (in English).
- 11 Camilli, E.L., Ebert, J.I., 1992. *Artifact Reuse and Recycling in Continuous Surface Distributions and Implications for Interpreting Land Use Patterns*. In: Rossignol, J., Wandsnider, L. (Eds.), *Space, Time, and Archaeological Landscapes*. Boston: Springer US (in English).
- 12 Derevianko, A. P., Petrin, V. T., Taimagambetov, Z. K., 1998. In: *Anthropologie*, 36, N 1/2, 99-119 (in English).
- 13 McDonald, M. M. A., 1991. In: *Journal of Field Archaeology*, 18, 269–273 (in English).

- 14 Osipova, E. A., Artyukhova, O. A., 2019. *Le site paléolithique de Sémizbougou XI au Kazakhstan: nouvelle approche de l'étude techno-typologique (The Paleolithic site Semizbougou XI in Kazakhstan: New approach of techno-typological study)*. In: *L'Anthropologie, Préhistoire de la Russie*, 123, 319–332. DOI: 10.1016/j.anthro.2019.06.006 (in French).
- 15 Peresani, M., Boldrin, M., Pasetti, P., 2015. In: *Quaternary International*, 361, 238–250 (in English).
- 16 Phillipps, R. S., Holdaway, S., Ramsey, R., Wendrich, W., Emmitt, J. J., 2017. In: *The Desert Fayum Reinvestigated*. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press, CA, 17–50 (in English).
- 17 Shimelmitz, R. 2015. In: *Quaternary International*, 361, 34–45 (in English).
- 18 Taimagambetov, Z. 1997. In: *East and West*, 47, 351–361 (in English).
- 19 Turq, A., Roebroeks, W., Bourguignon, L., Faivre, J.-P. 2013. In: *Journal of Human Evolution*, 65, 641–655 (in English).
- 20 Vaquero, M. 2011. In: *Quartär*, 58, 113–130 (in English).
- 21 Vaquero, M., Alonso, S., García-Catalán, S., García-Hernández, A., Gómez de Soler, B., Rettig, D., Soto, M. 2012. In: *JAS*, 39, 2785–2796 (in English).
- 22 Vaquero, M., Bargalló, A., Chacón, M.G., Romagnoli, F., Sañudo, P. 2015. In: *Quaternary International*, 361, 212–228 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 19.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2022.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.91.41

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.115.125>

2021 жылы Ботай қонысында жүргізілген ғылыми-реставрациялық жұмыстарының нәтижелері

© 2022 ж. Дарменов Р.Т., Тәжекеев Ә.Ә., Құрманиязов Ы.С., Сұлтанжанов Ж.Қ.

Keywords: archaeology, reconstruction, Northern Kazakhstan, Eneolit, Botai, Kymyzkhana

Түйін сөздер: археология, қайта қалпына келтіру, Солтүстік Қазақстан, энеолит, Ботай, қымызхана

Ключевые слова: археология, реконструкция, Северный Казахстан, энеолит, Ботай, кымызхана

Rustem Darmenov¹, Azil Khan Tazhekeyev², Yslam Kurmaniyazov^{2*}, Zhetesbi Sultanzhanov²

¹Leading Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan. Astana, Kazakhstan.

E-mail: darmenov_rustem@mail.ru

²PhD, Head of the Research Center «Archaeology and Ethnography», Kyzylorda University named after Korkyt Ata, Kyzylorda, Kazakhstan.

E-mail: a.tazhekeyev@gmail.com

^{2*}Corresponding author, M.A. Researcher, Kyzylorda University named after Korkyt Ata,

Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: yslam.kurmaniyazov@gmail.com

²Master of history, Researcher, Kyzylorda University named after Korkyt Ata, Kyzylorda, Kazakhstan.

E-mail: zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru

Results of scientific-restoration works for the Botai settlement in 2021

Abstract. The article publishes the results of scientific restoration work carried out at the Botai settlement. The monument dates back to the Eneolithic era, is located on the right bank of the Iman-Burlyk river, 1.5 km south-east of the village of Nikolskoye (Aiyrtau district, North Kazakhstan region). The Kymyzkhana object, discovered as a result of excavations of the Botai settlement in 2012-2014, underwent scientific restoration work in 2021. The main purpose of which was the museification of Botai dwellings in the open air, based on data obtained as a result of many years of research. At the suggestion of the author of the excavations, V.F. Zaibert, the archaeological site was named "Kymyzkhana". The object was located on a hill in the northern part of the settlement. During the scientific and restoration work, local available sources of raw materials were used, currently the constructed object was presented to visitors and tourists. The first scientific restoration work carried out at the Botai settlement is the restoration of a residential complex of the late Stone Age on the territory of Kazakhstan. In addition, the work in this direction refers to the first stage of the creation of a security zone of the settlement and the preservation of uncovered structures, museumification.

Acknowledgments: We would like to express our gratitude to the author of the excavations, professor, Doctor of historical sciences V. Zaibert, for the scientific advice during the restoration work at «Kymyzkhana».

The authors of the article express their sincere gratitude to the local historian Zhenis Temirkhanuly and the resident of the village of Nikolskoye Vladimir Matyushin for all possible assistance provided during the work.

For citation: Darmenov, R., Tazhekeyev, A., Kurmaniyazov, Y., Sultanzhanov, Zh. 2022. Results of scientific-restoration works for the Botai settlement in 2021. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 115–125 (in Kazakh). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.115.125](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.115.125)

**Рустем Тұрарбекұлы Дарменов¹,
Әзілхан Әуезханұлы Тәжекеев²,
Ыслам Серікұлы Құрманғазов^{2*},
Жетесби Қанапияұлы Султанжанов²**

¹жетекші ғылыми қызметкер, Қазақстан
Республикасының Ұлттық музейі,
Астана қ., Қазақстан

²PhD, «Археология және этнография» ғылыми
орталығының жетекшісі, Қорқыт Ата атындағы
Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан
^{2*}корреспондент авторы, гуманитарлық ғылымдар
магистрі, ғылыми қызметкер,

Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті,
Қызылорда, Қазақстан

²тарих магистрі, ғылыми қызметкер,
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті,
Қызылорда, Қазақстан

2021 жылы Ботай қонысында жүргізілген ғылыми-реставрациялық жұмыстарының нәтижелері

Аннотация. Мақалада Солтүстік Қазақстан облысы Айыртау ауданы, Никольское ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 1,5 км жерде Иман-бұрлық өзенінің оң жақ жағалауында орын тепкен энеолит дәуірінің ескерткіші Ботай қонысында жүргізілген ғылыми-реставрациялық жұмыстарының нәтижелері жарияланады. 2012–2014 жж. қазба жұмыстарының нәтижесінде Ботай қонысынан ашылған «Қымызхана» нысанында 2021 ж. реставрациялық жұмыстары жүргізілді. Жұмыстың негізгі мақсаты көп жылғы ізденістердің нәтижесінде, қазба жұмыстарынан алынған мәліметтер негізінде Ботай үйлерін ашық аспан астындағы музейлендіру мәселесі бойынша алғашқы бастамасы болып отыр. Бұл археологиялық нысан қазба авторы В.Ф. Зайберттің ұсынысымен «Қымызхана» атауын алды, нысан қоныстың солтүстік бөлігіндегі жарқабақтың төбесінде орын тепкен. Қайта қалпына келтіру жұмыстарына жергілікті шикізат көздері пайдаланылды, қазіргі таңда бой көтерген нысан келуші қонақтар мен туристерге көрсетілуде. Ботай қонысында жүргізілген алғашқы ғылыми реставрация жұмыстары Қазақстан аумағындағы соңғы тас дәуірінің тұрғын үй кешенін қалпына келтіру болып табылады. Сонымен қатар, осы бағыттағы жұмыстар қоныстың қорғау аймағын жасау және ашылған құрылыстарды сақтау, музейлендіру ісінің де алғашқы кезеңіне жатады.

Алғыс: «Қымызханадағы» реставрациялық жұмысы барысында Ботай мәдениетін ашқан тарих ғылымдарының докторы, археология профессоры, Герман археологиялық институтының корреспондент мүшесі, қазба авторы В.Ф. Зайбертке ғылыми кеңесі үшін алғысымызды білдіреміз.

**Рустем Тұрарбекович Дарменов¹,
Азилхан Ауезханович Тажеев²,
Ыслам Серикович Курманғазов^{2*},
Жетесби Қанапияевич Султанжанов²**

¹ведущий научный сотрудник,
Национальный музей Республики Казахстан,
г. Астана, Казахстан

²PhD, руководитель научного центра «Археологии
и этнографии», Кызылординский университет
им. Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан

^{2*}магистр гуманитарных наук, научный сотрудник,
Кызылординский университет имени Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан

²магистр истории, научный сотрудник,
Кызылординский университет им. Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан

Итоги научно-реставрационных работ, проведенных на поселении Ботай в 2021 г.

Аннотация. В статье публикуются результаты научно-реставрационных работ, проведенных на поселении Ботай. Памятник датируется эпохой энеолита, расположен на правом берегу р. Иман-бурлык, в 1,5 км к юго-востоку от села Никольское (Айыртауский р-н, СКО). Объект «Кымызхана», открытый в результате раскопок поселения Ботай в 2012–2014 гг., в 2021 г. подвергся научно-реставрационным работам. Основной целью которых являлась музеефикация ботайских жилищ под открытым небом, на основе данных, полученных в результате многолетних исследований. По предложению автора раскопок В.Ф. Зайберта археологический объект получил название «Кымызхана». Объект находился на возвышенности в северной части поселения. В ходе научно-реставрационных работ были использованы местные доступные источники сырья, в настоящее время построенный объект был представлен посетителям и туристам. Первые научные реставрационные работы, проведенные на поселении Ботай – это восстановление жилого комплекса позднего каменного века на территории Казахстана. Кроме того, работы в данном направлении относятся к первому этапу создания охранной зоны поселения и сохранения вскрытых сооружений, музеефикации.

Благодарности: Выражаем благодарность за научную консультацию при проведении реставрационных работ на объекте «Кымызхана» автору раскопок – профессору, доктору исторических наук В.Ф. Зайберту.

Авторы статьи выражают искреннюю благодарность краеведу Женису Темирханулы и жителю села

Ғылыми-реставрациялық жұмыстарын орындау барысында қажырлы еңбегін аямаған өлке тарихының жанашыры Жеңіс Темірханұлына және Никольское ауылының тұрғыны Владимир Матюшинге авторлар арнайы рақмет айтады.

Сілтеме жасау үшін: Дарменов Р.Т., Тәжекеев Ә.Ә., Құрманязов И.С., Сұлтанжанов Ж.Қ. 2021 жылы Ботай қонысында жүргізілген ғылыми-реставрациялық жұмыстарының нәтижелері. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 115–125- бб. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.115.125](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.115.125)

Никольское Владимиру Матюшину за посильную помощь, оказанную в процессе работ.

Для цитирования: Дарменов Р.Т., Тәжекеев А.А., Құрманязов И.С., Сұлтанжанов Ж.Қ. Итоги научно-реставрационных работ, проведенных на поселении Ботай в 2021 г. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 115–125 (на каз.яз.). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.115.125](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.115.125)

1 Кіріспе (Дарменов Р.Т., Құрманязов И.С.)

Ботай мәдениеті – энеолит дәуірінде Солтүстік Қазақстан аймағын мекендеген тайпалардың мәдениеті. Ботай қонысын 1980 ж. Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы (жетекшісі В.Ф. Зайберт) алғаш ашып, ғылыми айналымға енгізді, қазіргі уақытқа дейін бұл қоныста зерттеу жұмыстары жүргізіліп келеді.

Ботай халықаралық археологиялық экспедициясының 40 жылғы жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында Ботай қонысынан өте бай археологиялық және остеологиялық материалдар табылған. Бірқатар шетел ғалымдарының ғылыми ізденістері мен зерттеулері қазақ елінің ежелгі тарихына қатысты ғылыми жаңалықтар ашты. Жартылай жер үстіне тұрғызылған үйлер ағаштан, саз балшықтан, жылқы сүйегінен, қайыңның қабығынан және шымнан салынған [Зайберт 2020: 25–40].

Аталмыш кешенде қазба жұмыстары 1980 ж. бастап жүргізілді, қазба жұмыстарынан алынған деректер мен материалдарға қарап, Қазақстанның солтүстік аумағында жаңа археологиялық мәдениет қоныстың атауымен «Ботай» мәдениеті деп атала бастады. Кейіннен Ботай қонысы халықаралық және отандық археология саласындағы маңызды ескерткіштердің бірі болды. Ботай мәдениеті отандық және кеңестік ғалымдардың назарын өзіне аударып қана қоймай, ескерткішке деген қызығушылықтарын оята түсті [Зайберт 1985: 3–17; 1993: 10–20; 2011: 15–30; 2017: 59–66].

Жүздеген тұрғын үйлер мен 200 мыңнан астам жәдігерлерді зерттеу арқылы ботайлықтардың шаруашылық, құрылыс қызметі, отбасылық қатынастары туралы түсінік алуға мүмкіндік беруде.

Қазіргі уақытқа дейін Ботай қонысы, Солтүстік Қазақстанның ежелгі тарихы және археологиясына арналған В.Ф. Зайберттің «Атбасар мәдениеті» (1992), «Энеолит Урало-Иртышского междуречья» (1992), «Тайны древней степи» (2007), «Ботай мәдениеті» (2009), «Ботай – у истоков степной цивилизации» (2011), «Атбасарская культура: Материалы и исследования по археологии Казахстана» (2012), «Сакральные контексты ботайской культуры» (2018), «Ботай» (2020) қазақ, орыс, және ағылшын тың еңбектері жарық көрген.

2019 ж. Ботай қонысы аумағында тұрғын үйдің ғылыми-эксперименталды кешені бой көтерген болатын. Бұл тұрғын үй кешені көп жылғы ізденістер мен қажырлы еңбектің арқасында заманауи техникаларды пайдалана отырып, ауа-райына төзімді қылып Ботай қонысынан және табиғи қорғалатын қорықтан тысқары жерден тұрғызылған. Қазіргі таңда қайта қалпына келтіру жұмыстары және безендіру жұмыстары жүргізіліп, туристерге және қонақтарға ұсынылып отыр.

1-сур. Ботай қонысының орналасу картасы. Орындаушы М.А. Антонов
Fig. 1. Location of the Botai settlement. Map compiled by M. Antonov
Рис. 1. Локализация поселения Ботай. Карту подготовил М.А. Антонов

2 Материалдар мен әдістер

2.1 Методология (Тәжекеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.К.)

Мақаланы жазу барысында тарихи-мәдени мұраларды қалпына келтіру барысында пайдаланылатын әдістер, нысан жайлы археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижелері (есептер, жоспары мен статиграфиялық сызбалары, тарихи-библиографиялық дереккөздер) және ғылыми-реставрация жүргізу үшін алдын-ала әзірленген ғылыми-жобалық құжаттар пайдаланылды

Қалпына келтіретін нысанға пайдаланылатын шикізат көздеріне жүргізілген материалтану және өлшем сызбаларына қатысты фотограмметриялық фиксация жұмыстары жүргізіліп реставрациялық жұмыстарының әр кезеңі суретке түсіріліп, кеткен құрылыс материалдарының шығыны есептелді.

2.2 Материалға сипаттама (Дарменов Р.Т., Құрманиязов Ы.С.)

Нысанға ғылыми-реставрация жұмыстарының сатысы және қолданылған әдістер:

2021 ж. Қорқыт Ата ат. Қызылорда университетінің Археология және этнография ғылыми орталығы қызметкерлері мен ҚР МСМ «Қазқайтажаңғырту» ШЖҚ мемлекеттік кәсіпорнының архитектор мамандары бірлесе отырып Ботай қонысындағы «Қымызхана» кешенін жартылай көтеру және ашық аспан астындағы музей жасау мақсатында жасалынды.

2-сур. Қымызхананың қайта қалпына келтіру жұмыстарына дейінгі көрінісі. Фотосурет Ә.Ә. Тәжекеевтікі
Fig. 2. View of “Kumyzkhana” before restoration work. Photo by A. Tazhekeyev
Рис. 2. Вид «Кымызханы» до реставрационных работ. Фото А.А. Тажекеева

1. Нысанның беткі қабатынан қоқыстар жиналып, құрылыстың шекарасын анықтау үшін археологиялық тазалау жұмыстары жүргізілді, орталық ошақ орны тазартылды (2-сур.).

2. Реставрация үшін дайындық жұмыстары жүргізіліп және нысанның жанына құрылыс материалдары, оның ішінде Иман-бұрлық өзенін жағасынан алынған, өңделген шойтастар (бутовый камень), ағаш, саз және таза топырақ әкелінді.

3. Нысанның ортасынан сыртына қарай жаңбыр және қар суын сіңіретін, жер асты арығы қазылып, өзен жағасынан майда тастар мен үлкен шойтастар төселіп, нығыздалып беті жабылды (3-сур.).

4. Нысанның 60–80 см биіктікте сақталған сегіз бұрышты қабырғаның бұрыштарына қазықтар қағылып, өлшеу жұмыстары жүргізілді.

5. Қымызхананың археологиялық мәдени қабатын сақтау үшін, беткі қабатына өзен жағасындағы майда тастар «Ботай» қызыл сазымен¹ араластырылып бетіне төселді. Атап өтетін жайт, бұл аймақта саздың бірнеше түрлері кездеседі, оларды жергілікті халық құрылыс жұмыстарына және т.б. тұрмысқа пайдаланады.

¹ Ботай қызыл сазы (красная глина) – жергілікті халықтың берген атауы, Иман-бұрлық өзеннің жағалауларында кездеседі. Ғалымдар пікірінше ботайлықтар қыш ыдыстары осы қызыл саздан жасаған.

3-сур. Дренажды жүйені құру барысы. Сурет Ж.К. Сұлтанжановтікі
Fig. 3. The process of creating a drainage system. Photo by Zh. Sultanzhanov
Рис. 3. Процесс создания дренажной системы. Фото Ж.К. Сұлтанжанова

6. Тұрғын үй кешені қабырғасының астыңғы қабатына геотекстиль төселіп, беті сазбен жабылды. Геотекстиль – агрессивті химиялық заттарға төзімділікпен танымал және ол тіпті аязды -60-ға дейін көтереді суыққа және +100° дейін ыстыққа төзімді материал. Біздің мақсатымыз қабырғаны жаңбыр немесе қар суы шайып кетпеуін қамтамасыз ету. Нысанның астыңғы қабаттары геотекстильмен жабылған соң үстіне саз төселіп нығыздалып тегістелді.

7. Қымызхана қабырғаларын тұрғызу барысында ең биік нүктесі таңдалып алынып, қабырғалары шойтаспен (бутовый камен) қаланып, арасын берік қылып ұстап тұру үшін цемент және қызыл саз жағылды. Биік нүктесі тексеріле отырып сегіз бұрышты тастан қаланған қабырға бой көтерді. Қымызхана қабырғаларының іші толықтай сыланды. Сылақтың құрамы жергілікті ботай қызыл сазынан тұрады, 8 текше метр және 6 текше метр жылқы көңі әкелініп араластырып қабырға жиектері сыланды.

Нысанның сыртқы қабырғасын нығайту үшін етегіне геотекстиль төселіп, үсті қызыл сазбен жабылды (4-сур.).

8. Қымызхана құрылысына пайдаланылатын бөренелердің қабықтары арнайы аршылды және сыртына жылқы қамайтын қора салынды. Жоспары шеңберлі келген қора этнографиялық деректерге сүйене отырылып жасалды.

9. Үйдің сыртқы жағынан, гидрооқшаулау үшін қабырғалар түбіне шым қабаты төселді. Бұл төселген шымқабат үйдің негізін ылғалдан, жаңбыр суы мен қардан қорғайды.

4-сур. Қымызхананың тастан құралған іргетасының көрінісі. Сурет Ж.К. Сұлтанжановтікі
Fig. 4. View of the masonry foundations of kumyzkhana. Photo by Zh. Sultanzhanov
Рис. 4. Вид каменной кладки фундамента кымызханы. Фото Ж.К. Сұлтанжанова

Шымқабат төсеу процесі екі кезеңде өтті. Бірінші төсеудің кезеңі тамыз айының басында төселсе, екінші кезеңде қосымша шымтезек қабаты арнайы ағаш бөренелермен тығыздалды. Шымқабат қабатының төселу ауданы – 50 м² болды.

10. Қабырғалардың үстіне ағаш бөренелер төселіп сегіз бұрышты үй үш қатар бөренелер қаланып, бір-біріне бекітілді. Бөренелерге ыстықтан, оттан және қураудан қорғайтын жақпа майы айналдыра жағылды (5-сур.). Бөрене мен қаланған тастың аралары қызыл саз бен жылқы көңі араласқан батпақпен сыланды. Бөлменің ортасында тастардан қаланған шағын ошақ қойылды. Нысандағы қайта қалпына келтіру жұмыстары толықтай аяқталып, туристерге ашық аспан асты музейі болуға дайын тұр (6, 7-сур.).

3 Талқылау мен нәтижелер (Тәжекеев Ә.Ә., Дәрменов Р.Т.)

Нысан Ботай қонысының оңтүстік-батысында үлкен жарқабақтың үстінде (1-сур.). жалпы аумағы 200 м² жерді алып жатыр. Ашылған құрылыстың аумағы 40 м² құрайды. Шартты атаумен

5-сур. Ағаштан тұрғызылған қабырғаны сақтау шаралары. Сурет Ж.К. Сұлтанжановтікі
Fig. 5. Preservation measures for a wall built of wood. Photo by Zh. Sultanzhanov
Рис. 5. Меры по сохранению стены, возведенной из дерева. Фото Ж.К. Сұлтанжанова

№ 30-шы тұрғын үй деп берілген. Қазба жұмыстары барысында мәдени қабатынан қыш ыдыстар мен сүйек материалдары анықталған. Қызықты жәдігерлер ішінде «үтікше» (утюжок) табылған. Қоныстан биікте орналасқандықтан қыш ыдыстардың көптеп шығуы тұрғын үйдің айналасында топырақ сараптамалары және жерді геомагниттік сканерлеу барысында үйдің жаны қора екендігі оның бір уақытта қызмет атқарғанды расталып отыр. В.Ф. Зайберттің тұжырымы бойынша бұл жерде жылқы сауатын қора оны сақтап, дайындайтын үй қызметін атқарған, сондықтан «Қымызхана» деп атау берілген. Қазбаның жер бетінен ортаңғы бөлігінің тереңдігі 80 см болды. Қабырғаларындағы баспалдақтар еденнен – 65 см [Sandra Olsen et al. 2006: 89–111].

Стратиграфиялық сипаттамадан құрылысты салу барысында үлкен қазан шұңқыр қазылып, қабырға ұзындығы 1,6 м дейін жеткен және қабырға қалыңдығы 1 м, бекіту үшін саз арасына жылқы сүйектерін (қабырға, жамбас, ортаңғы жілік қоспасы, т. б. сүйектер) пайдаланған. Үйдің төбесін жапқандағы биіктігі 4,2 м болған және бөлме ортасынан ошақ орны мен шаруашылық үшін пайдаланған шұңқырлар табылды. Тұжырым бойынша қымызхананың ортасында ошағының үстіне бұтақтармен оралған себетпен жасалып сыртын саз балшықтармен жағылған ошақтың жылуын сақтап қалу ошақ үстіне орнатылған. Шаруашылық шұңқырлары тереңдігі 1 метрге дейін жеткен, көбінесе шұңқырларда жылқы етін сақтаған [Зайберт 2013: 20–30; Зайберт и др. 2013: 112–118]. В.Ф. Зайберт керамикалық ыдыстардың фрагментері бойынша «Қымызхана» б.д.д. IV мыңж. мерзімдейді [Зайберт и др. 2013: 112–118].

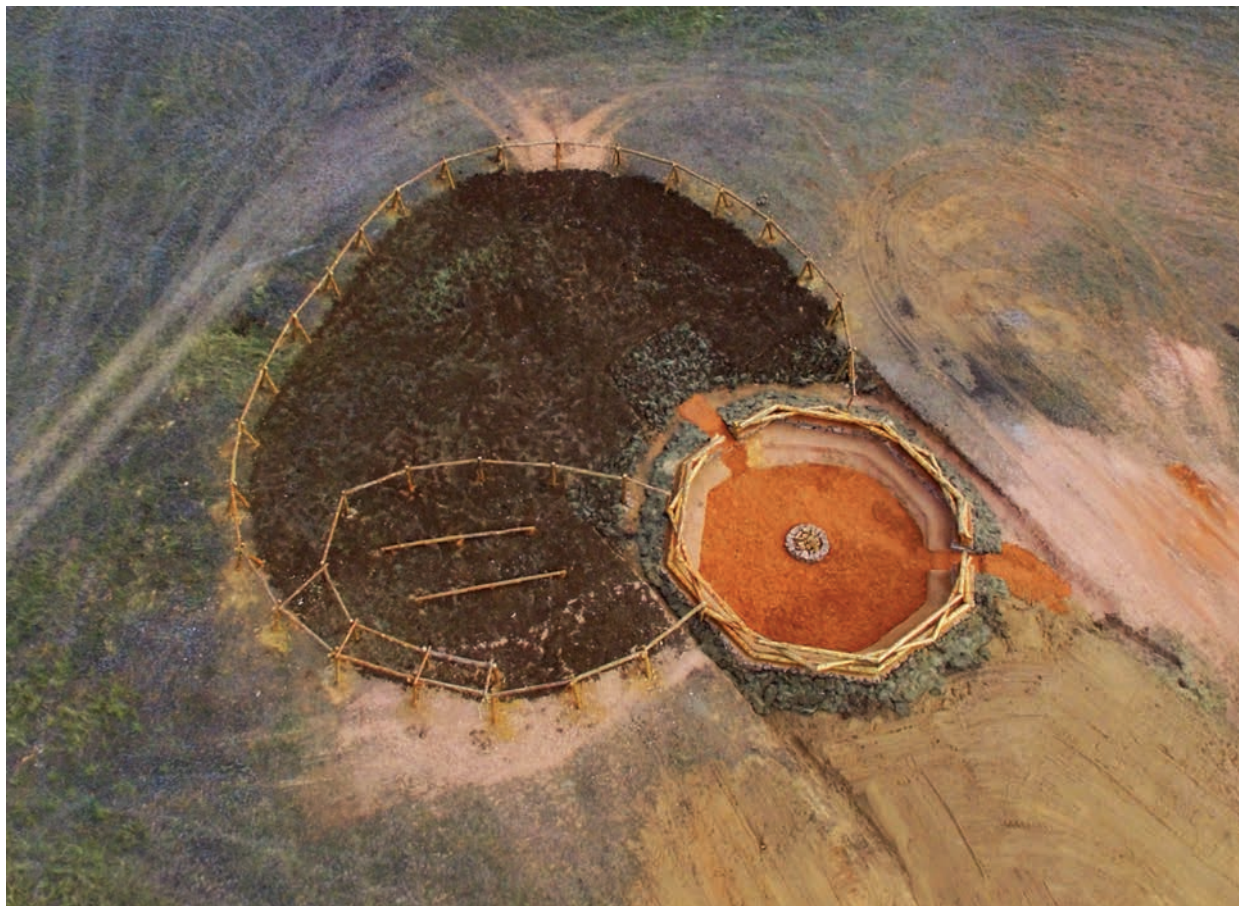

6-сур. Қымызхананың қайта қалпына келтіруден кейінгі көрінісі. Сурет Ж.К. Сұлтанжановтікі
Fig. 6. View of kumyzkhana after restoration. Photo by Zh. Sultanzhanov
Рис. 6. Вид кымызханы после реставрации. Фото Ж.К. Султанжанова

4 Қорытынды (Дарменов Р.Т., Тәжекеев Ә.Ә.)

2021 ж. Ботай қонысында орналасқан «Қымызхана» кешенінде жасалған жұмыстар техникалық құжаттамаға сәйкес жүргізіліп үйдің ішкі келбетін безендіру, оның ішіндегі гидрооқшаулау үшін жергілікті шикізат көздерінен алынып пайдаланды. Ботайлықтардың тұрмыс тіршілігі, дүниетанымы туралы ақпаратты қайта қалпына келтіруге байланысты жұмыстары реставрация барысында пайдаланылды.

Ботайлықтардың тұрмыс тіршілігін, ат ұстау өнерін археологиялық деректер бойынша сыртында жасалған қорадан (загон) да байқауға болады. Қалыптасқан қайта қалпына келтіру жұмыстарының тәжірбиесін Ботай қонысының басқа да ашылған тұрғын үйлеріне пайдалануға болады. Қайта қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері мен материалдары болашақта Ботай қонысы және республикамыздың басқа да аумағында тарихи-мәдени ескерткіштердің қайта қалпына келтіру жұмыстарына нұсқаулық ретінде қалыптасқан тәжірбиені таратуға мүмкіндік туғызып отыр.

7-сур. Қымызхана. Сурет Ж.К. Сұлтанжановтікі
Fig. 7. Kymyzkhana. Photo by Zh. Sultanzhanov
Рис. 7. Кымызхана. Фото Ж.К. Султанжанова

Ботай қонысындағы қайта қалпына келтіру жұмыстарын жүргізу үшін Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының архивтік ғылыми есептері мен өлшем сызбалары талданып, құрылыс барысында қолданылды.

Ботай қонысындағы қайта келтіру жұмыстары ең алғашқы Еуразия даласындағы энеолит дәуіріндегі қоныстың қайта қалпына келтіру жұмыстарының алғашқы сатысы және тарихи тәжірбие. Қазіргі таңда В.Ф. Зайберттің 40 жылдық зерттеулері нәтижесінде алынған тәжірбиеден ашық аспан астындағы музейін қалыптастыруға, тұрғындардың құрылыс салу өнерінің тереңде жатқандығын байқауға болады.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвуз. сб. Челябинск, 1985. С. 3-17.
- 2 Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993. 246 с.
- 3 Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: КазАқпарат, 2009. 566 с.
- 4 Зайберт В.Ф. Ботай у истоков степной цивилизации. Книга-альбом. Алматы: Балауса, 2011. 480 с.

- 5 Зайберт В.Ф. Основные итоги изучения ботайской культуры и ее роль в древней истории Казахстана // Труды ФИА. Астана: изд. гр. ФИА, 2013. С. 20-30.
- 6 Зайберт В.Ф. Историко-культурное значение открытия и изучения ботайской культуры на современном этапе // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. № 1–2. С. 59-66.
- 7 Зайберт В.Ф. Ботай. Алматы: Балауса, 2020. 480 б. (қазақ, орыс, ағылшын тіл.).
- 8 Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Құлаков Ю.В. Тайны древней степи. (Исследования поселения Ботай в 2004–2006 гг.). Кокшетау: Изд. центр Кокшетауского ун-та, 2007. 163 с.
- 9 Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Магзумов А.М. Археологические работы в полевом сезоне 2013 г. на поселении Ботай // Труды ФИА. Астана: изд. гр. ФИА, 2013. С. 112-118.
- 10 Sandra Olsen, Bruce Bradley, David Maki, Alan Outram. Community organization among Copper Age sedentary horse pastoralists of Kazakhstan // Beyond the Steppe and the sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology / Ed. by L.M. Peterson, A.T. Popova. Smith Brill Leiden Boston, 2006. P. 89-111.

REFERENCES

- 1 Zaibert, V. F. 1985. In: *Eneolit i bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (Eneolithic and Bronze Age of the Ural-Irtysh interfluve)*. Chelyabinsk, 3-17 (in Russian).
- 2 Zaibert, V. F. 1993. *Eneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (Eneolith of the Ural-Irtysh interfluve)*. Petropavlovsk (in Russian).
- 3 Zaibert, V. F. 2009. *Botayskaya kultura (Botai culture)*. Almaty: “KazAqparat” Publ. (in Russian).
- 4 Zaibert, V. F. 2011. *Botay u istokov stepnoy tsivilizatsii (Botai at the origins of the steppe civilization)*. Almaty: “Balausa” Publ. (in Kazakh, Russian, English).
- 5 Zaibert, V. F. 2013. In: *Proceedings of the branch of the Margulan Institute of Archaeology*. Astana, 20-30 (in Russian).
- 6 Zaibert, V. F. 2017. In: *Madeniet (Culture)*, 1–2, 59-66 (in Russian).
- 7 Zaibert, V. F. 2020. *Botai (Botai)*. Almaty: “Balausa” Publ. (in Kazakh, Russian, English).
- 8 Zaibert, V. F., Tyulebaev, A. Zh., Zadorozhny, A. V., Kulakov, Yu. V. 2007. *Tayny drevney stepi (Secrets of the ancient steppe)*. Kokshetau: Kokshetau University (in Russian).
- 9 Zaibert, V. F., Tyulebaev, A. Zh., Magzumov, A. M. 2013. In: *Proceedings of the branch of the Margulan Institute of Archaeology*. Astana, 112-118 (in Russian).
- 10 Sandra Olsen, Bruce Bradley, David Maki, Alan Outram. 2006. In: Peterson, L. M., Popova, A. T. (eds.). *Beyond the Steppe and the sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology*. Boston, 89-111 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.09.2022.

УДК 903/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.126.150>

Тополандшафтные исследования курганов раннего железного века западной части Жетысу Алатау

© 2022 г. Антонов М.А., Горячев А.А., Хисматуллин Р.К.

Keywords: archaeology, Zhetysu Alatau, GIS, Space imaging, landscape, burial mound, topography, planography, early Iron Age

Түйін сөздер: археология, Жетысу Алатауы, ГАЖ, космостық түсірілімдер, ландшафт, обалы қорым, топография, планиграфия, ерте темір ғасыры

Ключевые слова: археология, Жетысу Алатау, ГИС, космические снимки, ландшафт, курганный могильник, топография, планиграфия, ранний железный век

Mikhail Antonov¹, Alexander Goryachev^{1*}, Rafael Khismatullin²

¹Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: archaeology@live.ru

^{1*}Corresponding author, Leader researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: aga.2805@mail.ru

²Local lore expert, Taldykorgan, Kazakhstan. E-mail: xrk.75@mail.ru

Topolandscape researches of the early Iron Age mounds of the western part of Zhetysu Alatau

Abstract. The present work is devoted to the analysis of remote and field studies of topolandscape features of Early Iron Age mounds near the western slopes of Zhetysu Alatau. According to the results of the work on this territory, a group of 386 monuments with burial structures in the form of hemispherical mounds, as well as ditches and ramparts along their perimeter were identified. Based on this sample of archaeological sites, a preliminary map of monuments has been compiled, which represents the nature of the distribution of objects with similar signs in the foothill and mountain zones of the western spurs of the Zhetysu Alatau. It was found out that the densest concentration of mounds with ditches was recorded in the area of the Bastobe Mountains, the Kogaly Valley and the interfluvium of Koksuy and Karatal. There are also about 390 of the largest “royal” mounds in the region. In the cultural traditions of the population of the early Iron Age, there were invariants of architectural features of burial complexes. The most massive series is represented by mounds with ditches around the perimeter of the embankment (216), the remaining 170 monuments contain burial structures with “external” ditches, when there were platforms of rounded or square shapes between the embankment and the ditch. In some cases, shafts of the same shape replace square ditches, and rounded ditches have low shafts along the inner perimeter. Among the burial grounds with the largest mounds, a group of 14 monuments stands out, where structures with “external” ditches are marked, which do «bridges» from opposite sides, mainly along the west–east axis, interrupt. Statistical analysis shows that for this microdistrict such archaeological sites make up from 30 to 40% of the total number of monuments of the early Iron Age. This speaks in favor of the fact that at a certain historical stage, the bearers of these traditions of funeral rites occupied a dominant position in the territories near the western slopes of Zhetysu Alatau. Mounds with similar architectonics and topolandscape situation on the territory of southeastern Kazakhstan are not found anywhere else, with the exception of the high-altitude valleys of the Kegen, Shalkodesu, Tekes, Karkara and Shelek rivers. This may indicate certain ethno-cultural ties of the inhabitants of these regions. The analysis of architectural features based on analogies with the well-known studied complexes shows that, most likely, these monuments were built in the Saka period (6th–3rd centuries BC) and mark the development of one tribal association.

Acknowledgement: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2022–2023,

project IRN BR11765630. The authors would like to thank Timur Weitz for his assistance in finding and monitoring the monuments.

For citation: Antonov, M., Goryachev, A., Khismatullin, R. 2022. Topolandscape researches of the early Iron Age mounds of the western part of Zhetysu Alatau. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 126–150 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.126.150](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.126.150)

**Михаил Александрович Антонов¹,
Александр Анатольевич Горячев^{1*},
Рафаэль Курманғалиұлы Хисматуллин²**

¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

²өлкетанушы, Талдықорған қ., Қазақстан

Жетісу Алатауының батыс бөлігінің ерте темір ғасыры обаларын тополандшафтық зерттеу

Аннотация. Бұл жұмыс Жетісу Алатауының батыс беткейіндегі ерте темір ғасыры обаларының тополандшафтық ерекшеліктерін қашықтықтан және нақты зерттеуге арналған. Осы аумақтағы жұмыстардың қорытындысы бойынша периметрі бойынша орлар мен жалдардан тұратын жарты шар пішінді үйінділер түріндегі жерлеу құрылыстары бар 386 ескерткіштен тұратын топ бөлініп қарастырылды. Археологиялық нысандардың осы сұрыптауына сүйене отырып, Жетісу Алатауының батыс сілемдерінің тау бөктері мен таулы аймақтарында осыған ұқсас белгілері бар нысандардың таралу сипатын білдіретін ескерткіштердің алдын-ала картасы жасалды. Оры бар обалардың ең тығыз шоғырлануы Бастөбе таулары, Қоғалы алқабы және Көксу мен Қаратал өзен аралығында тіркелгені анықталды. Мұнда аймақтың 390-ға жуық ең ірі «патша» обалары шоғырланған. Ерте темір дәуірі тұрғындарының мәдени дәстүрлерінде жерлеу кешендері сәулеттік ерекшеліктерінің инварианттары болған. Шұңқырлы обалардың ең көп таралған түріне жамылғы периметрі бойынша орлары бар обалар (216) жатса, қалған 170 ескерткіште жамылғы мен ордың арасында дөңгелек немесе шаршы пішінді алаңдары, «сыртқы» орлары бар жерлеу құрылыстары бар. Кейбір жағдайларда төртбұрышты орлар бірдей пішінді жалдармен алмастырылады, ал дөңгелек орларда ішкі периметрі бойынша аласа жалдар байқалады. Көлемі жағынан ең үлкен обалары бар қорымдардың арасында 14 ескерткіштен тұратын топ ерекшеленеді, онда батыс-шығыс осі бойымен, яғни қарама-қарсы жақтардан «көпірлермен» бөлінген «сыртқы» орлары бар құрылыстар белгіленген. Статистикалық талдау көрсеткендей, аталған шағынауданда

**Михаил Александрович Антонов¹,
Александр Анатольевич Горячев^{1*},
Рафаэль Курманғалиевич Хисматуллин²**

¹научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

²краевед, г. Талдықорған, Казахстан

Тополандшафтные исследования курганов раннего железного века западной части Жетысу Алатау

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу дистанционных и натурных исследований тополандшафтных особенностей курганов раннего железного века у западных склонов Жетысу Алатау. По итогам работ на этой территории выделена группа из 386 памятников с погребальными сооружениями в виде насыпей полусферической формы, а также рвами и валами по их периметру. Базируясь на данной выборке археологических объектов, составлена предварительная карта памятников, которая представляет характер распространения объектов с подобными признаками в предгорной и горной зонах западных отрогов Жетысу Алатау. Выяснено, что наиболее плотная концентрация курганов со рвами зафиксирована в районе гор Бастөбе, Когалинской долине и междуречье Коксу и Каратала. Здесь же сосредоточено около 390 наиболее крупных «царских» курганов региона. В культурных традициях населения раннего железного века существовали инварианты архитектурных особенностей погребальных комплексов. Наиболее массовую серию представляют курганы со рвами по периметру насыпи (216), остальные 170 памятников содержат погребальные сооружения с «внешними» рвами, когда между насыпью и рвом имелись площадки округлой или квадратной форм. В некоторых случаях квадратные рвы заменяются валами той же формы, а у округлых рвов прослеживаются невысокие валы по внутреннему периметру. Среди могильников с наиболее крупными по размерам курганами выделяется группа из 14 памятников, где отмечены сооружения с «внешними» рвами, которые прерываются «мостиками» с противоположных сторон, преимущественно по оси запад–восток. Статистический анализ показывает, что для данного микрорайона такие археологические объекты составля-

мұндай археологиялық нысандар ерте темір ғасыры ескерткіштері жалпы санының 30-дан 40%-на дейін құрайды. Бұл белгілі бір тарихи кезеңде осы жерлеу ғұрпын ұстанушылардың Жетісу Алатауының батыс беткейіндегі аумақтарда үстемдікке ие болғандығын білдіреді. Кеген, Шалқодесу, Текес, Қарқара және Шелек өзендерінің биік таулы алқаптарын қоспағанда, Оңтүстік-Шығыс Қазақстан аумағында осыған ұқсас архитектуралық және тополандшафттық жағдайлардағы обалар еш жерде кездеспейді. Бұл осы аймақтардың тұрғындарының белгілі бір этномәдени байланыстарын көрсетуі мүмкін. Белгілі зерттелген кешендермен ұқсастықтар негізінде осы обалардың сәулеттік ерекшеліктерін талдау, ең алдымен, бұл ескерткіштер сақ заманында (б.д.д. VI–III ғғ.) салынғанын және бір ру-тайпалық бірлестіктің дамуын белгілейтінін көрсетеді.

Алғыс: Жұмыс ҚР БҒМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж., мақсатты қаржыландыру бағдарламасы аясында орындалды, жобаның ЖТН BR11765630. Авторлар ескерткіштерді іздестіру мен олардың жағдайларына мониторинг жасауда көрсеткен көмегі үшін Тимур Вайцқа алғыс білдіреді.

Сілтеме жасау үшін: Антонов М.А., Горячев А.А., Хисматуллин Р.К. Жетісу Алатауының батыс бөлігінің ерте темір ғасыры обаларын тополандшафттық зерттеу. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 126–150-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.126.150](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.126.150)

ют от 30 до 40% от общей численности памятников раннего железного века. Это говорит в пользу того, что на определенном историческом этапе носители этих традиций погребальной обрядности занимали доминирующее положение на территориях у западных склонов Жетісу Алатау. Курганы с аналогичной архитектурой и тополандшафтной ситуацией на территории Юго-Восточного Казахстана нигде больше не встречаются, за исключением высокогорных долин рек Кеген, Шалқодесу, Текес, Карқара и Шелек. Это может свидетельствовать об определенных этнокультурных связях жителей данных регионов. Анализ архитектурных особенностей на основе аналогий с известными исследованными комплексами показывает, что, вероятней всего, данные памятники были сооружены в сакское время (VI–III вв. до н.э.) и маркируют развитие одного родоплеменного объединения.

Благодарности: Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2023, ИРН проекта BR11765630. Авторы выражают благодарность Тимуру Вайцу за оказанное содействие в поиске памятников и мониторинге их состояния.

Для цитирования: Антонов М.А., Горячев А.А., Хисматуллин Р.К. Тополандшафтные исследования курганов раннего железного века западной части Жетісу Алатау. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 126–150. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.126.150](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.126.150)

1 Введение (Горячев А.А.)

Археологические исследования курганов раннего железного века на территории Жетісу имеют длительную предысторию, начиная с середины XIX в. Первые систематизированные сведения об археологических памятниках региона были составлены известным археологом В.В. Радловым по поручению Императорской Археологической комиссии [Археология Семиречья 2011: 46–51; Радлов 1863: 21]. Сообщения о древних курганах и их первичные исследования осуществлялись специалистами-краеведами и любителями древней истории [Археология Семиречья 2011; Григорьев 2011: 15–26]. Среди них особо стоит отметить географа Н.А. Абрамова, профессора М.В. Флоринского и востоковеда Н.Н. Пантусова – активного участника Туркестанского кружка любителей археологии. Преимущественно фиксировались крупные курганные насыпи в различных уголках Семиреченского края и производились раскопки с целью получения материалов и изучения погребальных конструкций в традициях методик археологических исследований того времени [Абрамов 1873: 60–63; Флоринский 1898: 16–31; Пантусов 1893: 72–74, 132–133; 1899а: 16–17; 1899а: 105–117; 1900: 19–20].

В 1920–1930-е гг. активным изучением памятников раннего железного века в регионе занимались В.Д. Городецкий, Б.Н. Дублицкий и К. Ходжиков. Они оставили ценные сведения о многих курганах, не дошедших до нас в силу активно развивавшейся инфраструктуры населенных пунктов Семиречья в советское время [Городецкий: 99-103; Дублицкий; Ходжиков 1935: 42–50]. Методические исследования древних памятников региона с середины 1930-х – до начала 1950-х гг. прово-

дил А.Н. Бернштам. Опубликованные результаты работ существенно обогатили представления того времени о погребальных традициях населения раннего железного века Жетысу [Бернштам 1940; 1946; 1948; 1949].

С образованием Академии наук КазССР в 1946 г. и профильного Института истории, археологии и этнографии работы отечественных специалистов по изучению древних курганов были систематизированы. Итогом в 1960 г. стало первое сводное издание памятников истории культуры, где представлены наиболее выдающиеся погребальные комплексы раннего железного века современного Жетысу [АКК 1960]. В 1960-1980-е гг. активное изучение курганов данного региона продолжили археологические экспедиции под руководством Е.И. Агеевой, К.А. Акишева, Б.Н. Нурмуханбетова, А.Г. Максимовой, Г.А. Кушаева, Р.Б. Исмагилова, Ю.В. Трифонова и др. [Агеева 1960: 65–69; 1961: 21–40; Акишев, Кушаев 1963; Максимова 1972: 123–138; 1980: 114–122; Акишев К. 1978; Исмагилов 1990: 30–32; Нурмуханбетов, Трифонов 2016: 10–18]. В этих исследованиях значительное внимание уделено структуре курганных насыпей как элементу погребальной обрядности. В теоретических работах того периода ставились задачи анализа хозяйственного, этнокультурного развития и религиозных верований древнего населения Жетысу [Акишев А. 1984; Заднепровский 1992: 73–87].

В 1990-е – начале 2000-х гг. исследования древних курганов раннего железного века на территории Жетысу носили массовый, но не систематизированный характер. В значительной степени эта ситуация связана с изучением аварийных памятников по результатам археологических экспертиз участков будущих хозяйственно-строительных работ. Только на территории Алматы были исследованы могильники Бутақты-1, Улжан, Улжан 2, Коккайнар 1-3, Таугуль 3 и ПИТ Алатау [Самашев и др. 2005; Амиров 2008: 29–34; Амиров и др. 2015: 49–54; Горячев, Мотов 2018: 79–90; Нуржанов и др. 2020: 70–95]. Значительное количество курганных насыпей было изучено при прокладке новых дорожных полотен и линий газопроводов в районе г. Талдыкорган, Талгар, Есик, населенных пунктов Шелек, Сарыозек, Джансугуров, Турген, Актерек, Шиилибастау, в районе Кордайского перевала, в Когалинской и Кегенской долинах, а также по берегам рек Шелек, Шарын, Каркара, Кеген, Каратал, Коксу, Биен/Буйен, Биже/Быжы и др. Большинство материалов этих погребальных комплексов полностью не опубликовано, за редким исключением [Самашев и др. 2009: 350–352; Онгар и др. 2014: 29–57; Байпаков и др. 2016; Бейсенов и др. 2017: 97–108; Базарбаева 2018: 157–178; Бексеитов и др. 2018а: 527–536; 2018б: 108–123; Горячев 2020; Онгарулы и др. 2020; Горячев, Егорова 2022]. Тем не менее предпринимаются попытки анализа культурных традиций и теоретической систематизации погребальных комплексов этого периода [Джумабекова и др. 2011; Джумабекова, Базарбаева 2018: 469–484; Иванов 2019: 71–78; Естемесов 2021].

В 1990 г. началась важная для нашей работы программа «Свод памятников истории и культуры Талды-Курганской области», в которую входит исследуемая территория. Однако работы по ней в силу разных причин завершились только в 2008 г. уже в составе Алматинской области по программе «Культурное наследие» по теме «Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область», где зафиксировано около 1800 курганов и могильников с курганными сооружениями [Свод памятников... Алматинская область. 2009]. При дальнейшей доработке материалов проекта численность документированных курганных комплексов раннего железного века на территории региона составила свыше 2000 [Алматинская область... 2018а; 2018б]. Руководителем обеих программ являлся К.М. Байпаков, а авторы – активными их исполнителями и, прежде всего, тех районов области, которые охватывали западные отроги Жетысу Алатау.

Указанная группа памятников раннего железного века составила более 90% всей массы объектов историко-культурного наследия региона. Курганы расположены во всех природно-географических микрорайонах Жетысу от полупустынь до высокогорных плато и хребтов. Систематизация этих объектов показала, что при общей характеристике, такой как наличие надмогильного сооружения в виде насыпи, структурно они существенно отличаются. Выделяются насыпи полусферической или уплощенной формы и в виде усеченного конуса. Они были сооружены полностью из земли либо из земли и камня со сплошной каменной наброской, а также земляные или каменно-земляные с кольцевой каменной оградой по периметру. Яркими особенностями курганных сооружений региона являются конструктивные детали погребальных комплексов, устроенных за пределами насыпей. К таковым относятся кольцевые каменные ограды, установленные стелообразные камни, курганы «с усами», земляные рвы и валы по периметру, округлые и квадратные каменно-земляные площадки, в центре которых устраивалось непосредственно погребальное сооружение с насыпью.

Основной идеей настоящей работы стало выявление курганов раннего железного века с отдельными конструктивными характеристиками - рвами по периметру на территории западных отрогов Жетысу Алатау (рис. 1), входящих в структуру Джунгарско-Балхашской складчатой системы. Природно-географические особенности данного региона заключаются в том, что территорией, которая в достатке могла обеспечить хозяйственно-культурные потребности древнего на-

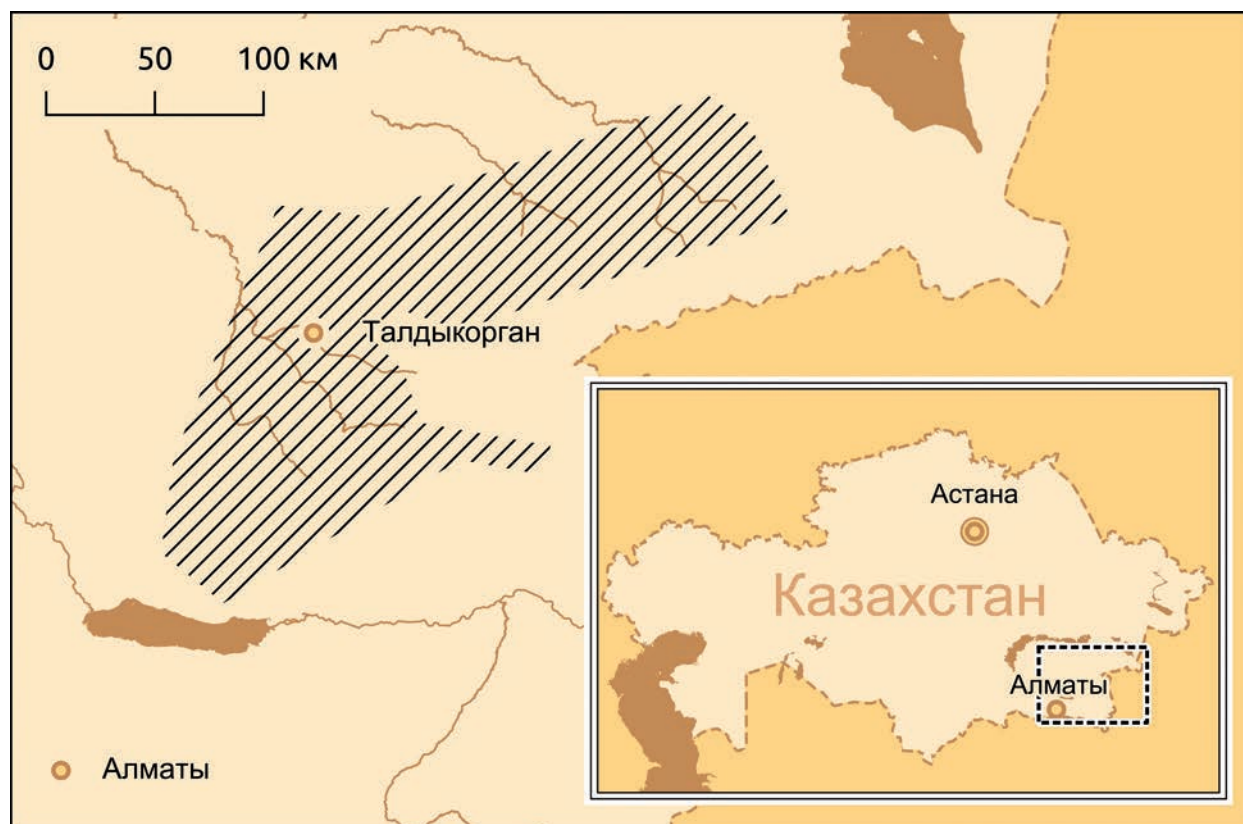

Рис. 1. Местоположение исследуемой территории западных склонов Жетысу Алатау 1-сур. Жетісу Алатауының батыс беткейлерінің зерттелетін территориясының орналасқан жері

Fig. 1. Location of the studied territory of the western slopes of Zhetysay Alatau

селения раннего железного века, несомненно являлась предгорно-горная часть со сравнительно широкими и плодородными речными долинами и богатыми разнотравьем пастбищами на межгорных равнинах.

Главной задачей исследования явилось изучение тополандшафтной ситуации расположения таких курганов и структурной организации их как внутри каждого отдельного погребального комплекса, так и в составе могильников этого периода. Для чего неотъемлемую, но не основную часть работы, сыграло изучение спутниковых снимков данного региона. Помимо дешифровки снимков, авторы статьи используют некоторые методы анализа, связанные со статистикой. Максимально объективные результаты позволяют выделять региональные особенности памятников. Однако вполне возможно что в учет не попали неизвестные, разрушенные или труднораспознаваемые по разным причинам объекты. Решение этих задач при сравнительном анализе с уже исследованными курганами региона позволит провести их культурно-хронологическую атрибуцию.

2 Методы и материалы исследований

2.1 Методика исследований (Антонов М.А.)

Археологические исследования региона в рамках настоящей темы включали несколько последовательных этапов работ: 1 - сбор и анализ имеющихся архивных и библиографических материалов по археологическим памятникам и природно-географическим характеристикам данной территории; 2 - анализ топографических карт, дешифровка космических снимков и геоинформационный анализ собранных данных по курганам раннего железного века со рвами по периметру; 3 - проведение натурного обследования отдельных наиболее репрезентативных объектов и их дополнительная фиксация; 4 – камеральная обработка и систематизация полученных результатов.

На первом этапе организована первичная база данных по известным курганам раннего железного века с определенными конструктивными элементами при сооружении надмогильных насыпей. На следующем этапе анализ топографических карт и мест расположения курганов позволяет выявить районы детальной разведки подобных объектов по космоснимкам. Для дешифровки спутниковых снимков на предмет наличия и выявления памятников археологии (в частности курганов с предполагаемой датировкой: ранний железный век) использовались различные источники. Прежде всего, доступные изображения Google Earth, Bing Maps. На наш взгляд, наиболее контрастные и выделяющиеся четкостью по отношению к разрешению изображений являются снимки, доступные в Bing Maps. Однако Google Earth предоставляет пакеты изображений разновременных съемок, что весьма полезно для сравнения результатов дешифровки, к примеру, при различном освещении, плотности растительности и отсутствии техногенного вмешательства, запечатленного на ранних изображениях и т. д.

Также стоит отметить зимние панхроматические снимки, полученные с помощью спутника Orb View-3, доступные на веб-сайте геологической службы США (USGS). Наличие зимних спутниковых снимков для данного региона не велико, однако некоторые из них повлияли на множество спорных ситуаций, где, например, из-за гаммы цветов зарослей, теней и других факторов выявление отдельных деталей становилось затруднительным. Несмотря на то, что разрешение данных снимков гораздо меньше, чем у изображений, полученных с помощью спутника Quick Bird (предоставляемых Google), зимние Orb View уникальны (в частности для данного региона, другие регионы авторами статьи не исследовались). Запечатленная поверхность ландшафта покрыта снегом, что передает саму «фактуру» ландшафта четче, исключая «текстуру» растений, особенности почвы на

разных участках и многое другое. Для анализа используем изображения одного из могильников, расположенного восточнее Каратальской плотины севернее поселка Сарыбулак (рис. 2). Данный памятник удобен для примера тем, что на нем присутствуют различные детали архитектоники – курганные насыпи, рвы и вал (прямоугольной формы). На одном из снимков отображается предоставляемый компанией Google для широкой публики (рис. 2, 1), на другом – зимний снимок Orb View-3 (рис. 2, 2), и он же обработанный методом повышения контрастности, наложения и смещения цветовой шкалы (рис. 2, 3). Стоит отметить, что вал данного кургана практически не различим визуально на местности при натурном обследовании.

В целях определения участков, наиболее плотных (по количеству скоплений) могильников и т. н. визуализации ядер использовался инструмент «Тепловая карта» (*англ.* Heat map), доступный в

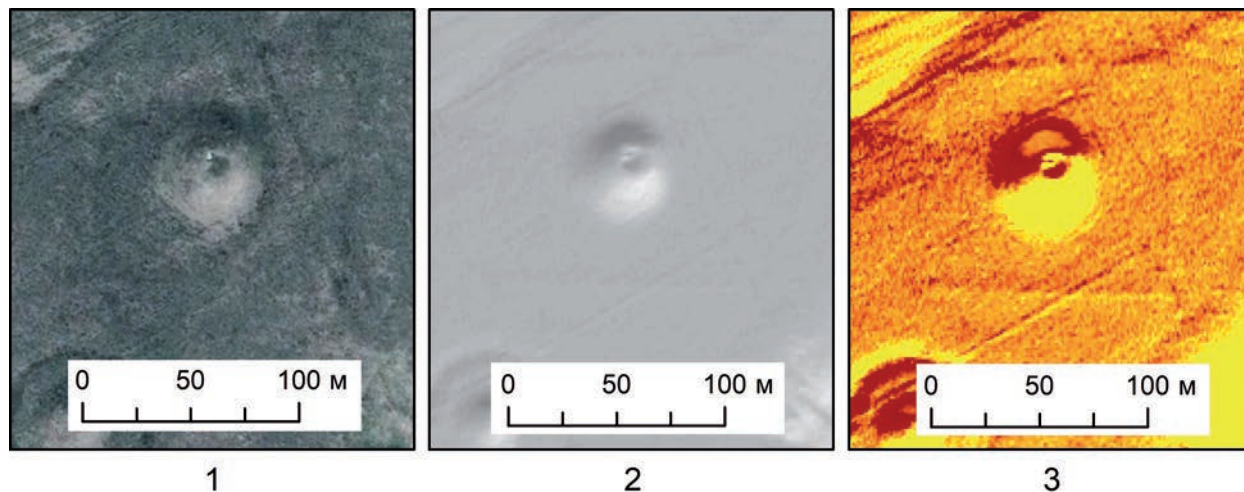

Рис. 2. Сравнение результатов спутниковых снимков могильника в районе поселка Сарыбулак: 1 – спутник Quick Bird; 2 – спутник Orb View-3 (оригинал); 3 – спутник Orb View-3 (обработанный).
Источник Bing Maps © Microsoft и веб ресурс USGS

2-сур. Сарыбулақ ауылы ауданындағы қорымның спутниктік суреттерінің нәтижелерін салыстыру: 1 – Quick Bird спутнигі; 2 – Orb View-3 спутнигі (түпнұсқа); 3 – Orb View-3 спутнигі (өңделген).
Bing Maps © Microsoft дереккөзі және USGS веб ресурсы

Fig. 3. Comparison of the results of satellite images of the burial ground near the village of Sarybulak: 1 – Quick Bird satellite; 2 – Orb View-3 satellite (original); 3 – Orb View-3 satellite (processed).
Source Bing Maps © Microsoft and USGS web resource

свободной, кроссплатформенной геоинформационной системе QGIS (ранее известной как Quantum GIS). Сам инструмент, входящий в пакет модулей QGIS, генерирует растр, используя алгоритм «Плотность ядер» (*англ.* Kernel density, также известный как KDE). Стоит сказать, что данный вид анализа все чаще востребован в археологии последние годы, однако несколько десятилетий назад не был так распространен. Несомненно, одна из причин такой ситуации заключается в том, что данная методология не была доступна в свободно распространяемом программном обеспечении [Beardah, Baxter 1996: 179]. Подобный метод анализа может использоваться не только по численным факторам, но и возможно пересечение с результатами исследований особенностей ландшафта [Bonnier и др. 2019: 70], а также многими другими видами систематизации материалов, связанных как с пространственными компонентами, так и с любыми информативными атрибутами.

Архитектура множества курганов плохой сохранности, зачастую из-за современного, техногенного вмешательства - прокладка дорог, постройка зданий, трасс для мотокросса и др. Самым распространённым является неоднократная распашка полей для посевов. Все эти повреждения часто вызывают проблемы и для дистанционных, и для полевых исследований. Натурные обследования проводились авторами в разные годы как на отдельных периферийных зонах скоплений курганов с интересующими нас признаками (горы Шолак, Архарлы, Малайсары, северные склоны Жетысу Алатау), так и в районах, где их массовое сосредоточение позволяло выделить центры определенной культурной традиции (долины рек Коксу, Каратал, Когоалинская долина, горы Бастобе, Тастобе, Баянжурек и западные склоны основного хребта). Результаты камеральной обработки полученных материалов и их систематизации легли в основу настоящей работы.

2.2. Описание материалов исследований курганов раннего железного века западных отрогов Жетысу Алатау (Антонов М.А., Горячев А.А., Хисматуллин Р.К.)

Несмотря на значительный общий объем памятников с курганами раннего железного века (свыше 2000), документированных в результате двух крупномасштабных паспортизаций территории Алматинской области (включая нынешн. обл. Жетысу)* (*В 2022 г. Алматинская обл. разделена на Алматинскую с центром в г. Капшагай и Жетысускую (каз. Жетісу) с центром в г. Талдыкорган), в ходе дальнейших исследований различных микрорайонов выяснилось, что их общая численность значительно превышает известные данные. В частности, по проекту паспортизации памятников гор Архарлы, где отмечено около 40 могильников раннего железного века, в итоге натурной археологической разведки было обнаружено свыше 120 подобных комплексов [Горячев и др. 2021: 66–97; 2022]. Также полномасштабное изучение с применением натуральных и дистанционных способов обследования территории Жамбылского района показало, что вместо 400 курганных могильников здесь их имеется более 2000 [Древности Жетысу... 2016]. Целые участки разных районов области оказались неохваченными археологической разведкой. Вместе с тем даже простой дистанционный анализ ситуации показывает, что подобных памятников, особенно в труднодоступных по разным причинам микрорайонах (долины рек Шалкодесу, Шелек, Каратал, Аксу, Биен и приграничных с КНР территориях), в несколько раз больше чем было обнаружено.

Из всей серии курганных могильников раннего железного века Жетысу основную выборку данного исследования составили погребальные сооружения с внешним рвом и/или валом по периметру. В результате сбора данных по архивным материалам и дистанционной разведки с натурными обследованиями наиболее ярких объектов и крупных скоплений памятников в отдельных микрорайонах западных отрогов Жетысу Алатау выявлено 386 могильников, в структуре которых отмечены курганы с указанными признаками. За пределами горной и предгорной зон западных отрогов Жетысу Алатау курганы с подобными характеристиками не отмечены (рис. 3). В широтном диапазоне они зафиксированы от горных хребтов северного побережья долины р. Или/Иле (Малайсары, Архарлы, Шолак, Алтынэмель) с юга до предгорной полосы к югу от озера Алаколь с севера. Ни на побережье озера, ни в долине реки они не встречаются, за исключением одного участка близ известных курганов Бешатыр и долины р. Борохудзир.

В других регионах Жетысу подобные курганы не зафиксированы, либо их количество настолько мало, что позволяет считать создание их в этих районах не характерным явлением. Признаки курганных сооружений здесь принципиально иные и, прежде всего, отсутствуют рвы и валы по периметру насыпей, в некоторых случаях их местоположение в погребальном комплексе заменяют

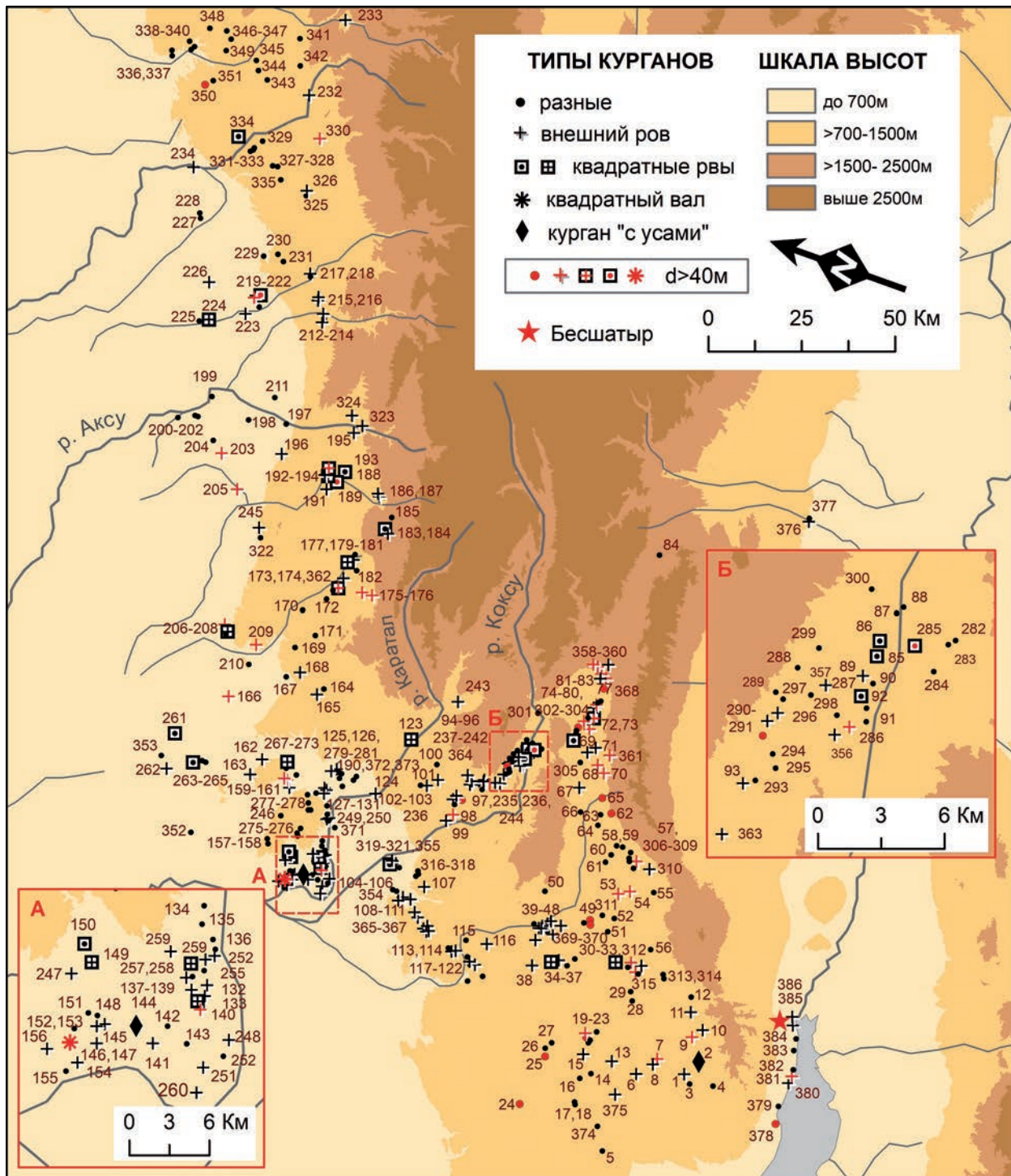

Рис. 3. Расположение курганов со рвами у западных склонов Жетысу Алатау
3-сур. Жетісу Алатауының батыс беткейлеріндегі орлары бар обалардың орналасуы
Fig. 3. The location of mounds with ditches at the western slopes of Zhetysay Alatau

кольцевые каменные ограды. Также курганы со рвами по периметру не встречены нами в ходе широкомасштабных разведок горных районов Южного Казахстана (хребты Аксу-Жабаглы, Каржантау, Казыгурт, Боралдай и Каратау). Устройство и структурная организация могильников этих территорий существенно отличаются от памятников раннего железного века Жетысу Алатау [Свод памятников... ЮКО 1994; Свод памятников... Жамбылская обл. 2002; Свод памятников... Жуалинский р-н 2013; Байтанаев и др. 2017].

Такое же плотное скопление курганов со рвами (рис. 4) отмечено нами в высокогорных долинах хребтов Узынкора (Кетмень) и Кунгей Алатау (Кегень, Сарыжаз, Текес, Шалкодесу, Каркара, Жаланащ, Шелек). Здесь своеобразным пространственным маркером с наиболее крупными курганами является Кегенская долина, в центре которой сооружен крупнейший курган региона Жуантобе. В ее других частях по берегам рек Каркара и Кеген зафиксированы курганы диаметром свыше 100 м, близ которых фиксируются могильники с погребальными сооружениями, которые принято именовать «царскими». Важно отметить, что и с этой стороны Илийской долины вдоль поймы р. Шелек отмечена серия курганов со рвами, но в значительно меньшей степени концентрации, чем в высокогорной зоне.

Таким образом, в южных регионах Казахстана курганы со рвами по периметру насыпи имеют строгую локализацию в восточной части Северного Притяньшанья в предгорной и горной зоне Жетысу Алатау и высокогорных районах хребтов Кунгей Алатау и Узынкора. Наиболее плотные скопления этих памятников позволяют утверждать, что основными их центрами были горы Бестобе по правому берегу р. Каратал и Когоалинская долина. В рамках данного исследования получено два растра (рис. 5). Плотность скоплений в обоих случаях выявлена при радиусе поиска 20 км. На пер-

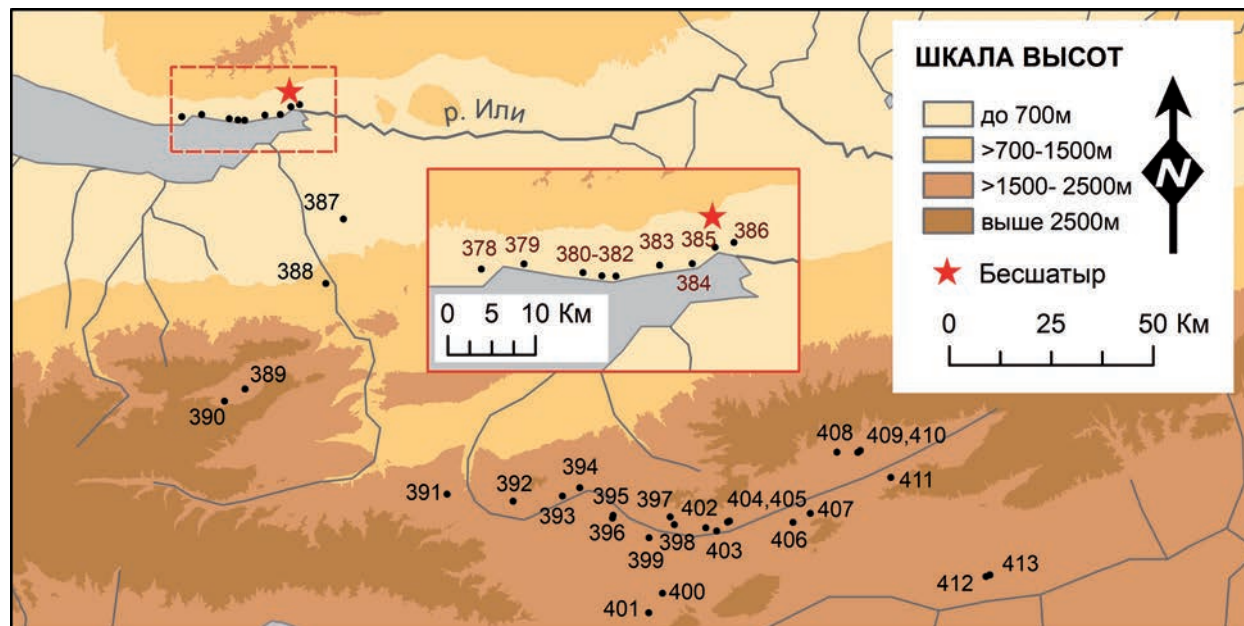

Рис. 4. Расположение курганов со рвами в восточной части Северного Притяньшанья 4-сур. Солтүстік Тяньшань өңірінің шығыс бөлігіндегі орлары бар обалардың орналасуы
Fig. 4. The location of mounds with ditches in the eastern part of the Northern Tien Shan region

вой карте (рис. 5, 1) отображены результаты анализа, для которого использовались все 386 могильников, в числе которых встречаются различные типы курганных насыпей, рвов и т. д. Первое, самое плотное их скопление (а) - находится на правом берегу р. Каратал (к 3–СЗ от г. Талдыкорган) и второе (б) – между реками Каратал и Коксу (в районе села Бигащ). На второй карте (рис. 5, 2) показаны результаты анализа расположения 164 могильников, у которых в цепочках курганов присутствует хотя бы один с внешним рвом, образующим некую площадку по периметру насыпи. Результаты второго анализа весьма схожи, заметны незначительные смещения «ядер», но в отличие от первого выявлено еще одно небольшое скопление могильников с внешним рвом (в), на истоках реки Ащибулак (между гор Сарыбастау и Бериктас) и другое (г) в центральной части Когалинской долины. В этих же районах отмечены концентрации так называемых «царских» погребальных комплексов, отмеченных на 53 памятниках.

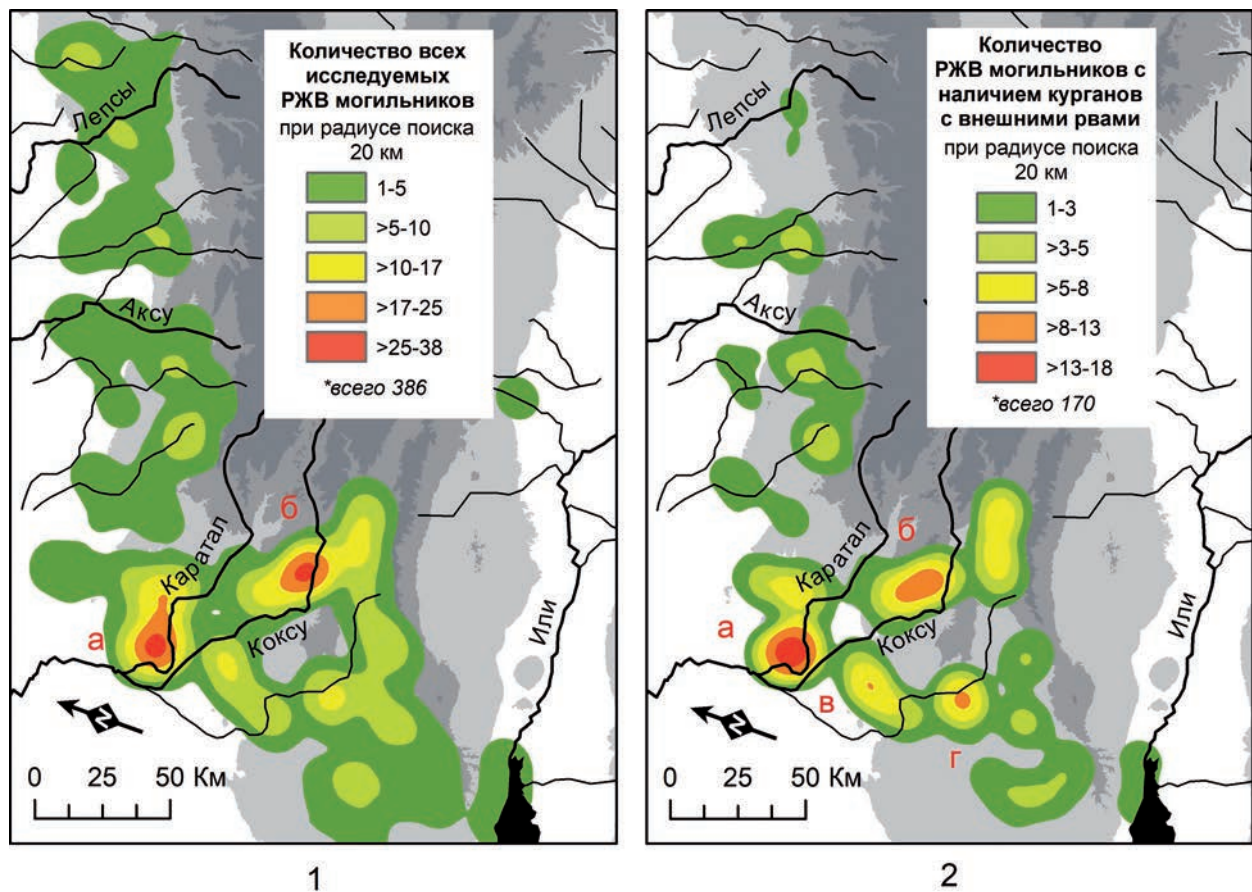

Рис. 5. Результаты анализа плотности скопления могильников со рвами в западной части Жетысу Алатау при радиусе поиска 20 км в виде «тепловой карты»: 1 – могильники с курганами различной архитектуры; 2 – могильники с курганами с внешним рвом

5-сур. «Жылу картасы» түрінде іздеу радиусы 20 км болатын Жетысу Алатауының батыс бөлігіндегі орлары бар қорымдар шоғырының тығыздығын талдау нәтижелері: 1 – әртүрлі архитектурадағы обалы қорымдар; 2 – сыртқы орымен обалы қорымдар

Fig. 5. Results of the analysis of the density of clusters of burial grounds with ditches in the western part of Zhetysay Alatau with a search radius of 20 km in the form of a «heat map»: 1 – burial grounds with mounds of various architecture; 2 – burial grounds with mounds with an external ditch

Высотно-зональное распределение археологических объектов с данными признаками имеет свои определенные особенности (рис. 6). Основная часть курганов со рвами зафиксирована на предгорных равнинах с высотными отметками от 500 до 800 м над у.м. у подножия и на склонах отдельных горных гряд и в межгорных долинах (от 900 до 1500 м над у.м.) западной части основного хребта Жетысу Алатау. Отдельные курганные группы устраивались на горных перевалах – древних транзитных маршрутах региона, высотой свыше 1500 и до 1800 м над у.м. Высокая концентрация подобных курганов зафиксирована в водных бассейнах рек Коксу, Биже, в верховьях Аксу, Буй-

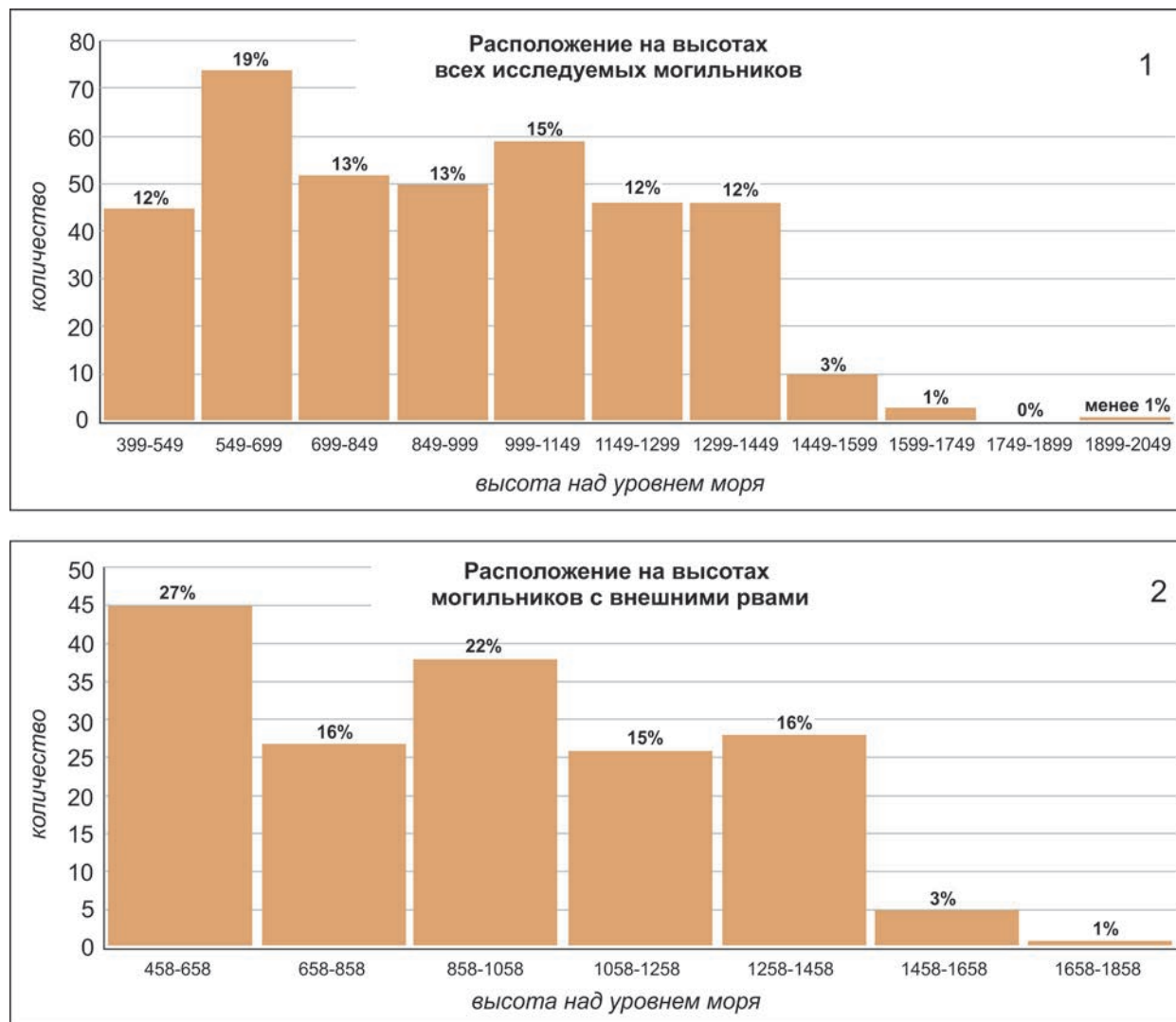

Рис. 6. Высотно-зональное расположение могильников со рвами и валами в западной части Жетысу Алатау

6-сур. Жетісу Алатауының батыс бөлігіндегі орлары мен жалдары бар қорымдардың биіктік-аймақтық орналасуы

Fig. 6. High-altitude zonal location of burial grounds with ditches and ramparts in the western part of Zhetysu Alatau

ен, Лепсы, Тентек и в Копинской долине. К окраинам этих микрорайонов в сторону пустынных районов и к долине реки Или могильники с такими курганами встречаются реже. Часто в этих погребальных комплексах они составляют меньшинство в структуре могильников с разнотипными курганами. Такая ситуация прослеживается на пограничных территориях в горах Шолак, Архарлы и Малайсары, а также в полупустынных районах по долинам всех основных рек, стекающих со склонов гор Жетысу Алатау.

Для сравнительного анализа достаточно интересен тот факт, что курганы со рвами в другом регионе Жетысу концентрируются на участках с высотными отметками от 1800 до 2500 м над у.м. (рис. 4). При этом тополандшафтная ситуация Кегенской, Каркаринской, Жаланашской долин и верховьев р. Шелек мало чем отличаются от межгорных долин Жетысу Алатау за исключением высотных отметок. Их параметры здесь приближаются к основным данным изучаемого района только в нижнем течении реки, где она впадает в Или. В этом же районе северной части Илийской долины отмечена серия могильников раннего железного века с подобными курганами в структуре (рис. 3). Мы можем предположить, что в данном случае маркируется наиболее распространенный в древности транзитный маршрут между двумя микрорайонами Жетысу, в которых проживало население, имевшее схожие погребальные традиции.

Анализ структурной организации могильников с подобными курганами в западной части гор Жетысу Алатау показал, что помимо рвов и площадок по периметру данных погребальных сооружений их объединяет полусферическая форма насыпей. Тем не менее, наблюдаются некоторые отличия и в характере устройства отдельных погребальных комплексов, и в их общей планиграфии (рис. 7). На основе анализа архитектурных особенностей таких погребальных комплексов нами выделены следующие их типы: курганы с внешними рвами, прерываемые «мостиками» (рис. 7, 1), курганы на маркированных рвом площадках с внешними рвами округлой (рис. 7, 2) или квадратной форм (рис. 7, 4), в некоторых случаях с обваловкой по внутренней стороне рва (рис. 7, 3), курганы, обнесенными валами квадратной формы (рис. 7, 5) и курганы со рвами по периметру насыпи (рис. 7, 6). Среди таких археологических объектов наиболее распространены последние.

Из 386 курганных могильников региона объекты с округлыми площадками и «внешними» рвами по их периметру отмечены на 170 памятниках (рис. 8, 1, 2). К этой же категории относятся практически все 390 «царских» курганов, зафиксированные здесь. Параметры насыпей этих сооружений варьируют от 40 до 110 м, высотой от 3 до 10 м. В большинстве случаев подобные 1–2 сооружения в структуре могильников составляют его основу (центр), а остальные значительно меньших размеров группируются вокруг них. Однако в горах Бастобе, по берегам рек Каратал и Коксу, а также в Когалинской долине имеются памятники, в составе которых их насчитывается от 4 до 12. Среди «царских» погребальных комплексов имеется группа из 14 могильников с отдельными наиболее крупными объектами, устроенными на ровных площадках, по периметру которых глубокие рвы (до 4–5 м глубиной) прерываются «мостиками».

В ряде случаев у подобных курганов удается проследить с внутренней стороны рва небольшую расплывшуюся обваловку (высотой до 0,2–0,3 м). С внешней стороны она производит впечатление, что курган с площадкой находится на некоем возвышении по сравнению с окружающей территорией (рис. 8, 3). Возможно, в изначальном состоянии таких курганов было больше, но в силу того, что такой вал был исключительно земляной, то до наших дней его признаки редко сохраняются. Курганы со рвами квадратной формы по периметру таких же площадок обнаружены на 28 могильниках (рис. 8, 4). Параметры подобных площадок напрямую зависели от размеров курган-

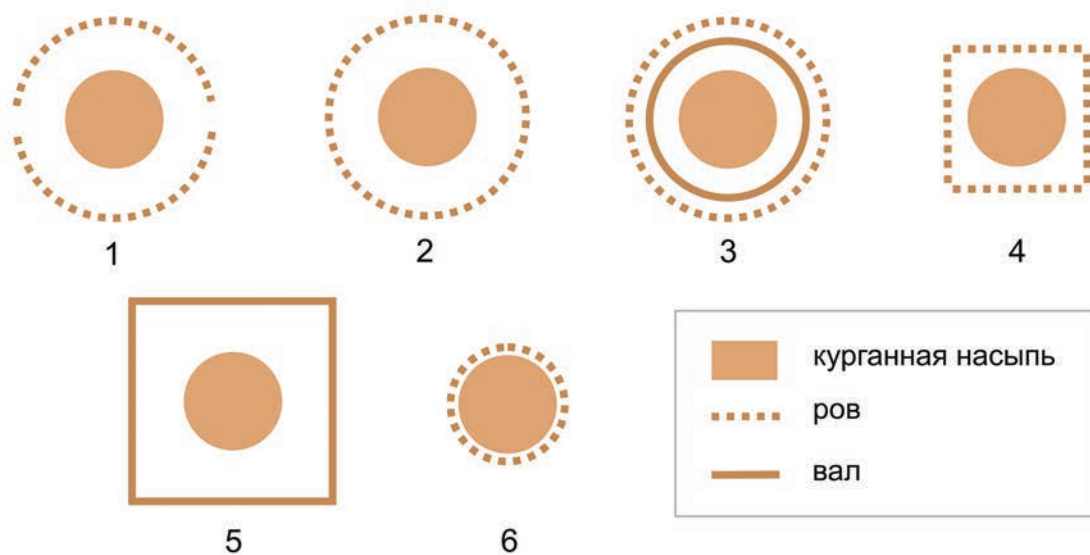

Рис. 7. Графическая схема типов структурной организации курганов со рвами и валами в западной части Жетісу Алатау

7-сур. Жетісу Алатауының батыс бөлігіндегі орлары мен жалдары бар обаларды құрылымдық ұйымдастыру типтерінің графикалық схемасы

Fig. 7. Graphic diagram of the types of structural organization of mounds with ditches and ramparts in the western part of Zhetysu Alatau

ных насыпей. В единичных случаях известны насыпи, окруженные валом квадратной формы, как на могильнике Сарыбулак 10 (рис. 8, 5), либо в структуре могильника имеются курганы с «усами» (мог. Карашоқы 5 и Сарыбулак 3).

Могильники, в которых встречаются рвы по периметру кургана, составляют основную часть данной выборки и отмечены в структуре 216 памятников раннего железного века западных склонов Жетісу Алатау (рис. 8, 6). Большинство насыпей таких объектов диаметром от ≥ 10 до 20 м с шириной рвов 1-2 м. В некоторых погребальных комплексах обнаружены как отдельные объекты, так и группы сооружений диаметром ≤ 20 до 30 м высотой до 2,5 м. Такие параметры и серийность позволяют предполагать, что в категории курганы со рвами подобные объекты представляют захоронения основных групп населения.

Подавляющее большинство памятников с подобными признаками представляют собой могильники, состоящие из цепочек курганов, жестко ориентированных по определенным направлениям (рис. 9). В учет данного статистического анализа взяты все могильники (независимо от типа и особенностей архитектуры), где четко распознаваемы цепочки курганов, начиная от 2-х ед. и более. Ломаные, кривые линии, а также окруженные скоплениями вектора выделялись по принципу «линия основной цепочки». В анализ не вошли одиночные курганы, хаотические скопления, «V»-образные, а также «сложные комплексы» (такие как Берлик 1), в которых устроены несколько разнонаправленных цепочек, зачастую сформированные не только из-за ритуально-родовых принципов, но и особенностей ландшафта.

В результате на 167 памятниках с изучаемыми признаками были определены основные направления цепочек курганов (рис. 9, 1). Доминирующей ориентировкой их оказалась ось ЮЗ–СВ с

небольшими отклонениями (ЮЮЗ–ССВ; ЗЮЗ–ВСВ). Таких цепочек насчитывается около 100, что составляет около 60% от общей выборки. Гораздо реже выделяются оси цепочек по направлениям ЮВ–СЗ с отклонениями (ЮЮВ–ССЗ; ВЮВ–ЗСЗ), которых насчитывается 49 (около 30%). 13 погребальных комплексов были ориентированы по оси Ю–С (около 8%). Ориентировка цепочек курганов по оси З–В (на диаграмме три отметки по линии З–В и еще три по линии В–З из-за незначительного отклонения от горизонтальной оси) выглядит аномальным отклонением, тем более что она отмечена на могильниках, расположенных на небольших перевалах, где другую ориентировку цепочек могильных конструкций организовать было сложно.

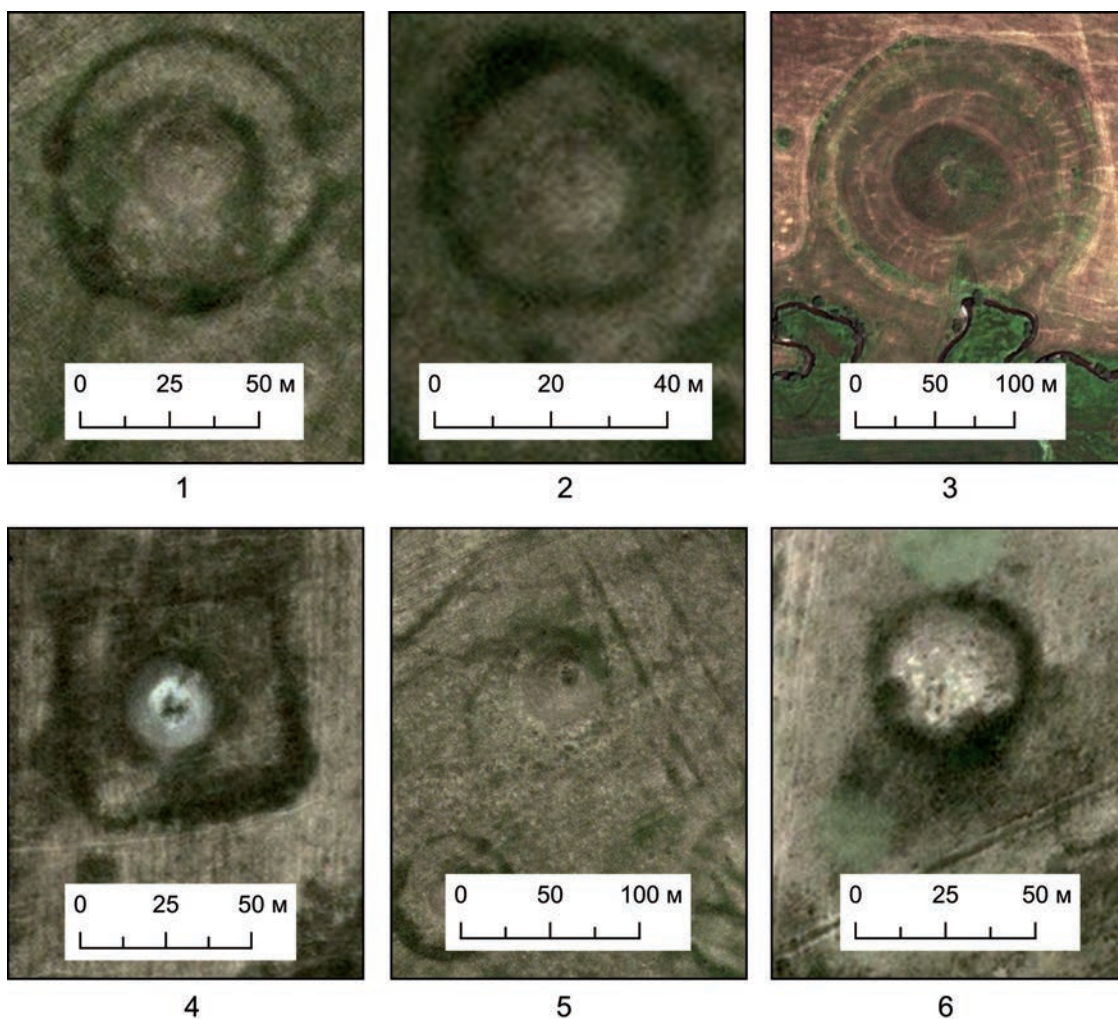

Рис. 8. Типы структурной организации курганов со рвами и валами в западной части Жетысу Алатау.
Спутниковые снимки Bing Maps © Microsoft

8-сур. Жетісу Алатауының батыс бөлігіндегі орлары мен жалдары бар обаларды құрылымдық ұйымдастыру типтері. Bing Maps спутниктік түсірілімдері © Microsoft

Fig. 8. Types of structural organization of mounds with ditches and ramparts in the western part of Zhetysay Alatau.
Satellite Images Bing Maps © Microsoft

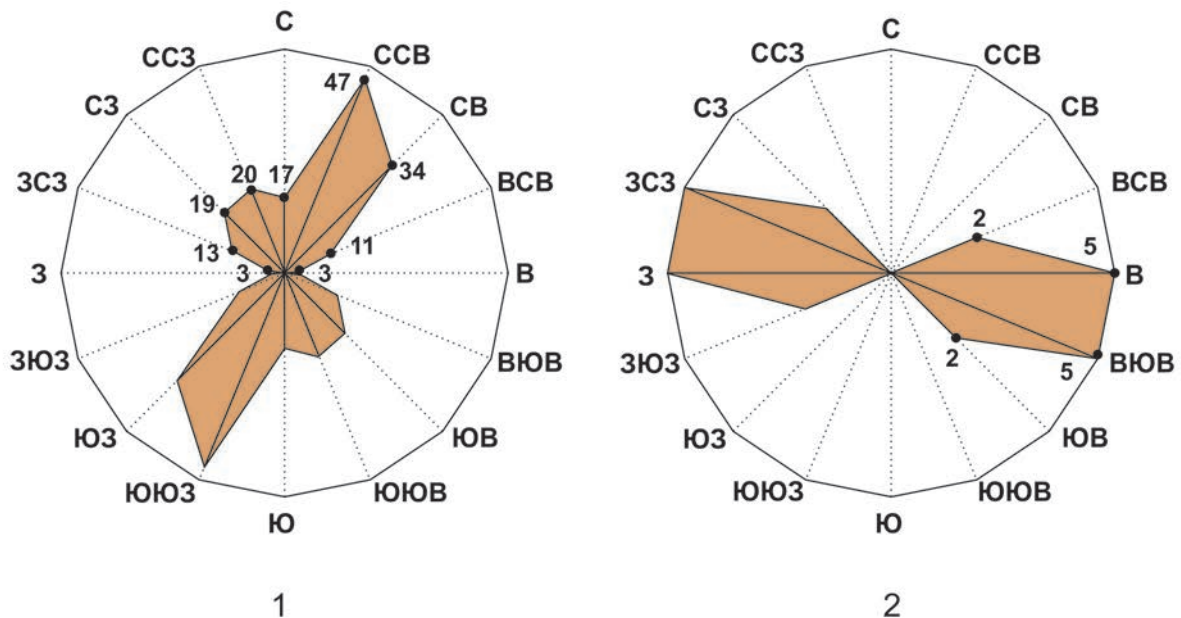

Рис. 9. Анализ ориентации погребальных конструкций раннего железного века в западной части Жетысу Алатау: 1 – ориентировка выявленных цепочек курганов со рвами и валами; 2 – ориентировка выявленных «мостов» через внешние рвы

9-сур. Жетысу Алатауының батыс бөлігіндегі ерте темір ғасыры жерлеу құрылымының бағытын талдау: 1 – орлары мен жалдары бар обалардың анықталған тізбегінің бағыты; 2 – сыртқы ор арқылы анықталған «көпірлердің» бағыты

Fig. 9. Analysis of the orientation of burial structures of the Early Iron Age in the western part of Zhetysu Alatau: 1 – orientation of identified chains of mounds with ditches and ramparts; 2 – orientation of identified “bridges” across external ditches

Эти данные отличаются в определенной степени от ориентировок цепочек курганов раннего железного века, в частности у северных склонов хребтов Узынкора, Иле и Кунгей Алатау. Здесь основным направлением являлись оси С–Ю и ЮВ–СЗ [Алматинская область... 2018а; 2018б]. Объяснением этих различий является, с одной стороны, отличающиеся друг от друга направления основных рек, по берегам которых формировались в раннем железном веке курганные погребальные сооружения. С другой стороны, совпадающие различия в устройстве курганных насыпей и их ориентировок в этих сопредельных микрорайонах Жетысу, могут быть определенными значимыми реперами при их культурно-хронологической атрибуции.

Значительный интерес представляет анализ ориентировки четко распознаваемых «мостов» через внешние рвы на 14 могильниках (рис. 9, 2). Из них по параметрам выявлены объекты, относящиеся к категории «царские» только на четырех памятниках. Однако на комплексе Кольтобе-І в восточной части Кугалинской долины обнаружены сразу три таких кургана со схожей ориентировкой. Здесь доминантным направлением выглядит ось В–З (5) с некоторыми отклонениями ВСВ–ЗЮЗ (2) и ВЮВ–СЗС (5). Ориентировка по оси ЮВ–СЗ (2) не выглядит аномальной, а скорее объясняется инвариантностью, связанной с определенными ландшафтными условиями расположения данных объектов или же других факторов, повлиявших на нее в момент постройки. С учетом расположе-

ния курганов с «мостиками» через внешние рвы среди погребальных комплексов раннего железного века западных отрогов Жетысу Алатау, можно предполагать их особую роль в погребально-поминальной практике древнего населения региона.

3 Результаты и обсуждение (Антонов М.А., Горячев А.А., Хисматуллин Р.К.)

Результаты статистического анализа могильников раннего железного века у западных склонов Жетысу Алатау показывают, что в местах их наиболее плотного скопления курганы со рвами составляют до 40% всех обнаруживаемых погребальных сооружений, а количество памятников, где имеется хотя бы один такой археологический объект здесь достигает 50-60%. В других микрорайонах региона данные показатели скромнее и не превышают 20% общего количества как курганов, так и могильников. Выявленные данные свидетельствуют, что на определенном историческом этапе носители подобных погребальных традиций занимали доминирующее положение на территории западных отрогов Жетысу Алатау.

Как показал сравнительный анализ архитектуры погребальных сооружений в других районах Жетысу (долина р. Иле, северные склоны Иле Алатау и его западных отрогов, Шу-Илейские горы и Шу-Илейское междуречье) подобные курганы не встречаются, либо отмечаются в редких случаях в восточной части Илейской долины (рис. 3; 4), что дает основание считать эти участки транзитной территорией между высокогорными долинами рек Кеген, Шалкодесу, Текес, Каркара и Шелек, расположенными в горах Узынкора и Кунгей Алатау. Это может свидетельствовать об определенных этнических и культурных связях жителей данных микрорайонов с населением западных склонов Жетысу Алатау.

Тополандшафтная ситуация, в которой встречаются курганы со рвами у западных склонов Жетысу Алатау, характерна для древнего населения, ведущего комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Их наивысшая концентрация наблюдается на предгорных прилавках по берегам всех крупных рек региона – Биже, Коксу, Каратал, Биен, Аксу, Лепсы и Тентек. Даже в тех случаях, когда подобные памятники фиксируются в горных долинах, последние расположены по берегам крупной реки как горы Бастобе, Алабасы, Ешкиолмес, либо отличаются обилием ручьев и родников, которые в свою очередь являются истоками этих крупных рек, а некоторые еще и плодородными черноземными почвами (Капальская, Коксуская и Когалинская долины).

В тоже время близость гор с ущельями с богатым разнотравьем создавала все условия для развития отгонного скотоводства и даже его полукочевых форм (яйлажное) при вертикальном способе кочевания. Именно такие характеристики способствовали в регионе Жетысу ситуации, при которой часть населения занималась земледелием, в т. ч. и поливным, на выходах из ущелий, в поймах рек и ручьев, а другая группа - скотоводством в условиях горных ущелий и высокогорных плато [Горячев, Сараев 2015: 5-18; Горячев, Мотов 2018: 123-138]. Подобная специализация способствовала как устойчивости хозяйственно-экономического развития древнего населения, так и усложнению структуры его общественной организации. Эти факторы, чаще всего, наиболее ярко маркируются в характере и устройстве погребальных памятников древних эпох.

Материалы археологических разведок позволяют нам представить архитектурные особенности курганов со рвами. В частности, основу каждого погребального сооружения составляли насыпи полусферической формы. В их основании отмечены крепиды в виде кольцевой каменной обкладки. Несмотря на то, что основа насыпи земляная, в ней регулярно прослеживаются даже в верхней части следы каменных набросок. Как показывает практика исследованных курганов раннего же-

лезного века, это каменные перекрытия насыпи, которые формировались в процессе ее сооружения. Подобные традиции известны в материалах могильников Иссык, Тургень-1, ПИТ Алатау и др. [Акишев К. 1978: 6; Амиров и др. 2015: 51; Ташбаева 2018: 36-50; Бексеитов и др. 2018: 535; Нуржанов и др. 2020: 72-73; Горячев, Егорова 2022], датируемые разными этапами раннего железного века (VI-II вв. до н.э.). Из чего следует, что данная традиция для круга сакских племен Жетысу и Северного При Тяньшанья была общей на протяжении длительного времени.

Данная выборка археологических памятников демонстрирует, что в культурных традициях населения раннего железного века региона существовали различные варианты организации погребальных комплексов. Самую значительную группу представляют курганы со рвами по периметру насыпи, зафиксированные на 216 могильниках. Параметры этих сооружений (от 8 до 30 м в диаметре) и их массовость (до 80% от общего числа всех курганов данной серии) позволяют считать, что здесь были погребены представители различных социальных слоев от рядовых общинников до представителей мелкой родовой знати.

Другая группа из 170 памятников содержит погребальные сооружения с «внешними» рвами, когда между насыпью и рвом имелись площадки округлой или квадратной форм. В некоторых случаях квадратные рвы заменяются валами той же формы, а у округлых рвов прослеживаются невысокие валы по внутреннему периметру. Их параметры (от 25 до 110 м в диаметре) дают основание предполагать, что они представляют захоронения социально престижных групп населения, что выразилось в определенных конструктивных деталях погребальных комплексов. В частности, ряд наиболее крупных курганов с «внешними» рвами имеют такой важный атрибут как «мостики» через глубокие рвы, ориентированные на точки восхода и захода солнца. Этот фактор предполагает, что данные комплексы могли выполнять не только функции погребального сооружения, но и имели некое значение в религиозно-обрядовой практике древнего населения.

Однако этнокультурная атрибуция данной выборки памятников раннего железного века на основе только археологической разведки и статистического анализа достаточно затруднительна. Основная проблема заключается в том, что подобные сооружения редко исследовались методом археологических раскопок, а некоторые материалы этих исследований до сих пор не опубликованы. На территории западных склонов Жетысу Алатау авторам известны работы по могильнику Сарыозек и могильника Каспан 6 (Кербулакский р-н, Жетысуская обл.) [Бейсенов и др. 2020: 97-108; Джумабекова, Базарбаева 2018: 476-477]. Среди памятников схожей культурной традиции известны исследования могильника Катартобе 1 в долине р. Каркара (Райымбекский р-н, Алматинская обл.) [Онгар и др. 2014; Онгарулы и др. 2020]. Если данные могильника Сарыозек пока не опубликованы, то первичные культурно-хронологические определения материалов могильников Каспан 6 и Катартобе 1 укладываются в рамки сакского периода в более широких пределах VI-III вв. до н.э. [Бейсенов и др. 2015: 64; Джумабекова, Базарбаева 2018: 476-478]. Это позволяет приблизительно соотнести период существования данной традиции устройства погребальных сооружений раннего железного века со рвами по периметру конструкций с этим же временем.

4 Выводы (Антонов М.А., Горячев А.А.)

В статье представлены итоги планиграфических исследований некрополей западных склонов Жетысу Алатау. Тополандшафтные исследования археологических объектов на территории Казахстана как научное направление получило свое развитие сравнительно недавно. Методическая и методологическая основа его находится в стадии разработки. Тем не менее, выбранный нами подход к

изучению памятников раннего железного века позволил получить определенные предварительные выводы о характере погребально-поминальных традиций древнего населения западных склонов Жетысу Алатау.

Сбор данных об архитектурных особенностях курганов этого периода на основе дистанционной и натурной разведок дает основание выделить группу погребальных комплексов со рвами и валами по периметру. Сравнительный анализ отмечает, что подобные объекты системно концентрируются у западных склонов Жетысу Алатау, составляя существенную часть всех погребальных памятников раннего железного века региона в целом. Для курганов других районов Жетысу подобные архитектурные детали не характерны, за исключением высокогорных районов хребтов Узынкора и Кунгей Алатау. Таким образом, именно здесь на определенном историческом этапе формируются погребальные традиции, которые были характерны для отдельной родоплеменной группировки, освоившей предгорную и горную природно-географическую нишу региона.

Типологически погребальные сооружения данной выборки у западных склонов Жетысу Алатау различаются на курганы со рвами по периметру насыпи и «внешними» рвами. В устройстве последних отмечаются округлые и квадратные валы по внутреннему периметру рвов либо вместо них. На наш взгляд, отмеченные характерные отличия вместе с параметрами курганов маркируют социальную структуру населения раннего железного века этого региона, состоявшую из рядовых общинников, военно-родовой и высшей знати («царей»). Особенности устройства погребальных комплексов данной традиции и реконструируемая по ним социальная стратификация древнего общества была характерна в регионе для сакских племенных союзов VI–III вв. до н.э.

При анализе выявлены закономерности устройства могильников относительно сторон горизонта, группирования объектов, пространственного соотношения погребальных сооружений в синхронных могильных комплексах. В дальнейшем, в совокупности с результатами изучения участков, маркированных результатами подобных исследований могильников раннего железного века, можно попытаться выделить ритуальные или же этнические особенности древнего населения региона, дополнительные аспекты, позволяющие интерпретировать социальные, ментальные, хозяйственные и иные особенности развития древних культур. Данный анализ можно назвать пробным, и в дальнейшем (в следующих публикациях), авторы попытаются сделать его более подробным с учетом тех же архитектурных особенностей и множеством применяемых характеристик памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Абрамов Н.А.* Древние курганы и укрепления в Семипалатинской и Семиреченской областях // Известия Русского археологического общества. 1873. Т. 8. Вып. 1. С. 60-63.
- 2 *Агеева Е.И.* Новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 65-69.
- 3 *Агеева Е.И.* К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // ТИИАЭ АН КазССР. 1961. Т. XII (Археология). С. 21-40.
- 4 *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- 5 *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.
- 6 *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 310 с.
- 7 Алматинская область. Историко-культурное наследие / Под ред. К.М. Байпакова. Алматы: ТОО «Қос-Қос», 2018а. Т. I. 776 с.
- 8 Алматинская область. Историко-культурное наследие / Под ред. К.М. Байпакова. Алматы: ТОО «Қос-Қос», 2018б. Т. II. 692 с.

- 9 Амиров Е.Ш. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1 (254). С. 29-34.
- 10 Амиров Е.Ш., Горячев А.А., Ильин Р.В. Археологические исследования в районе поселка Алатау (ИЯФ) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 49-54.
- 11 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост.: К.А. Акишев (отв. ред.) и др. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 41 отд. л. в папке: двухцв.; 28×21 см + Реестр. (450 с.; 30×23 см).
- 12 Археология Семиречья. 1857–1912 гг. Сб. док. и м-лов / Сост. И.М. Самигулин. Алматы: ЛЕМ, 2011. 664 с.
- 13 Базарбаева Г.А. Памятники сакского времени Жетысу // Казахстан в сакскую эпоху Коллективная монография / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2018. С. 157-178.
- 14 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с.
- 15 Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х., Ергешбаев А.А., Бейсенов Н.Б. Новые памятники раннего железного века Южного Казахстана. Алматы: ИА КН МОН РК, 2017. 340 с.
- 16 Бейсенов А.З., Крешиоли Л., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринаева Е. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы, 2015. С. 59-70.
- 17 Бейсенов А.З., Крешиоли Л., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринаева Е. Могильник раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Теория и практика археологических исследований. 2017. Т. 18, № 2. С. 97-108. DOI: 10.14258/tpai (2017)2(18)-09.
- 18 Бексеитов Г.Т., Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С., Китов Е.П., Китова А.О. Могильник раннего железного века Кара-Арша в Семиречье // Известия Самарского научного центра РАН. Археология и этнография. 2018а. Т. 20. № 3(2) (83). С. 527-536.
- 19 Бексеитов Г.Т., Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С., Китов Е.П., Китова А.О. Исследование могильника раннего железного века Рахат в Семиречье // Genesis: исторические исследования. 2018б. № 11. С. 108-123. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.11.27945
- 20 Бернитам А.Н. Археологические работы в Семиречье [1939 г.] // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 42-48.
- 21 Бернитам А.Н. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 110-118.
- 22 Бернитам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. № 46. Вып. 1. С. 79-91.
- 23 Бернитам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. № 11. С. 337-384.
- 24 Городецкий В.Д. Древности Семиреченской (Джетысуйской) области // Архив ИА КН МОН РК. Д. 3.
- 25 Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши Турген. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. 260 с.
- 26 Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Гумирова О.Н. Петроглифы западных отрогов гор Архарлы // Археология Казахстана. 2021. № 3 (13). С. 66-97. DOI: 10.52967/akz2021.3.13.66.97.
- 27 Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Казизов Е.С., Егорова Т.А. Гумирова О.Н. Результаты археологической разведки западных отрогов гор Архарлы в 2021 году // Маргулановские чтения–2022: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2022. С. 365-381.
- 28 Горячев А.А., Егорова Т.А. К вопросу о погребальных традициях населения раннего железного века у северных склонов Иле Алатау (по материалам кургана 17 могильника Турген-1) // Маргулановские чтения–2022: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2022. С. 222-232.

- 29 Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутакты-І. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.
- 30 Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (304). С. 5-18.
- 31 Григорьев Ф.П. Изучение памятников древности и случайные находки на территории г. Алматы и его окрестностей. Ч. I: 1854–1917 гг. // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы: Фонд «Родничок», 2011. С. 15-26.
- 32 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О раннем железном веке Жетысу: некоторые итоги систематизации данных // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2(27). С. 469-484.
- 33 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Онгар А. Есік. Иссык. Esik. Алматы: Таймас, 2011. 200 с.
- 34 Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Сб. статей / Под ред. Садуакасулы А., Байтанаев Б.А., Железняков Б.А. Алматы, 2016. 240 с.
- 35 Дублицкий Б.Н. Краткий отчет археологической разведки КФАН СССР и Центрального музея Казахстана в окрестностях Алма-Аты // Архива ИА КН МОН РК. Д. 162.
- 36 Естемесов Е.А. Культура саков Семиречья: современное состояние и актуальные задачи исследований // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология / История и теория науки, новые методы исследований. 2021. № 3. Т. 20. IDR: 147220506. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-3-22-35
- 37 Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 73-87.
- 38 Иванов С.С. К выделению локальных вариантов сакской культуры Притяньшанья // SCYTHIA et SARMATIA: Сб. ст. / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 71-78.
- 39 Исмагилов Р.Б. О некоторых конструктивных особенностях сакских курганов // Тезисы докл. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию организации Чимкентского областного историко-краеведческого музея. Алма-Ата: произв. объединение «Полиграфист», 1990. С. 30-32.
- 40 Максимова А.Г. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 123-138.
- 41 Максимова А.Г. Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 114-122.
- 42 Нуржанов А.А., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Новые данные о культуре саков Жетысу: краткие результаты полевых исследований 2020 г. на территории г. Алматы // Археология Казахстана. 2020. № 4 (10). С. 70-95.
- 43 Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Курганные могильники Шубарат и Молалы // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. Сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова / Отв. ред. А. Онгар. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 10-19.
- 44 Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожахметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники Великой степи: традиции и новации. Труды ФИА / Науч. ред. А. Онгар. Астана: Изд. гр. ФИА, 2014. Т. 4. С. 29-57.
- 45 Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., Кызырханов М. Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан–Тэджон, 2020. 464 с.
- 46 Пантусов Н.Н. Раскопки курганов в Семиреченской области в урочище Кызыл-Агач (Копальский округ) // ОАК за 1890 г. 1893. С. 72-74, 132–133.
- 47 Пантусов Н.Н. Древности Лепсинского уезда Семиреченской области // ПТКЛА. 1899а. Год 4. С. 16-17.
- 48 Пантусов Н.Н. Описание раскопок трех курганов, находящихся на западной стороне г. Верного в апреле и мае 1899 г. // ПТКЛА. 1899б. Год 4. С. 105-117.
- 49 Пантусов Н.Н. Алтын-Эмельская волость Копальского уезда // ПТКЛА. 1900. Год 5. С. 19-20.
- 50 Радлов В.В. Раскопки в Семиреченской и Копальской областях и в районе г. Верного // ОАК за 1862–1863 гг. 1863. С. 21.
- 51 Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: [б.и.], 2005. 184 с.
- 52 Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М. Совместные германско-казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция (г. Анапа, 5–10 октября 2009 г.) / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Изд-во Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 350-352.

- 53 Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Жуалинский район. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2014. 290 с.
- 54 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Жамбылская область. 2002. Алматы: РГП «НИПИ ПМК». Т. 1–2. 350 с.
- 55 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Т. I. Южно-Казахстанская область. Алматы: АН РК, 1994. 368 с.
- 56 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область / Под ред. К.М. Байпакова. В 2-х т. Алматы: Агентство «Маматай», 2009. Т. I. 109 с.
- 57 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область / Под ред. К.М. Байпакова. В 2-х т. Алматы: Агентство «Маматай», 2009. Т. II. 1320 с.
- 58 *Ташбаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим, 2011. 268 с.
- 59 *Флоринский В.М.* Топографические сведения о курганах Семипалатинской и Семиреченской областей // Известия Томского ун-та. 1898. Т. 1. С. 16-31.
- 60 *Ходжиков К.* Древнейшие памятники Семиречья // Труды КазНИИ нац. культуры. Алма-Ата; М., 1935. Т. I. С. 42-50.
- 61 *Beardah C.C., Baxter M.J.* MATLAB Routines for Kernel Density Estimation and the Graphical Representation of Archaeological Data // Interfacing the Past: Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology CAA95: *Analecta Praehistorica Leidensia* 28. 1996. Т. II. P. 179.
- 62 *Bonnier Anton, Finné Martin, Weiberg Erika.* Examining Land-Use through GIS-Based Kernel Density Estimation: A Re-Evaluation of Legacy Data from the Berbati-Limnes Survey // *Journal of Field Archaeology*. 2019. 44 (2). С. 70-83. [DOI: 10.1080/00934690.2019.1570481](https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1570481).

REFERENCES

- 1 Abramov, N. A. 1873. In: *Izvestiya Russkogo arheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Russian Archaeological Society)*, 8, vol. 1, 60-63 (in Russian).
- 2 Ageeva, E. I. 1960. In: *Kratkie soobshheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief communications of the Institute for the History of Material Culture)*, 80, 65-69 (in Russian).
- 3 Ageeva, E. I. 1961. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk Kazahskoy SSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, XII, 21-40 (in Russian).
- 4 Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (The Art and Mythology of the Sakas)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 5 Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana (Issyk Kurgan. The Art of the Saks of Kazakhstan)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
- 6 Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya kultura sakov i usunej doliny reki Ili (The Ancient Culture of the Sakas and Usuns of the Ili River Valley)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
- 7 Baipakov, K. M. (ed.). 2018a. *Almatinskaya oblast. Istoriko-kulturnoe nasledie (Almaty region. Historical and cultural heritage)*. Vol I. Almaty: LLP “Kos-Kos” (in Russian).
- 8 Baipakov, K. M. (ed.). 2018b. *Almatinskaya oblast. Istoriko-kulturnoe nasledie (Almaty region. Historical and cultural heritage)*. Vol II. Almaty: LLP “Kos-Kos” (in Russian).
- 9 Amirov, E. Sh. 2008. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshhestv. nauk (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan Ser. of Social Sciences)*, 1 (254), 29-34 (in Russian).
- 10 Amirov, E. Sh., Goryachev, A. A., Iliin, R. V. 2015. In: *Beisenov, A. Z. (ed.). Saks kaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola”, 49-54 (in Russian).
- 11 Akishev, K. A. (ed.). 1960. *Arheologicheskaya karta Kazahstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
- 12 Samigulin, I. M. (compl.). 2011. *Arheologiya Semirechiya. 1857–1912 gg. (Archaeology of the Semirechye. 1857–1912)*. Almaty: “LEM” Publ. (in Russian).

- 13 Bazarbayeva, G. A. 2018. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan v sakskeyu epohu (Kazakhstan in the Saka era)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 157-178 (in Russian).
- 14 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Zakharov, S. V. 2016. *Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zheleznogo veka v Semirechie (Karatuma burial ground. Early Iron Age necropolis in Semirechye)*. Almaty: LLP “Arheologicheskaya ekspertiza” Publ. (in Russian).
- 15 Baitanayev, B. A., Goryachev, A. A., Saraev, V. V., Shayakhmetov, A. Kh., Ergeshbayev, A. A., Beysenov, N. B. 2017. *Novye pamyatniki rannego zheleznogo veka Yuzhnogo Kazakhstana (New monuments of the Early Iron Age in Southern Kazakhstan)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 16 Beisenov, A. Z., Kreshioli, L., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Barinova, E. 2015. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of the study of ethnosociocultural processes of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola”, 59-70 (in Russian).
- 17 Beisenov, A. Z., Kreshioli, L., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Barinova, E. 2017. In: *Teoiriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, vol. 18, No 2, 97-108. DOI: 10.14258/tpai (2017)2(18)-09. (in Russian).
- 18 Bekseitov, G. T., Tulegenov, T. Zh., Ivanov, S. S., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2018a. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. Arheologiya i ehtnografiya (Izvestiya Samara Scientific Center of the RAS. Archaeology and Ethnography)*, vol. 20, No 3 (2) (83), 527-536 (in Russian).
- 19 Bekseitov, G. T., Tulegenov, T. Zh., Ivanov, S. S., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2018b. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniya (Genesis: historical research)*, 11, 108-123. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.11.27945 (in Russian).
- 20 Bernshtam, A. N. 1940. In: *Kratkie soobshheniya Instituta istorii materialnoj kultury (Brief communications of the Institute for the History of Material Culture)*, 4, 42-48 (in Russian).
- 21 Bernshtam, A. N. 1946. In: *Kratkie soobshheniya Instituta istorii materialnoj kultury (Brief communications of the Institute for the History of Material Culture)*, 13, 110-118 (in Russian).
- 22 Bernshtam, A. N. 1948. In: *Izvestiya AN KazSSR. Seriya arheologicheskaya (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeological Series)*, 46, vol. 1, 79-91 (in Russian).
- 23 Bernshtam, A. N. 1949. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 11, 337-384 (in Russian).
- 24 Gorodetskiy, V. D. In: *Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 3 (in Russian).
- 25 Goryachev, A. A. 2020. *Drevnij arheologicheskij kompleks verxoviev ushheliya Kishi Turgen (Ancient archaeological complex of the upper reaches of the Kishi Turgen Gorge)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 26 Goryachev, A. A., Galimzhanov, S. E., Gumirova, O. N. 2021. In: *Kazakstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (13), 66-97. DOI: 10.52967/akz2021.3.13.66.97 (in Russian).
- 27 Goryachev, A. A., Galimzhanov, S. E., Kazizov, E. S., Egorova, T. A., Gumirova, O. N. 2022. In: A. Onggar, T. Mamirov (eds.). *Margulanovskie chteniya–2022 (Margulan readings-2022)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 365-381 (in Russian).
- 28 Goryachev, A. A., Egorova, T. A. 2022. In: A. Onggar, T. Mamirov (eds.). *Margulanovskie chteniya–2022 (Margulan readings-2022)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 222-232 (in Russian).
- 29 Goryachev, A. A., Motov, Yu. A. 2018. *Arheologicheskij kompleks Butakty-I (Archaeological complex Butakty I)*. Almaty: “KazBookTrade” Publ. (in Russian).
- 30 Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2015. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences and Humanities Series)*, 6 (304), 5-18 (in Russian).
- 31 Grigoriev, F. P. 2011. In: *Istoriya i arpeologiya Semirech'ya (History and Archaeology of the Semirech'e)*. Vol. 4. Almaty: Fond “Rodnichok”, 15–26 (in Russian).
- 32 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2018. In: *Arheologiyaiya i davnya istoriya Ukraïni (Archaeology and Early history of Ukraine)*, 2 (27), 469-484 (in Russian).
- 33 Jumabekova, G., Bazarbayeva, G., Onggar, A. 2011. *Esik. Issyk. Esik*. Almaty: “Tajmas” Publ. (in Russian, in Kazakh).

- 34 Saduakasuly, A., Baitanayev, B. A., Zheleznyakov, B. A. 2016. *Drevnosti Zhetysu. Pamyatniki arheologii Zhambylskogo rajona (Antiquities of Zhetysu. Archaeological monuments of Zhambyl district)*. Almaty (in Russian).
- 35 Dublitskiy, B. N. In: Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 162 (in Russian).
- 36 Estemesov, E. A. 2021. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. Istoriya i teoriya nauki, novye metody issledovanij (Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. History and Theory of Science, New Research Methods)*, 3, vol. 20. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-3-22-35 (in Russian).
- 37 Zadneprovskiy, Yu. A. 1992. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaya polosа aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (The steppe belt of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: “Nauka” Publ., 73-87 (in Russian).
- 38 Ivanov, S. S. 2019. In: Malyshev, A. A. (ed.). *SCYTHIA et SARMATIA*. Moscow: MAKS Press, 71-78 (in Russian).
- 39 Ismagilov, R. B. 1990. In: *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu organizacii Chimkentskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya (Theses of the reports of the scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of the organization of the Chimkent regional historical and local history museum)*. Alma-Ata: “Polygraphist” Publ., 30-32 (in Russian).
- 40 Maksimova, A. G. 1972. In: Akishev, K. A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane (Searches and excavations in Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 123-138 (in Russian).
- 41 Maksimova, A. G. 1980. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazahstana (Archaeological research on ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 114-122 (in Russian).
- 42 Nurzhanov, A. A., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2020. In: *Kazahstan Arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (10), 70-95 (in Russian).
- 43 Nurmukhanbetov, B. N., Trifonov, Yu. I. 2016. In: Onggar, A. (ed.). *Saki i savromaty kazahskikh stepej (Saks and Savromats of the Kazakh steppes)*. Almaty., 10-19 (in Russian).
- 44 Onggar, A., Kiyasbek, G., Khasenova, B., Besetayev, B., Kozhakhmetov, B. 2014. In: *Trudy filiala Instituta arheologii im. A.H. Margulana (Proceedings of the Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana)*, 4, 29-57 (in Russian).
- 45 Onggaruly, A., Pyon Yonxvan, Nam Sanvon, Kairmagambetov, A., Kim Yonxyon, Nuskabaj, A., Kyzyrkhanov, M. 2020. *Katartobe. Nekropol sakskoj elity Zhetysu (Katartobe. Necropolis of Zhetysu Sak elite)*. Nur-Sultan–T`dzhon (in Korean).
- 46 Pantusov, N. N. 1893. In: *Otchety Arheologicheskoy komissii za 1890 r. (Reports of the Archaeological Commission for 1890 r.)*. Saint Petersburg, 72-74, 132-133 (in Russian).
- 47 Pantusov, N. N. 1899a. In: *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelej arheologii (Protocols of the Turkestan Circle of Lovers of Archaeology)*. Tashkent, 1899. God 4, 16-17 (in Russian).
- 48 Pantusov, N. N. 1899b. In: *Protokoly` Turkestanskogo kruzha lyubitelej arheologii (Protocols of the Turkestan Circle of Lovers of Archaeology)*. Tashkent. God 4, 105-117 (in Russian).
- 49 Pantusov, N. N. 1900. In: *Protokoly` Turkestanskogo kruzha lyubitelej arheologii (Protocols of the Turkestan Circle of Lovers of Archaeology)*. Tashkent. God 5, 19-20 (in Russian).
- 50 Radlov, V. V. 1863. In: *Otchety` Arxeologicheskoy komissii za 1862-1863 gg. (Reports of the Archaeological Commission for 1862-1863 rr.)*. Sankt-Petersburg, 21 (in Russian).
- 51 Samashev, Z., Jumabekova, G., Grigoriev, F. 2005. *Drevnosti Almaty (Antiquities of Almaty)*. Almaty (in Russian).
- 52 Samashev, Z., Nagler, A., Parzinger, G., Navrot, M. 2009. In: Marchenko, I. I. (ed.). *Pyataya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya (5th Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 350-352 (in Russian).
- 53 *Svod pamyatnikov istorii i kultury Zhambylskoj oblasti. Zhualinskij rajon (The official list of Historical and Cultural Monuments of Zhambyl Oblast. Zhualy district)*. 2014. Almaty: LLP “Archaeological expertise” (in Russian).

- 54 *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury` Kazahstana. Zhambylskaja oblast`*. 2002. (*The official list of Historical and Cultural Monuments of Kazakhstan. Zhambyl oblast*). Almaty: RGP NIPI PMK. Vol. 1-2 (in Russian).
- 55 *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazahstana. 1994. T. I. Yuzhno-Kazaxstanskaya oblast (The official list of historical and cultural monuments of Kazakhstan. Vol. I. South Kazakhstan oblast)*. Almaty: Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (in Russian).
- 56 Baipakov, K. M. (ed.). 2009a. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazahstan. Almatinskaya oblast (The official list of Historical and Cultural Monuments of the Republic of Kazakhstan. Almaty region)*. Pod redakciej K.M. Bajpakova. V 2-x tomah. Almaty` : Agentstvo «Mamatay». T. I. 109 s. (in Russian).
- 57 Baipakov, K. M. (ed.). 2009b. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazahstan. Almatinskaya oblast (The official list of Historical and Cultural Monuments of the Republic of Kazakhstan. Almaty region)*. Vol. 2. Almaty: Agency “Mamatay” (in Russian).
- 58 Tashbayeva, K. I. 2011. *Kultura rannih kochevnikov Tyan-Shanya i Alaya (The Culture of the Early Nomads of the Tien Shan and Alai)*. Bishkek: “Ilim” Publ. (in Russian).
- 59 Florinskiy, V. M. 1898. In: *Izvestiya Tomskogo universiteta (Proceedings of Tomsk University)*, 1, 16-31 (in Russian).
- 60 Khodzhikov, K. 1935. In: *Trudy Kazahskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta nacionalnoj kul'tury (Proceedings of the Kazakh Research Institute of National Culture)*. Vol. 1. Alma-Ata; Moscow, 42-50 (in Russian).
- 61 Beardah, C. C., Baxter, M. J. 1996. In: *Interfacing the Past: Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology CAA95: Analecta Praehistorica Leidensia 28*. Vol. II, 179 (in English).
- 62 Bonnier Anton, Finné Martin, Weiberg Erika. 2019. In: *Journal of Field Archaeology*, 44 (2), 70-83. DOI: [10.1080/00934690.2019.1570481](https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1570481) (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.09.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 20.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 20.09.2022.

УДК 737(470.41)«12»
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.151.157>

О редких фракциях дирхамов болгарской чеканки второй половины XIII в.

© 2022 г. Бугарчев А.И., Емельянов В.П.

Keywords: dirham, fraction, money circulation, indicated weight, dang, metrology, Bulgarian region, 13th–14th centuries

Түйін сөздер: дирхам, фракция, ақша айналымы, көрсетілген салмақ, данг, метрология, Булгар аймағы, XIII–XIV ғғ.

Ключевые слова: дирхам, фракция, денежное обращение, указанный вес, данг, метрология, Булгарский регион, XIII–XIV вв.

Alexey Bugarchev^{1*}, Vitaly Emelyanov²

^{1*}corresponding author, research assistant, A.Kh Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia. E-mail: Abugar.61@rambler.ru

²numismatist-researcher, Kazan, Russia. E-mail: Vitamin596@mail.ru

About the rare fractions of the Dirhams of the Bulgarian minting of the second half of the 13th century

Abstract. The article provides information about rare and previously unpublished coins of the Bulgarian region. The main difference is that the published copies are fractions of larger types of dirhams. After the coming to power of Khan Mengu-Timur in the Ulus Jochi, a monetary reform was carried out in the Bulgarian Vilayat. New coins of eight different denominations were issued into circulation. Some of them belong to rare types. In total, 9 types of silver coins are given with the number of known copies from one to 24. Based on the monograph of A.Z. Singatullina, the authors study the metrology of fractions and their larger analogues. All these copies are included in the system of denominations based on the minimum unit – dang of 0.31 g. Types C/23, C/34, C/37, C/44 and C/81 were minted under Mengu-Timur in 1266–1281, C/52 – under Toda-Mengu (1281–1285), C/117 with the image of a bird – in 1283–1291, the type with the image of an animal (dog) C/201 is attributed to the broad period of the 2nd half of the 13th – 1st fourth of the 14th centuries. One coin with the remains of legends remains unattributed. According to the authors of the article, small silver coins of the Bulgarian coinage served small-retail trade and were withdrawn from circulation as a result of the monetary reform of 730/1330.

Citation: Bugarchev, A., Emelyanov, V. 2022. About the rare fractions of the Dirhams of the Bulgarian minting of the second half of the 13th century. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 151–157 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.151.157](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.151.157)

Алексей Игоревич Бугарчев^{1*},
Виталий Павлович Емельянов²,

^{1*}автор-корреспондент, зерттеуші-зертханашы,
Татарстан Республикасы Ғылым академиясы

А.Х. Халиков ат. Археология институты,
Қазан қ., Ресей

²нумизмат-зерттеуші, Қазан қ., Ресей

XIII ғ. екінші жартысында булгарда соғылған
дирхамдардың сирек фракциялары жайында

Алексей Игоревич Бугарчев^{1*},
Виталий Павлович Емельянов²,

^{1*}автор-корреспондент, лаборант-исследователь,
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии
наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

²нумизмат-исследователь, г. Казань, Россия

О редких фракциях дирхамов болгарской чеканки
второй половины XIII в.

Аннотация. Мақалада Булгар аймағының сирек және бұрын жарияланбаған монеталары жайында ақпараттар беріледі. Негізгі ерекшелігі – жарияланып отырған монеталар дирхамның үлкен түрі фракциялар болып табылады. Булгар вилайатындағы Жошы Ұлысы билігіне Менгу-Тимур ханның келуінен кейін ақша реформасы жүргізілді. Айналымға сегіз әртүрлі номиналдағы жаңа монеталар шығарылды. Олардың бөлігі сирек түріне жатады. Барлығы бір данадан 24 ке дейінгі белгілі даналары бар күміс монеталардың 9 түрі келтірілген. Авторлар А.З. Сингатуллинаның монографиясына сүйене отырып фракцияның метрологиясын және олардың ұқсастықтарын зерттейді. Барлық келтірілген даналар ең төменгі бірлікке негізделген 0,31 г. данге номиналдар жүйесіне кіреді. С/23, С/34, С/37, С/44 және С/81 түрлері 1266–1281 жж. Менгу-Тимур кезінде соғылды, С/52 – Туда-Менгу (1281–1285 жж.) кезінде, С/117 құс бейнесімен – 1283–1291 жж., жануар бейнелі түрі (ит) С/201 – XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғ. бірінші ширегіндегі кезеңге жатқызылған. Аңыз қалдықтарымен бір монета атрибутталмаған күйінде қалды. Мақаланың авторларының ойынша, булгарда соғылған ұсақ күміс монеталар кішігірім-жеке саудада пайдаланылды және 730/1330 ж. ақша реформасы нәтижесінде айналымнан шығарылды.

Сілтеме жасау үшін: Бугарчев А.И., Емельянов В.П. XIII ғ. екінші жартысында булгарда соғылған дирхамдардың сирек фракциялары жайында. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 151–157-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.151.157](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.151.157)

Аннотация. В статье приводится информация о редких и ранее неопубликованных монетах Булгарского региона. Основное отличие – публикуемые экземпляры являются фракциями более крупных типов дирхамов. После прихода к власти в Улусе Джучидов хана Менгу-Тимура в Булгарском вилайате была проведена денежная реформа. В обращение были выпущены новые монеты восьми разных номиналов. Часть из них относится к редким типам. Всего приводятся 9 типов серебряных монет с количеством известных экземпляров от одного до 24. Опираясь на монографию А.З. Сингатуллиной, авторы изучают метрологию фракций и их более крупных аналогов. Все приведённые экземпляры входят в систему номиналов, основанную на минимальной единице – данге в 0,31 г. Типы С/23, С/34, С/37, С/44 и С/81 чеканились при Менгу-Тимуре в 1266–1281 гг., С/52 – при Туда-Менгу (1281–1285 гг.), С/117 с изображением птицы – в 1283–1291 гг., тип с изображением животного (собаки) С/201 отнесён к широкому периоду 2-й пол. XIII – 1-й четв. XIV в. Одна монетка с остатками легенд остаётся неатрибутированной. По мнению авторов статьи, мелкие серебряные монеты булгарской чеканки обслуживали мелко-розничную торговлю и были выведены из обращения в результате денежной реформы 730/1330 г.

Для цитирования: Бугарчев А.И., Емельянов В.П. О редких фракциях дирхамов булгарской чеканки второй половины XIII в. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 151–157. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.151.157](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.151.157)

1 Введение (Бугарчев А.И.)

К середине 1260-х гг. некогда единая Монгольская империя стала распадаться на отдельные улусы. В 665/1266–1267 г. к власти в Улусе Джучидов пришёл Менгу-Тимур, сын Тукана, внук Бату. Ярким проявлением независимости было введение новых денежных знаков с тамгой Менгу-Тимура. В новом государстве, которое мы сейчас называем Золотой Ордой, была проведена денежная реформа. В Булгарском регионе были выпущены новые монеты восьми номиналов весом от 3,1 г до ~ 0,31 г. На самых мелких фракциях, как правило, помещались изображения и легенды, дублирующие более крупные по весу дирхамы. Большинство булгарских монет описано в монографии А.З. Сингатуллиной [Сингатуллина 2003].

2 Материал и методы

2.1 Методы исследования (Бугарчев А.И.)

Особенностью нумизматического источника является его комплексная информативность, которая выявляется через легенды и изображения, помещаемые на монетах, а также при изучении веса, пробы металла и размеров монет.

Для исследования нами использованы метрологический и типологический методы. Метрологический анализ сводился к выявлению весовых групп различных типов болгарских серебряных монет. На основе типологического анализа были выделены неизменные компоненты монетной легенды.

2.2 Характеристика материала (Бугарчев А.И., Емельянов В.П.)

За время, прошедшее после издания монографии Альфиры Закиулловны Сингатуллиной, появилась информация о новых типах¹ монет, а также дополнительные сведения метрологического характера для ранее изданных дирхамов. Информация в весе болгарских дирхамов необходима для установления особенностей денежной системы Булгарского вилайата. Основные итоги работы в этом направлении были приведены в монографии 2018 г. [Бугарчев, Петров 2018; гистограммы 33–83]. Наша статья посвящена изучению ранее неизданных или редких фракций болгарской чеканки, не представленных в кладах середины XIII – первой трети XIV в.

3 Результаты и обсуждение (Бугарчев А.И., Емельянов В.П.)

1. Фракция дирхама с именем Менгу-Тимур без указания места чеканки и года. Вес 0,64 г (фототабл. 1, № 1). По оформлению лицевой и оборотной сторон фракция соответствует монетам Менгу-Тимура № С/23–27 (по каталогу А.З. Сингатуллиной), однако, здесь нет титула «ал-адил» («справедливый», «правосудный»), возможно, из-за недостатка места на монетном кружке. Фракция датируется периодом 671–681 гг.х. (1272/1273–1282/1283). Метрологический анализ 45 более крупных экземпляров С/23–27 позволил установить, что они чеканились с указным весом 1,39 г ($4\frac{1}{2}$ данга)² (фототабл. 1, № 7). Публикуемая монета – это первый известный авторам экземпляр столь малого веса.

2. Фракция Менгу-Тимура с написанием имени зеркально, без указания монетного двора и года. Вес 0,47 г (фототабл. 1, № 2). Соответствует более крупным дирхамам С/37–38. В базе данных ZENO приведена подобная монета весом 0,3 г (Z/11126; без сотых долей). Нам известен экземпляр из частной коллекции с весом 0,53 г. Основная масса дирхамов С/37–38 чеканилась с указным весом 1,09 г ($3\frac{1}{2}$ данга) (фототабл. 1, № 8).

3. Фракции с именем второго золотоордынского хана Туда-Менгу, монетный двор Булгар. Вес 0,28 г (фототабл. 1, № 3). Монета не датирована, относится к короткому периоду правления Туда-Менгу (681–685 гг.х./1283–1287). В монографии А.З. Сингатуллиной указан всего 1 экз. данного типа С/52 весом 0,28 г, диаметром 12 мм, хранящийся в Государственном Эрмитаже [Сингатуллина 2003: 83, 136]. Фракция весом 0,46 г была издана в 2021 г. [Емельянов 2021: 69]. Публикуемые монеты являются фракциями распространенного дирхама С/51 с указным весом, близким значению 1,56 г (5 дангов) (фототабл. 1, № 9). Экземпляр весом 0,46 г был найден на территории Салмановского археологического комплекса (Алькеевский р-н, Татарстан). Экземпляр весом 0,28 г был обнаружен в окрестностях села Измери (Спасский р-н, Татарстан).

4. Две анонимные фракции с изображением птицы, стоящей влево С/117, вес 0,36 (фототабл. 1, № 4) и 0,37 г. В каталоге А.З. Сингатуллиной представлено пять монеток весом от 0,33 до 0,39 г [Сингатуллина 2003: 97]. Всего на сегодняшний день нам известно о 9 экз., средний вес которых

¹ За критерий типа принимаются два внешних параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты [Петров 2010: 126].

² О системе номиналов при Менгу-Тимуре см.: [Бугарчев, Петров 2018: 185]

Фототабл. 1: 1 – вес 0.64 г; 2 – вес 0,47 г; 3 – вес 0,28 г; 4 – вес 0,36 г; 5А – вес 0,27 г; 5Б – вес 0,24 г; 6 – вес 0,38 г; 7 – С/23-27; 8 – С/37-38; 9 – С/51; 10 – С/116; 11 – С/201; 12 – С/36. Фото А.И. Бугарчева
1-фототабл.: 1 – салмағы 0.64 г; 2 – салмағы 0,47 г; 3 – салмағы 0,28 г; 4 – салмағы 0,36 г; 5А – салмағы 0,27 г; 5Б – салмағы 0,24 г; 6 – салмағы 0,38 г; 7 – С/23-27; 8 – С/37-38; 9 – С/51; 10 – С/116; 11 – С/201; 12 – С/36. Фотосурет А.И. Бугарчевтікі

Phototable 1: 1 – weight 0.64 g; 2 – weight 0.47 g; 3 – weight 0.28 g; 4 – weight 0.36 g; 5A – weight 0.27 g; 5B – weight 0.24 g; 6 – weight 0.38 g; 7 – С/23-27; 8 – С/37-38; 9 – С/51; 10 – С/116; 11 – С/201; 12 – С/36. Photos by A. Bugarchev

равняется 0,363 г. По нашему предположению, данный тип чеканился в 681–690 гг. (1282–1291), т. е., после смерти Менгу-Тимура и до правления Токты. Более крупный номинал С/116 также относится к редким типам, средний вес 10 известных нам экземпляров 1,37 г (4½ данга) (фототабл. 1, № 10).

5. Анэпиграфная фракция дирхама с изображением животного (собаки?), без указания монетного двора и года, вес 0,27 г. Монета подобного типа, но более крупного номинала, была опубликована в книге Н.П. Лихачёва с указанием, что экземпляр происходит из «развалов Булгара» [Лихачёв 2014: 127, рис. 107].³ Монета также издана в монографии А.З. Сингатуллиной с шифром С/201 [Сингатуллина 2003: 116, 150]. На лицевой стороне по бокам тамги расположена легенда *Кутлуз/Булсун* «будь счастлив» (на фракции из-за недостатка места эта легенда не проставлена). Тип с собакой не встречался в кладах, поэтому его датировка достаточно широка – с конца XIII до первой четверти XIV в. включительно. Экземпляр более хорошего качества недавно был издан в тезисах Двадцать первой Всероссийской нумизматической конференции [Емельянов 2021: 71]. У нас в фототаблице приводятся оборотные стороны обеих фракций (фототабл. 1, № 5А, вес 0,27 г; № 5Б, вес 0,24 г). Более крупные номиналы выпускались с указным весом 1,39 г (4½ данга) (фототабл. 1, № 11).

6. Менгу-Тимур, без монетного двора, 677 г. (1278–1279), вес 0,38 г (фототабл. 1, № 6). Кроме этого, в раскопах CLXXIX (179) и СХСII (192) Болгарского городища были обнаружены монеты весом 0,49 и 0,45 г соответственно⁴. На сегодняшний день нам известно 8 экз. типа С/34 весом от 0,27 до 0,58 г (1 или 2 данга по 0,31 г). Более крупные однотипные фракции С/35 чеканены с указным весом 1,09 г (3½ данга). Следующая группа дирхамов – С/36, метрология известных 9 монет – от 1,45 до 1,57 г, средний вес 1,50 г (фототабл. 1, № 12). С учётом потёртости они чеканились с указным весом 1,56 г (5 дангов). Таким образом, мы видим, что однотипные монеты С/34–36 выпускались тремя номиналами – 2 (или 1), 3½ и 5 дангов.

7. Несколько разновесных фракций типа С/81, вес 0,22 г, 0,28 г, 0,36 г, 0,53 г и 0,83 г. Самые крупные номиналы весят 1,45–1,68 г, средний вес данной группы – 1,57 г (учтено 11 дирхамов), что соответствует номиналу 5 дангов. Для установления метрологии мелких фракций необходима более полная в количественном отношении база данных. По нашему предположению, монеты С/81 чеканились в 1270-е гг., т. е., при Менгу-Тимуре (фототабл. 2, № 13–14).

8. Серебряные монеты С/43–45 являются однотипными и представляют три разных фракции. Все они чеканились в период 665–671/1266–1267 – 1272–1273 гг. Самыми распространёнными (если так можно говорить о продукции монетного двора Булгар сер. XIII в.) являются дирхамы С/43 (фототабл. 2, № 16). Для выявления весовых особенностей мы использовали метрологию 63 экз. и получили такие результаты: мода гистограммы 1,52±0,02 г (23,8% от всех учтённых монет). Половинной фракцией являются дирхамы С/44 – мода гистограммы, где учтено 24 экз., приходится на значение 0,75±0,02 г (фототабл. 2, № 15). Самой крупной фракцией за всё время работы болгарского монетного двора являются экземпляры С/45 весом 2,93 и 2,94 г, хранящиеся Национальном музее РТ. В монографии А.З. Сингатуллиной указаны дирхамы весом 3,01, 3,03 и 3,04 г [Сингатуллина 2003: 81]. Таким образом, тип С/43–45 представлен тремя номиналами – 2½ данга (указный вес 0,78 г), 5 дангов (указный вес 1,56 г) и 10 дангов (указный вес 3,10 г).

³ Первое издание – 1930 г.

⁴ Руководители работ к.и.н. В.Ю. Коваль и к.и.н. Д.Ю. Бадеев.

13. вес 0,22 г

14. С/81

15. вес 0,68 г

16. С/43

17. вес 0,20 г

Фототабл. 2: 13 – вес 0,22 г; 14 – С/81; 15 – вес 0,86 г; 16 – С/43; 17 – вес 0,20 г. Фото А.И. Бугарчева
2-фототабл.: 13 – салмағы 0,22 г; 14 – С/81; 15 – салмағы 0,86 г; 16 – С/43; 17 – салмағы 0,20 г.
Фотосурет А.И. Бугарчевтікі
Phototable 2: 13 – weight 0.22 g; 14 – С/81; 15 – weight 0.86 g; 16 – С/43; 17 – weight 0.20 g.
Photos by A. Bugarchev

9. Фракция с обрывками легенд, вес 0,20 г, оборотная сторона стёрта. Возможно, это продукция нижневолжских монетных дворов (например, Сарая). Ранее в литературе не встречалась (фототабл. 2, № 17). Датировка очень приблизительная – 2-я пол. XIII – начало XIV в. Найдена в Татарстане.

4 Заключение (Бугарчев А.И., Емельянов В.П.)

Серебряные дирхамы малого веса являлись разменной монетой и участвовали в мелкорозничной торговле, а также заменяли медные динары и пулы, чеканка которых прекратилась в середине 1260-х гг. и возобновилась только в конце 1320-х гг. Столь длительное отсутствие медной монеты стало одним из основных отличий Болгарского денежного обращения в Золотой Орде. В это же время монетные дворы Крым, Сакчи, Хваризм (=Хорезм), Маджар постоянно выпускали медные денежные знаки. В конце 1320-х гг. в Булгаре возобновилась чеканка медных монет (тип «тамга в треугольнике») и мелкие серебряные фракции были выведены из обращения.

На фототаблицах 1 и 2 в левой колонке приведены мелкие фракции болгарских монет (немного увеличены), а в правой колонке для образца помещены крупные номиналы, которые чеканились гораздо большими тиражами.

Публикация новых экземпляров и находок позволяет расширить источниковую базу для дальнейшего изучения особенностей денежного обращения Булгарского вилайата во 2-й пол. XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бугарчев А.И. Булгарский чекан золотоордынского хана Туда-Менгу (1283-1287) // Золотая Орда: история и культурное наследие: сборник научных материалов. / Отв. ред. А.К. Кушкumbaев. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 145-149.
- 2 Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII– первой четверти XIV вв. Монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с., илл.
- 3 Емельянов В.П. О двух редких фракциях болгарской чеканки конца XIII в. // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений (г. Тверь, 24–29 мая 2021 г.). Тверь: [б./и.], 2021. С. 69-71.
- 4 Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 121-149.
- 5 Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.
- 6 zeno.ru – Интернет-ресурс – Oriental Coins Database: www.zeno.ru (дата обращения: 02.01.2022).

REFERENCES

- 1 Bugarchev, A. I. 2015. In: Kushkumbaev, A. K. (ed). *Zolotaya Orda: istoriya i kulturnoe nasledie (Golden Horde: history and cultural heritage)*. Astana: “BG-PRINT” Publ., 145-149 (in Russian).
- 2 Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. *Monetnie kladi Bugarskogo vilayata (Coins Hoards of 13th – the first third of 14th centuries from Wilayat Bulghar)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences Republic of Tatarstan (in Russian).
- 3 Emelyanov, V. P. 2021. In: *Dvadsat pervaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (Twenty-first All-Russian Numismatic Conference)*. Tver (in Russian).
- 4 Petrov, P. N. 2010. In: *Zolotoordinskaya tsivilizatsiya (The Golden Horde civilization)*, 3, 121-149 (in Russian).
- 5 Singatullina, A. Z. 2003. *Juchidskie moneti povolzhskih gorodov XIII veka (Juchid coins of Volga cities of the 13th century)*. Kazan: “ZAMAN” Publ. (in Russian).
- 6 zeno.ru – Oriental Coins Database: www.zeno.ru. (accessed: 02.01.2022).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.07.2022.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.09.2022.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.09.2022.

УДК 902/904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.158.161>

Маргулановские чтения – 2022

© 2022 г. Мамиров Т.Б.

Keywords: archaeology, conference, Margulan Institute of Archaeology, Al Farabi Kazakh National University, field research

Түйін сөздер: археология, конференция, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, далалық зерттеулер

Ключевые слова: археология, конференция, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, КазНУ им. аль-Фараби, полевые исследования

Talgat Mamirov¹

¹Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Science, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. Email: tmamirov@mail.ru

Margulan readings–2022

Abstract. On April 12–13, 2022, the traditional International Scientific and Practical Conference “Margulan Readings–2022” was held, organized by the Margulan Institute of Archaeology CS MES RK together with the Historical Faculty of Al Farabi Kazakh National University. Scientists from institutions of science, education and culture of Kazakhstan, Azerbaijan, Belgium, Great Britain, Italy, Kyrgyzstan, Russia, USA, Uzbekistan took part in the conference via offline and online formats. Over 100 scientific reports presented at the plenary session and three sections of the conference were heard at the conference. The reports were devoted to the current state, problems and prospects of the development of archaeological science in Kazakhstan and neighboring countries. An important focus of the conference was the integration of humanitarian and natural science knowledge in the field of studying, preserving and popularizing the archaeological heritage of Central Asia and Kazakhstan. Within the framework of the conference, a round table was held on the topic “Problems of integrating archaeology and paleogenetics data in the study of the past of Kazakhstan”. During this event, archaeologists, anthropologists and geneticists discussed the problems and prospects of cooperation in the framework of joint research, considered the possibility of implementing interdisciplinary projects in the field of paleogenetics of Kazakhstan. In general, the conference has become an actual platform for establishing scientific ties, exchanging information and developing international cooperation in the field of archaeology.

For citation: Mamirov, T. B. 2022. Margulan readings–2022. *Kazakhstan Archeology*, 3 (17), 158–161 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.158.161](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.158.161)

Талғат Базарбайұлы Мамиров¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, директордың ғылым жөніндегі орынбасары, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Марғұлан оқулары–2022

Аннотация. 2022 ж. 12–13 сәуір аралығында ҚР БҒМ Ғылым комитетінің Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің тарих факультетімен бірлесе отырып, кезекті «Марғұлан оқулары – 2022» халықаралық ғылыми-

Талғат Базарбаевич Мамиров¹

¹кандидат исторических наук, заместитель директора по науке, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Маргулановские чтения – 2022

Аннотация. 12–13 апреля 2022 г. состоялась традиционная Международная научно-практическая конференция «Маргулановские чтения–2022», организованная Институтом археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК совместно с истори-

тәжірибелік конференциясын өткізді. Конференция жұмысына Қазақстан, АҚШ, Әзірбайжан, Бельгия, Италия, Қырғызстан, Өзбекстан, Ресей, Ұлыбританияның білім, ғылым және мәдениет мекемелерінің ғалымдары тікелей және қашықтан қатысты. Конференцияда 100-ден астам ғылыми баяндамалар тыңдалды, олар пленарлық отырыста және конференцияның үш секциясында ұсынылды. Баяндамалар Қазақстан мен көршілес елдердің археология ғылымының қазіргі жай-күйіне, мәселелері мен даму перспективаларына арналды. Конференция жұмысының маңызды бағыты Орталық Азия мен Қазақстанның археологиялық мұрасын зерттеу, сақтау және көпшілікке тарату саласындағы гуманитарлық және жаратылыстану білімдерін интеграциялау болды. Конференция жұмысы аясында «Қазақстанның ежелгі тарихын зерттеудегі археология мен генетика мәліметтерін интеграциялау мәселелері» тақырыбында дөңгелек үстел өткізілді. Аталған іс-шара барысында археолог-мамандар, антропологтар мен генетиктер бірлескен зерттеулер шеңберінде өзара әрекеттестік мәселелері мен перспективаларын талқылады, Қазақстанның палеогенетика саласындағы пәнаралық жобаларды іске асыру мүмкіндігін қарастырды. Жалпы, конференция археология саласында ғылыми байланыстар орнату, ақпарат алмасу және халықаралық ынтымақтастықты дамыту бойынша өзекті алаңға айналды.

Сілтеме жасау үшін: Мамиров Т.Б. Марғұлан оқулары–2022. *Қазақстан археологиясы*. 2022. № 3 (17). 158–161-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2022.3.17.158.161](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.158.161)

ческим факультетом КазНУ им. аль-Фараби. В работе конференции посредством офлайн и онлайн форматов приняли участие ученые из учреждений науки, образования и культуры Казахстана, Азербайджана, Бельгии, Великобритании, Италии, Кыргызстана, России, США, Узбекистана. На конференции было заслушано свыше 100 научных докладов, представленные на пленарном заседании и трех секциях конференции. Доклады были посвящены современному состоянию, проблемам и перспективам развития археологической науки Казахстана и сопредельных стран. Важным направлением работы конференции стала интеграция гуманитарного и естественнонаучного знания в области изучения, сохранения и популяризации археологического наследия Центральной Азии и Казахстана. В рамках работы конференции был проведен круглый стол на тему «Проблемы интеграции данных археологии и палеогенетики в изучении прошлого Казахстана». В ходе данного мероприятия специалисты-археологи, антропологи и генетики обсудили проблемы и перспективы взаимодействия в рамках совместных исследований, рассмотрели возможность реализации междисциплинарных проектов в области палеогенетики Казахстана. В целом, конференция стала актуальной площадкой по налаживанию научных связей, обмену информацией и развитию международного сотрудничества в области археологии.

Для цитирования: Мамиров Т.Б. Маргулановские чтения–2022. *Археология Казахстана*. 2022. № 3 (17). С. 158–161. DOI: [10.52967/akz2022.3.17.158.161](https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.158.161)

12–13 апреля 2022 г. состоялась традиционная Международная научно-практическая конференция «Маргулановские чтения–2022», организованная Институтом археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК совместно с историческим факультетом КазНУ им. аль-Фараби. Конференция была приурочена к Неделе казахстанской науки и знаменовала начало реализации интеграционных процессов в области совместных научных исследований, подготовки кадров, научных мероприятий согласно Генеральному соглашению между КазНУ им. аль-Фараби и научно-исследовательскими институтами.

Открытие конференции началось с **пленарного заседания**, на котором со словами приветствия к участникам конференции обратились генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана Акан Онгар и член Правления – проректор по научно-инновационной деятельности КазНУ им. аль-Фараби Х.С. Тасибеков. Научную часть пленарного заседания открыла Д.А. Маргулан, которая акцентировала внимание участников конференции на коде национальной идентичности в трудах Алькея Хакановича Маргулана. Продолжил выступление заместитель генерального директора Института археологии им. А.Х. Маргулана Т.Б. Мамиров, который в виде отчетной презентации рассказал об основных итогах археологических работ Института 2021 г. В докладе освещались результаты полевых работ Института по программно-целевому и грантовому финансированию, а также по реализации внебюджетных тем.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ

2022

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ
ҒЫЛЫМИ-ТӘЖІРИБЕЛІК
КОНФЕРЕНЦИЯСЫ

📍 Алматы, 12-13 сәуір 2022 жыл

Были презентованы доклады по результатам археологических работ д.и.н., проф. А.Т. Толеубаева, д.и.н., проф. З. Самашева, к.и.н. Ж. Курманкулова, д.и.н., проф. М.Б. Кожа, д.и.н., проф. А.Н. Подушкина. В презентациях З. Самашева и А.Т. Толеубаева были отражены итоги работ археологических отрядов в Восточном Казахстане. Основные этапы реализации работ Ширик-Рабатской археологической экспедиции озвучил Ж. Курманкулов. Об археологических работах по изучению древностей в Туркестанской области и, в частности, в урочище Актерек подробно рассказали в презентациях М.Б. Кожа и А.Н. Подушкин.

Активное внедрение междисциплинарного подхода в современных археологических исследованиях получили освещение в докладах Миляны Радивоевич из университетского колледжа Лондона и Л.Б. Джансугуровой из Института генетики и физиологии КН МОН РК. М. Радивоевич на примере металлургической печи поселения Талдысай рассказала о динамике производства металла в Евразийской степи во II тыс. до н.э., Л.Б. Джансугурова подробно рассказала о результатах палеогенетического анализа древних индивидов от эпохи энеолита до раннего средневековья, заселявших территорию Казахстана.

По окончании пленарной части состоялись *секционные заседания*: «Археология древности», «Археология средневековья» и «Вопросы реставрации, консервации и реконструкции в археологии». Всего было заслушано свыше 100 докладов в офлайн и онлайн форматах из Казахстана, Азербайджана, Бельгии, Великобритании, Италии, Кыргызстана, России, США и Узбекистана (подробнее см.: [Маргулановские чтения–2022]). Доклады были посвящены результатам полевых археологических исследований 2021 г., исследованиям эпохи камня, новым данным и результатам изучения эпохи раннего металла, ранним кочевникам в контексте евразийского культурного пространства, вопросам города и степи в эпоху средневековья, междисциплинарным подходам в археологических исследованиях. Важным направлением работы конференции стала интеграция гуманитарного

и естественнонаучного знания в области изучения, сохранения и популяризации археологического наследия Центральной Азии и Казахстана.

13 апреля в рамках международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения–2022» Институтом археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК был организован круглый стол «Проблемы интеграции данных археологии и генетики в изучении прошлого Казахстана». В его работе приняли участие отечественные и зарубежные специалисты в области генетики, археологии, антропологии и истории в общей сложности из 17 организаций: Лаборатории генетики человека Национального Центра Биотехнологии, Лаборатории древней ДНК Назарбаев Университета, Института генетики и физиологии, Института молекулярной биологии и биохимии им. М.А. Айтхожина, Лаборатории биоинформатики и системной биологии Центра наук о жизни National Laboratory Astana, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Института археологии им. А.Х. Маргулана, Института археологии РАН, Тюменского научного центра СО РАН, Института истории государства, КазНУ им. аль-Фараби, Карагандинского университета им. академика Е. Букетова, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Торайгыров университета, Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова.

На круглом столе были обсуждены существующие проблемы казахстанской палеогенетики, отдельно было уделено внимание интеграции получаемых данных генетических и археологических исследований. В ходе данного мероприятия специалисты-археологи и генетики обсудили проблемы и перспективы взаимодействия в рамках совместных исследований, рассмотрели возможность реализации междисциплинарных проектов в области палеогенетики Казахстана.

По итогам конференции была принята резолюция, в которой были обозначены актуальные проблемы в области археологической науки и намечены пути их решения. Можно отметить среди основных положений резолюции следующие положения:

- разработка и публикация унифицированного словаря терминов и понятий по археологии Казахстана (на трех языках);
- разработка совместно с Министерством культуры и спорта РК единого, методически и методологически обоснованного, свода правил по проведению археологических работ на территории Казахстана;
- возобновление выпуска серийного издания «Материалы и исследования по археологии Казахстана» и др.

Таким образом, «Маргулановские чтения» стали актуальной площадкой по налаживанию научных связей, обмену информацией и развитию международного сотрудничества в области археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Маргулановские чтения–2022: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 450 с.

REFERENCES

- 1 Onggar, A., Mamirov, T. B. (eds.). Margulan readings–2022: proceedings of the International scientific and practical conference (Almaty, Aprile 12–13, 2022). Almaty: Margulan Institute of Archaeology. (in Kazakh, Russian, English).

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.09.2022.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН РК –	Академия наук Республики Казахстан. Алматы
АСГЭ –	Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
ВКАЭ –	Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ГАГУ –	Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
ИАК –	Императорская археологическая комиссия. Петроград
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИАЭ –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата
КазНИИК –	Казахский научно-исследовательский институт культуры. Астана
ҚР БҒМ ҒК АИ –	Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты. Алматы
МИЦАИ –	Международный Институт центральноазиатских исследований. Самарканд
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
ОАК –	Отчеты Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ПИТ Алатау –	Парк инновационных технологий «Алатау». Алматы
ПТКЛА –	Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РАН –	Российская академия наук
СА –	Советская археология. Москва
ФИА –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана
ЦКАЭ –	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция
ЮККАЭ –	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция
IIСAS –	International Institute for Central Asian studies. Samarkand
JAS –	Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass
MIA –	Margulan Institute of Archaeology. Almaty
RAS –	Russian Academy of Sciences

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Рәсімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ребрендингiне байланысты эмблемасы өзгердi, Алматы қ. территориясынан табылған ерте темір дәуірі (б.д.д. V–III ғғ.) шырағданындағы салт аттының бейнесі қолданылды. Табылған орынды М.Қ. Қадырбаев зерттеген.

В связи с ребрендингом Института археологии им. А.Х. Маргулана поменялась эмблема, в качестве которой используется изображение всадника с курильницы раннего железного века (V–III вв. до н.э.), происходящей с территории г. Алматы. Место находки исследовалось М.К. Кадырбаевым.

The emblem of Margulan Institute of Archaeology was changed due to rebranding. The image of a horseman from the early Iron Age censer (5th–3rd centuries BC) became the symbol of the Institute.
M. Kadyrbayev researched the location of a finding.

Сыртқы қабының 4 бетінде: Баянжүрек. Салт атты бейнесі. Сурет О.В. Беляловтікі.
Жұмыс А.Н. Марьяшевтің жетекшілігімен жүргізілген. 2007 ж.

На стр. 4 обложки: Баянжүрек. Изображение всадника. Фото О.В. Белялова.
Работы проводились под руководством А.Н. Марьяшева. 2007 г.

On page 4 of the cover: Bayanjurek. Image of the horseman. Photo by O. Belyalov.
The work was led by A. Maryashev. 2007.

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 30.09.2022 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 17,22. Times New Roman гарнитурасы. Таралымы 100 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 30.09.2022 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 17,22. Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology.
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 30.09.2022. Format 84×108 1/16
Printed sheet 17,22. Times New Roman headset. Circulation 100 copies.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online

16+